

«...худые
сообщества
развращают
добрые
нравы»

(Апостол Павел,
1-е послание коринфянам, 15, 33)

СТОЛИЩА

«РОССИЙСКИЙ ДОМ» — первая акционерная компания России, официальный исполнитель правительственных программ.

С нами Вы решите все проблемы социально-экономического и производственного развития Вашего предприятия. Исключительный шанс: — превратить сырье, неликвиды, отходы в товары, технологии, продукты питания — лучшие от лучших фирм!

«Российский Дом» признан в мире цивилизованного бизнеса.

Сотрудничество с нами — кратчайший путь к экономическому чуду!

Контактные телефоны в Москве: 246-07-11, 244-48-26

Телефакс: 928-17-62

Диакон Андрей РЫБИН

ПРОСТИ МНЕ, ЧЕСТНЫЙ ОТЧЕ!

Мой сознательный, осмысленный путь в Церковь начался в середине 70-х, когда очень многие чувствовали, вначале интуитивно, затем уже сознательно, что все наше общество, со всеми его повседневностями, не только бездуховно и недееспособно, но насквозь пропитано ложью и лицемерием, или, попросту говоря церковным языком, одержимо бесовщиной.

Уверовав во Христа, прилепившись к Богу, человек делает для себя выбор — с кем быть, кому поклоняться, кому служить. Став Божиим, человек отрекается от сатаны и от всех дел его, от всей неправды его. Так и я, осознав себя Христовым еще в отроческом возрасте, мечтал посвятить всю жизнь распространению Его благодать в нашей исковерканной ложью стране.

Готовил себя к этому, учась в школе, затем в московском институте — вузе, предполагавшем идеологическую и мировоззренческую стойкость. И первое серьезное испытание, выпавшее в моей жизни, как мне кажется, выдержал — отказался сдавать на третьем курсе так называемый «научный атеизм», открыто признавшись преподавателю в своих убеждениях. К моему счастью, преподаватель был человеком глубоко порядочным и смог найти выход из создавшегося положения, который предотвратил мое отчисление.

После института — работа преподавателя, а затем переводчика. Женился, рождение первого ребенка. Твердая почва под ногами, неспешная, но реальная карьера. И — ни одного дня без помыслов о служении на церковном поприще.

Существенную роль в принятии

мною окончательного решения сыграл мой духовник и близкий друг иеромонах Дионисий (Лобастов), увы, рано ушедший из жизни.

Это был человек кристально чистой души, по-детски наивный и непосредственный, но в то же время бескомпромиссный в решении нравственных вопросов и посему так и промывавший всю свою жизнь, отовсюду изгоняемый и много претерпевший от «АБВГД», как он в шутку называл органы госбезопасности. Блестяще окончив Московскую духовную академию и защитив кандидатскую диссертацию, он был изгнан даже с «края света» — маленького сельского прихода, затерявшегося во владимирской глуши, и таким образом лишен средств к существованию, имея на иждивении больную мать-старушку. Господь призвал его к Себе, в Вечные обители, в 46 лет. Нам, его духовным чадам, друзьям и близким, хорошо известно, что причиной его тяжелой болезни, повлекшей за собой раннюю кончину, была серия избиений, зверских и загадочных, так и оставшихся нераскрытыми.

Так вот, отец Дионисий, приблизительно за год до своей кончины, убедил меня в необходимости пойти по пути церковного служения — и это несмотря на то, что ему самому пришлось испытать на этом пути. Буквально за руку отец Дионисий привел меня к митрополиту Минскому и Белорусскому Филарету, тогдашнему Председателю Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата.

Владыка Филарет, человек исключительной и широкой образованности, меломан, ценитель живописи и

литературы (к примеру, отведавший поэта Арсения Тарковского), был единственный, кто сумел хоть как-то защитить отца Дионисия, взяв его под свою опеку. И отец Дионисий относился к Владыке Филарету с большим почтением. С благословения митрополита Филарета я поступил в Московскую духовную семинарию, а затем перешел на работу во вверенное ему ведомство.

И буквально с первого дня начались мои искушения! Чего удалось избежать мне в жизни гражданской, не миновало меня в жизни церковной. Поступив в семинарию, я напрямую угодил в сети КГБ. Через их «рентгеновский аппарат» проходил практически весь контингент духовных школ. Гэбэшное управление располагалось в двух шагах от Троице-Сергиевой Лавры, и бравые «шурико-комитетчики» шныряли целыми днями по «объекту», выходя на связь со своими подопечными, при этом особо не утруждая себя конспирацией. Мало находилось среди студентов таких, кто смел бросить Системе вызов. Как правило, это кончалось для них отчислением из состава учащихся.

Так я сам, по своей воле, пришел к тому, от чего Бог меня в гражданской жизни миловал. Тут бы мне самое время кинуться к моему другу и наставнику, излить ему душу на исповеди, покаяться в малодушии и попросить его молитв! Но всего этого я не сделал.

Прости мне, честный отче!.

Продолжение на с.3

В НОМЕРЕ

1 ПОЛИТИКА

Н.Климонтович:

Эта группа, недавно появившаяся на поверхности, пока вовсе не привлекла внимания левой прессы... Полус зло у них тоже помещается на Западе, в Америке, но вот полюс добра — отнюдь не в Кремле и не в русской деревне, но как бы растекается по всей Евразии.

7

А.Быстрицкий, Д.Шушарин:

Мы не беремся сейчас прогнозировать, что именно произойдет в ближайшие годы. Фантазии шовинистов не идут дальше превращения России в «сырьевой придаток» Запада.

10

А.Головин:

Мы считаем, что в результате перестройки тот слой, который идейно замыслил ее, больше всего и пострадал. Это слой квалифицированных людей. Выиграли же те, у кого в крови есть, очевидно, какие-то способности к коммерции. Выиграла новая номенклатура.

12

2 ЭКОНОМИКА

Е.Колесникова:

Итак, говорили мне, на острове идет война — губернатор Федоров борется за влияние с начальником «Сахалинморнефтегаза» Черным. Но писать об этом не следует. Это раздражает.

18

А.Ефимова:

С «Антимафией» надо дружить, советовала мне одна «солидная фирма», из тех, что перечислила «солидные суммы» на счет Фонда. Получить крышу «Антимафии», уверяли меня, это дорогого стоит.

20

3 ЖИЗНЬ

А.Боссарт:

— Да свалка эта, блин, золотое дно! — ржал во всю глотку охломон лет семнадцати, ухмылка, как щербатое пианино.

Здесь, блин, и кассеты, и зажигалки, и сигареты блоками, блин! И валюта, сука буду! Я тут уж три года кантуюсь, поперец все знаю, ветеран, блин!

32

И.Михайлов:

— ...Я понимаю по-русски, но никогда не хочу говорить по-русски. Хочу ислам, хочу фарси, араби...

Такой тирадой приветствовал нас бывший солдат СА Касим Эрматов на пресс-конференции в пакистанском МИДе.

44

4 КУЛЬТУРА

Мария Розанова:

Меня угнетает в русских желание во что бы то ни стало найти лидера и тупо следовать за ним.

50

Александр Тимофеевский:

«Бонни и Клайд» — фильм о невозможности разрыва с обществом, о призрачности свободы, «Встретимся на Таити» — гимн во славу этого разрыва, во славу свободы.

52

Э.Лимонов:

Ефименков, тот был очень наглый, и потому, когда имел что сказать, говорил, не стесняясь своего деревянного акцента, и говорил упрямо и громко, недаром он читал всю свою жизнь перед многотысячными аудиториями, перед массами.

59

Москва, 101425, ГСП, К-51, Петровка, 22
Телефоны: 928-23-49, 921-67-45
Телефакс: 921-29-85
Телекс: 413739 SU

Еженедельник «Столица» учрежден Моссоветом 2 июня 1990 г. Зарегистрирован Министерством печати и массовой информации РСФСР.

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. При перепечатке ссылка на «Столицу» обязательна. Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефону: 928-83-40.
По вопросам распространения обращайтесь по телефону: 928-27-69

Главный редактор: Андрей Мальгин
Заместители главного редактора: Петр Смирнов, Владислав Старчевский, Владимир Цыбульский
Заместитель главного редактора по коммерции: Юрий Бычков
Директор издательства: Борис Рабкин
Ответственный секретарь: Анатолий Остроухов
Главный художник: Владимир Петров
Отдел общественно-политической жизни: Сергей Митрофанов
Отдел экономики и науки: Елена Колесникова
Отдел правовых и морально-этических проблем: Елена Салина
Отдел социально-бытовых проблем: Вячеслав Басков
Отдел искусств: Татьяна Савицкая
Отдел оперативной информации: Кирилл Рыбак
Отдел писем: Наталья Туровская
Отдел оформления: Виктор Резников

Подписку за рубежом осуществляет агентство Econews: box 378
Geneva 1211 Switzerland.
Fax: 41.22 — 349.05.80
Tel: 41.22 — 349.04.50

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст—2000», поставленной фирмой «Аутопан» (ФРГ)

Номер подписан в печать 06.03.1992 г.
Тираж 156.300

Над номером работали:
П.Смирнов, А.Тамиров, И.Мельникова

© «Столица», 1992

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе «Московская правда», ул. 1905 г., д. 7. Зак. 262

Продолжение. Начало на с.1

Глупо теперь бить себя в грудь, сегодовать и причитать, оправдывая свою ложь. Но все же хочется признаться: единственное, что мною тогда двигало при даче так называемой «подписки о сотрудничестве», — это страх. Не за себя лично. За житейское благополучие семьи, детей. Ведь открытая конфронтация с «шуриками» грозила не только отчислением из семинарии, но повлекла бы за собой увольнение из ОВЦС, лишала бы меня работы. Испугал меня «волчий билет»! Чтобы хоть как-то заглушить в себе голос совести, я искал аргументы в полезности и необходимости своей работы для блага Церкви: я православный, я русский, следовательно, я патриот! Но весьма скоро мне пришлось убедиться в обратном.

Церкви ни моя работа, ни мои знания были не нужны. Они были нужны нашей «родной коммунистической», использовавшей меня и подобных мне в своих целях и интересах. На страже этих богоборческих интересов стояли «шурики» (по иронии судьбы, я прошел через руки трех спецоперативников на церковной контрразведовательной ниве, и каждый из них назывался этим, ставшим уже анекдотичным, именем-кличкой). Но это все были мелкие сошки. Маслитые агенты из числа церковного руководства, такие, как «Адамант», «Потемкин», «Кузнецов» и ряд других, о которых так щедро говорит сегодня пресса, выходили на связь с шефами-кураторами, соответствующими их высокому церковному рангу. Полковники КГБ Милованов и Тимошевский хорошо известны в церковных кругах. Первый был ни мало ни много заместителем председателя Совета по делам религий при бывшем Совмине СССР, второй же — начальником 4-го (церковного) отдела 5-го управления КГБ. Эти славные контрразведчики были озабочены не только выработкой направлений внешней деятельности Русской Православной Церкви, получением информации, касающейся международных религиозных организаций, их лидеров и официальных представителей. Не гнушались они сбором компромата по интересующему их «объекту», поощряя самое обыкновенное мерзкое стукачество одного «агента» на другого. Некоторые мои бывшие коллеги изрядно поднаотрели в таком роде деятельности и с большим успехом для своей карьеры. Помню, как и на меня наседали, чтобы получить «чернуху» на митрополита Филарета и людей из его ближайшего окружения. Цели подобной «контрразведовательной» операции позже

стали ясны. Владыка в конце 80-х стал предпринимать попытки хоть как-то ослабить опеку спецслужб над внешней деятельностью Церкви, что никак не входило в планы церковных контрразведчиков. Готовилось его снятие, и на смену ему уже был подобран кандидат.

Владыка Кирилл (Гундяев) стал епископом Русской Православной Церкви в 30 лет: случай весьма редкий, можно сказать, крайне нетипичный для православной традиции.

В те самые ранние годы его епископства в Ленинградской епархии о нем говорили, как заметил корреспондент «Курантов», «много хорошего», и православные верующие Ленинграда с досадой восприняли весть о его переводе на Смоленскую епархию в середине 80-х. Но даже несмотря на все возникающие в жизни каждого архиерея перипетии (к коим относятся частые перемещения), карьера Владыки Кирилла продолжалась с успехом. Начав в 1970 году личным секретарем митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима, он был затем представителем РПЦ при Всемирном совете церквей в Женеве (свидетельство — тем более в годы «застоя» — особого к нему благоволения и доверия Системы) и — в течение десятилетия — ректором Ленинградского духовной академии (не менее важный пост и доверие безграничное — отбор и подготовка необходимых Системе церковных кадров). И так далее, по восходящей, вплоть до нынешней должности.

Залогом этой успешной во всех отношениях карьеры были, если так можно выразиться, «стартовые возможности», о которых Владыка митрополит довольно недвусмысленно упоминает в своем интервью «Курантам» и на которых хотелось бы остановиться несколько подробнее.

Владыка совершенно искренне признается, что «очень большую роль в его формировании сыграл митрополит Никодим (Ротов)», выше уже упомянувшийся. «Если бы не встреча с ним, — признается Владыка Кирилл, — то я был бы одним из классических диссидентов». Диссидентом Владыка не стал — зато стал классическим представителем церковной номенклатуры, точнее — особо колоритной, «никодимовской» ее плеяды.

Митрополит Никодим, ныне покойный, был заметной личностью в церковном мире, и не только у нас в стране. Молва утверждала, что он был генерал-майор КГБ. Я, конечно, далек от мысли, что Владыка Никодим прошел спецаттестацию на генеральское

звание и носил в одном кармане партбилет, а в другом — пистолет Макарова. Уверен, что это было излишне, да и Система в таких изощрениях и не нуждалась. Задача была куда серьезнее: чтобы хоть как-то оправдать существование Церкви в безобщном обществе, РПЦ, а точнее, ее руководству, предстояло выработать доктрину, укореняющуюся в идеях раннехристианских общин и христианского социализма, и приспособить ее к реалиям «развитого социализма». Митрополит Никодим со свойственной ему энергией включился в реализацию этой концепции — этого более чем своеобразного союза, вне всякого сомнения, слишком далекого от византийской идеи симфонии Церкви и государства, но очень соблазнительного.

В то время, когда религия была в загоне, а верующие люди — бесправными, церковная элита пользовалась всевозможными благами, которые им щедро предоставлялись Системой: постоянные вояжи за рубеж, почетное возглавление всяческих фондов и общественных организаций, восседание в президиумах, вращение в высших государственных сферах, отнюдь не монашеские виллы, квартиры в нескольких городах сразу, шикарные черные лимузины, метко прозванные в народе «членовозами». Но все эти внешние атрибуты высокого положения и власти сами по себе еще не являются пороком. Достойным осуждения было то, что эти блага и привилегии, дарованные Системой номенклатуре, не являлись безобидным, по слову апостола Павла, «добрым свидетельством от внешних», а служили своеобразной платой «своим» (или по нынешней терминологии «нашим») и, увы, никак не облегчили положение религии и Церкви в коммунистическом тоталитарном государстве.

Последнего, надеюсь, не сможет опровергнуть наперсник митрополита Никодима, его ученик и преемник — митрополит Кирилл.

Это был не поиск компромисса с Властью, а деятельный и напряженный труд по выработке главенствующей «церковной идеи», максимально приближенной к идее коммунистической.

Цель оправдывала средства! А целью было не спасение души, но безопасность государства. Продавая душу за сомнительные ценности, сводящиеся к закланьям в верности социалистическому отечеству, внешнецерковные работники покупали твердый шанс на карьере «красного попа» на одной из многочисленных

Окончание на с.6

БРЕД БЫТИЯ

МОЯ ВИНА!

Как сообщает «Постфактум», в Латвии опубликована декларация «партии дураков», после чего множество граждан всех профессий и возрастов, а также целые производственные коллективы изъявили желание вступить «в дураки». Вот пример, достойный подражания. А то у нас в России — это у нас, где главный герой Иван-дурак, — все без дураков, на полном серьезе. Всякий гражданин, который ни в зуб ногой, ни уха ни рыла ни в чем, непременно знает, с чего начать, что делать, а главное — кто виноват. И все это с остервенением, с ожесточением, с фанатизмом каким-то средневековым. Истина в последней инстанции нынче дешева и всякому доступна — на всех углах предлагается «самое сокровенное» (!) знание, учителя и пророки в каждой подворотне, не говоря уж про стадионы и экраны. Я не знаю, кому верить. Я верю всем.

«Виноваты коммунисты!» — Конечно, виноваты. Еще бы. «Виноваты демократы!» — А то не виноваты. Еще как. «Кооператоры виноваты!» — А кто же спорит? «Ветераны виноваты» — всю жизнь рабствовали и холуйствовали, и от нас того же хотят! — Ох, верно! «Молодые виноваты: работать и учиться не хотят, за доллар отца с матерью продадут!» — Правда, все правда! «Виноваты кавказцы, все!» — Ох, виноваты. Все. «И по отдельности тоже виноваты!» — Азербайджанцы отдельно виноваты. И армяне отдельно. И чеченцы особо. Грузины. Татары. Украинцы виноваты. «Евреи виноваты!» — О, еще как! «Русские сами виноваты!» — Сами, сами!

Кто виноват? — Все, кроме меня. Это они — партия дураков. Я умный, я знаю. Я не виноват. Я очень образованный и культурный — все языки, история с географией да экономикой мне — семечки. А как я работаю — мою продукцию в любой стране с руками оторвут. А уж какой я честный и смелый — это вам всякий скажет: всю жизнь за правду горой. Да я... воце!.. Чтoб я — да виноват?!

Да. А я — я, пишущий эти строки, хочу в партию дураков. Я виноват. Я хоть и ду-

рак, а понял: если виноваты все, то и я. Да и не только потому, что все, — и сам по себе тоже. Мое преступление — и мне наказание. Моя доля общего наказания всем нам. У меня есть... не знаю, как сказать, — совет, просьба, что ли. Подумать — и признать, что — да, беды и тяготы — но по грехам и мерзостям нашим. Впрочем, если считать по грехам и мерзостям, то Бог еще милостив. Я, кстати, неверующий, но говорю вполне серьезно. Всего-то несколько лет в бедности и заботах. Сейчас тяжело жить. Но можно. И не то еще можно. И будет не то еще. Но — все, каждый пусть вспомнит. Офицеры без жилья? Вспомните, офицеры, о пьянках, о мате и мордобое, о дедах и салагах в ваших казармах — вот отчего вы без жилья. Оборонщики без работы? А кому и зачем все то, что вы производили? Вы об этом не думали, абы зарплата? Как раз будет время подумать. Учителям мало платят? Медикам мало? А вы в самом деле работаете так, чтобы платить много? Посмотрите лучше на плоды трудов своих. Пенсии маленькие? Да уж, небольшие. «Мы всю жизнь на государство ишачили...» — Да, вот именно за это теперь и получаете, а другим наука: на молота не ишачить, идола не служить. Ей-богу, я безо всякого злорадства — что, мол, поделом вам всем. Тяжело, еще бы не тяжело. Но ведь и поделом тоже. Мы все — скопом и по отдельности, своим горбом честно заработали все то, что имеем и будем еще иметь.

«Правительство виновато!» — Конечно, какие сомнения? Чтобы правительство да не виновато! А вы, Руслан Иманович? — В чем именно? — Ох, не лукавьте. А вы, Александр Владимирович? Ну, прям, ни в чем?

А я вот — виноват. Особенно (стыдно признаться) — в том, что защищаю правительство — от правых и ни в чем не виноватых. Это против всех правил — российскому интеллигенту защищать правительство.

Значит, я не интеллигент, что делать. Виноват.

Илья РАСКИН

Фото В.Шишова

ПО СЛЕДАМ «КРОВАВОГО ВОСКРЕСЕНИЯ»...

24 февраля в телецентр пришла группа народных депутатов РФ и потребовала огласить заявление, незадолго до этого разосланное во многие информационные агентства. В этом заявлении правительство Москвы обвинялось в провокации для установления «демократической диктатуры». Депутаты использовали все ставшие привычными средства давления: до оглашения заявления отказались выходить из здания телецентра, угрожая объявлением голодовки. Среди подписавших заявление были бывшие члены движения «ДемРоссия» В.Аксючий и М.Астафьев.

Шумную кампанию развернули депутаты Моссовета, выступив «Открытое обращение к личному составу московской милиции и внутренних войск Российской Федерации», а также, конечно, и ко всем средствам массовой информации.

С туманными заявлениями для печати выступили известные правозащитники. «Позорное воскресенье требует расследования, виновные — наказания», — к примеру, пишет Валерий Сандеров.

Всех можно успокоить. Расследование будет. В конце прошлой недели в московской прокуратуре сформирована следственная группа — результаты ожидаются недели через три.

Но некоторые итоги можно подвести уже сейчас. Очевидно, не меньшую ответственность за происходящее несут как раз те, кто больше всех требует ответственности от других. Коллизия зако-

нов действительно существует. Декларация прав и свобод человека и гражданина РФ действительно входит в противоречие с неотменным Законом СССР о демонстрациях, митингах и уличных шествиях. Президентские указы о полномочиях органов исполнительной власти противоречат другим нормативным актам, описывающим полномочия Советов. Об этом было известно еще год назад.

Но решать свои споры с помощью фактически антиправительственных, провокационных, а совсем не мирных выступлений красно-коричневых — очень опасная черта записных демократов. Потому что при всем при том, что и я готов умереть за убеждения других, но не за пропаганду же расовой ненависти в центре города («Вы защищаете жидов», — кричали эти демонстранты), не за раздувание межнациональной розни, не за прямые и косвенные призывы к гражданской войне. Возможно, исполнительная власть выбрала неверную тактику воздействия на «мирных граждан», впервые за последнее десятилетие (именно в этот день) неформально загоревшихся идеей возложения венков. Но и ссылки радикалов на уведомительный порядок в цивилизованных западных странах вряд ли состоятельны. Во всем цивилизованном мире все-таки стараются уважать права всех, а не только тех, за убеждения которых надо умирать.

Сергей МИТРОФАНОВ

АРХИВЫ — ЭТО КЛОНДАЙК?

Пресс-конференция в Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ) привлекла внимание журналистов, но в основном — иностранных. А из иностранных — итальянцев.

Итальянских журналистов волновал факт «утечки информации» из советских архивов, проливающий свет на некоторые подробности из жизни родной итальянской компартии.

Прослушав довольно скучное обязательное сообщение о том, как Центр «предпринимает меры по расширению доступа... совершенствуется научно-справочный аппарат, итальянцы в лоб спросили устроителей, каким образом на Запад попало историческое письмо коммунистического лидера Пальмиро Тольятти к своему не менее коммунистическому и историческому коллеге Бьянки.

В этом письме, датированном 1943 годом, Тольятти пишет, что он вообще-то против поголовного уничтожения пленных, но что если, мол, они сами будут умирать в результате естественных трудностей, то он особенно возражать не будет, а для нации это будет даже очень полезно, т.к. она глубже осознает трагизм своего поражения.

Больше всех волновалась журналистка из «Республики», той самой газеты, которая в свое время предоставила газетные площади провокаторам из КГБ для публикации статьи, дискредитирующей тогда еще будущего президента России. Архив был

даже обвинен в том, что нарушил соглашение между компартиями от 1986 г., по которому стороны обязывались, по всей видимости, взаимно не разглашать компрометирующие материалы.

Отныне некто всегда может прийти в архив, взять письмо Тольятти или кого-нибудь другого и, уплатив при этом некоторую мзду, опубликовать его в своей стране... Достойная отповедь застойным западным журналистам. И все-таки некоторая интрига во всей этой истории есть. После пресс-конференции я разговаривал с госпожой Фьямметтой Кукурния из «Републики». Она призналась, что действительно раньше была коммунисткой, но теперь ее интересует развернувшаяся торговля секретами из советских архивов. Так, к примеру, в английской газете «Санди таймс» со ссылкой на еще тогда не открытый Центр хранения современной документации была опубликована личная переписка некоторых видных английских лейбористов. По мнению итальянской журналистки, есть вероятность того, что подобные документы в дальнейшем будут появляться на Западе сезонно и порционно, скажем, перед выборами, и в прямой зависимости от того, сколько заплатит та или иная конкурирующая группировка. Госпожа Кукурния не усматривает в этом признаков деятельности советских спецслужб, скорее всего это коммерциализация еще одной стороны советской жизни...

С.М.

ЧАШЕЧКА КОФЕ В ЛУБЯНСКИХ ЗАСТЕНКАХ

Министерство безопасности России объявило о создании клуба для журналистов под романтическим названием «Лубянка». По словам генерал-майора Александра Гурова, заместителя начальника пресс-центра МБР, «Лубянка» будет «чем-то вроде дома творчества», где можно выпить чашечку кофе». «Клуб, — как сообщает газета «Коммерсантъ», — предоставит возможность обмениваться новостями и консультироваться с профессиональными чекистами». Гуров сказал журналистам, что идея клуба принадлежит его непосредственному начальнику Андрею Черненко.

Спешим сообщить славному борцу с организованной преступностью, что автор данной идеи — гэккачепист В.Крючков, поручивший создать заведение на Лубянке небезызвестному генералу

Александру Карбаинову. Как сообщала газета «Правда» 25 мая 1990 года, в этом заведении разместится уютное кафе, в котором вы сможете побеседовать с офицерами КГБ не под светом следовательских ламп, а под огнями хрустальных люстр... Стены радуют свежей краской. И на них повесят портреты лауреатов литературной премии КГБ СССР, разместят музейные экспонаты, рассказывающие о репрессиях... Ну и так далее.

Выпить чашечку кофе в уютном заведении, где по стенам развешены орудия пыток, — что ж, перспектива для журналиста открывалась заманчивая. Увы, нам ничего не известно о том, была ли она реализована. Корреспондентов нашего журнала в кафе «Лубянка» никогда не звали.

А.МАЛЬГИН

ДЕНЬ ЗАКРЫТЫХ ДВЕРЕЙ

В телевизионных «Вестях» сообщили, что глава российского ВС опять осерчал на прессу: не вполне восторженно осветила она итоги состоявшегося в Москве 27 февраля совещания председателей парламентов стран СНГ.

Действительно, обидно. А ведь какие, казалось бы, светлые горизонты открывались для тех журналистов, которые были аккредитованы на том высоком форуме! Во-первых, корреспондентам была роздана подробнейшая программа мероприятия: «7.30—8.30 — завтрак (это, правда, не для нас), 9.00 — начало совещания (и это тоже оказалось не для нас...), 11.00—11.30 — перерыв (вот это для нас!), 11.30—13.30 — продолжение совещания (опять не для журналистов), 13.30—14.30 — обед (нет, это, к сожалению, тоже не для нас), 14.30—17.30 — продолжение совещания... И опять пресса вне игры.

В святая святых — в зал — допустили лишь одного сотрудника пресс-центра, который любезно согласился, когда будет что-то интересное (это на его, сотрудника,

взгляд), выбегать к нам из зала и популярно пояснять, о чем там главы парламентов шушукуются... Во-вторых, для комфортной работы прессы была предоставлена аж целая комната с табличкой «пресс-центр», куда и в самом деле, как обещал, прибегал пару раз из зала допущенный сотрудник. Ничего плохого не могу сказать об оснащении комнаты пресс-центра, тут было все, что надо: несколько бутылок с минеральной водой (абсолютно бесплатно!), четыре телефона, с десятком скучающих работников пресс-центра и ксерокс с до боли знакомыми всем нам словами — «НЕ РАБОТАЕТ»...

Таким образом, доступ к информации был надежно перекрыт: не считая двух-трех набегов сотрудника пресс-центра, охоты на случайно вышедших из зала участников в перерывы и куцей пресс-конференции. Так что про триумф совещания никаких увлекательных подробностей сообщить читателю не могу. Хотя, казалось бы, и стоял совсем близко. Под дверью...

Григорий КРОШИН

Архивы ЦК КПСС открыты
Но не все. И в недостаточном количестве

Окончание. Начало на с.1

«зарубежных точек». Пробыв там 10—15 лет, «счастливчик» возвращался домой и оседал на каком-нибудь из процветающих московских или питерских приходов, часто совмещая с этим работу церковного аппаратчика. Механизм был прекрасно отлажен.

Вот и меня ждала подобная схема, и я мог стать таким «счастливчиком».

До августа 1989 года я ходил в благонадежных, и «контора» всерьез и надолго решила сделать на меня ставку. Началось оформление в длительную заграничную командировку в Швейцарию, где я должен был занять место в аппарате Всемирного Совета Церквей, сменив там коллегу по Отделу, который при весьма загадочных и до конца не проясненных обстоятельствах был досрочно отозван (кстати, в мае прошлого года он вместе с семьей «ушел» на Запад).

Нужно сказать, что кооптирование «своего человека» в аппарат ВСЦ было большой удачей для КГБ. Подобные операции считались «высшим пилотажем», так как западная сторона с большим пристрастием отбирала кандидатуры. Я к тому времени был членом двух молодежных международных экуменических организаций, и выбор пал на меня не случайно.

Когда церковное руководство поставило меня в известность о предполагаемом назначении, у меня возникло двоякое чувство. С одной стороны, не скрою, предложение казалось мне заманчивым, да и работа обещала быть масштабной и интересной (комиссия по связям с исламом), но, с другой стороны, я прекрасно отдавал себе отчет в том, что основную часть работы Родина предпишет выполнить мне в иной плоскости: смею утверждать, что все без исключения так называемые «представители РПЦ» за рубежом тесно сотрудничали с КГБ и, кто знает, быть может, продолжают сотрудничать с его преемником — АФБ. Более того, смею предположить, что некоторые заграничные учреждения РПЦ, в частности в Дамаске (Сирия), в бывшем Восточном Берлине и в Нью-Йорке (США) использовались в качестве «крыши» сотрудниками вовсе не церковного звания, правда, являвшимися штатными сотрудниками Отдела. В силу сказанного предполагаю, что самые серьезные разоблачения иерархии РПЦ еще только предстоят — и связаны они будут не с архивами «идеологического» управления КГБ, а с материалами по внешней разведке.

Неизбежно для моей совести обрисовался нравственный выбор:

быть со Христом — или предать Истину Христову?

Все решилось само собой. В июле 1989 года, во время проведения в Москве заседания ЦК ВСЦ, ко Владыке Кириллу обратились молодые люди из более чем 100 стран, участники специальной молодежной программы, с просьбой поддержать их инициативу и выразить обеспокоенность несоблюдением основных прав человека в некоторых странах Восточной Европы, Советском Союзе и Китае. Эта проблема, как тогда и следовало ожидать, осталась вне рамок экуменического действия, проходившего, кстати, впервые в истории ВСЦ, в стране, принадлежащей к восточному блоку. Проведено это мероприятие было в лучших застойных традициях, и ни кровь китайских студентов, пролитая на площади Тяньаньмынь, ни репрессии в Румынии, ни международные конфликты в нашей стране — ничто не могло внести коррективы в повестку дня. Но молодые люди со свойственными для их возраста максимализмом и радикализмом даже не требовали каких-то существенных коррективов в тематике того заседания ЦК — они просто хотели услышать от членов Центрального Комитета ВСЦ честную, адекватную реакцию на происходящие в мире и нашей стране события. И это было тогда очень важно не только для определения нравственной позиции этих молодых людей и их христианской совести. Но чиновники от Церкви, проконсультировавшись у своих коллег из государственных и прочих ведомств, решили по-иному, и устами Владыки Кирилла, ключевой фигуры на этом форуме, было разъяснено о ненужности и даже вреде этой «защиты». Однако мне, как руководителю упомянутой молодежной программы, и несколько моим единомышленникам все же удалось сделать нашу озабоченность достоянием гласности — не только у нас в стране, но и за рубежом, использовав каналы вполне «диссидентские».

Реакция Системы последовала незамедлительно.

Из благонадежных я сразу попал в разряд неблагонадежных, из выездных в невыездные. Заграничная командировка в Швейцарию приказала долго жить. Началась активная габэшная обработка. Чекисты требовали немалого: дезавуировать свою подпись, настучать на других и вернуться в стан «лояльных церковников». За это мне было обещано пересмотреть решение о блокировании заграничной командировки, а заодно — посодействовать в получении «тепленького» местечка в престижном московском

приходе и в решении моих жилищных проблем. Второго в моей жизни, нужно отдать должное, вполне уважительного и деликатного куратора сменил человек жесткий, истовый наследник «Железного Феликса», которому, видимо, поручили разобраться со мной «до точки». Я лишился самостоятельного участка работы в Отделе, затем был отстранен вообще от какого-нибудь серьезного дела и, наконец, в мае 1991 года уволен из ОВЦС. Так закончилась моя «одиссея церковного дипломата». Но Система решила и на этом точку не ставить. Нужно было добыть противника, что уже не составляло особого труда. Моя назначенная священническая хиротония была сорвана — Патриарх отказался рукополагать меня в сан священника. Причем — случай неслыханный — уже во время Литургии!

И странное дело: у меня как будто гора с плеч свалилась. Я стыжусь своего прошлого и раскаиваюсь в нем. Глубоко пережив все, что со мной случилось, и осмыслив все это, испытываю чувство радостного очищения от скверны, переполнявшей меня, когда я пребывал во стане «лицедействующих святых отцов».

Но все чаще сегодня задаю себе вопрос: «с каким бы чувством жил я, если бы, поддавшись искушению, пошел дальше по этому пути? Ведь даже в душе самого закоренелого грешника никогда не замолкает голос совести, хотя бы иногда дает она о себе знать. Как люди, облеченные духовным саном, иногда очень высоким, могут всю жизнь таскать это тяжелое греховное бремя? Неужели их не тянет долгу? Неужели не давит сердце на молитве?»

Неужели наши православные церковные иерархи, да и прочие «святые отцы» забыли слова Христа о том, что «Никакой слуга не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом не радеть» (Лк. 16, 13)?

Поиск всякого оправдания такому «Служению» — безнравствен. Ибо это не защита слуг Божиих, предпочтительнее Ему мамону. Это защита мамонны: князя лжи, наживы и предательства.

Пора внятно сказать: системе были нужны не просто физически существующие агенты, все эти адаманты, антоновы, потемкины, аббаты, алтари, кузнецовы, ивановы, сидоровы и петровы.

Ей нужны были их души — чтобы те, растлившись, растлевали вокруг себя тысячи других.

Николай
КЛИМОНТОВИЧ

РАЗОБЛАЧЕНИЕ ЗАГОВОРА, ИЛИ ТОРЖЕСТВО НЕКРОФИЛА

В конце прошлого года, в канун начала реформ и резкой дестабилизации всех сфер нашей жизни, в руках наших литераторов, обычно не склонных к чтению специально-теоретических гуманитарных изданий, но витающих в сферах беллетристически-поэтических, можно было увидеть номер «Вопросов философии» с текстом Эриха Фромма «Некрофилы и Адольф Гитлер».

Этот интерес широкой творческой публики лишь отчасти объясним неутолимой до сих пор аппетитом на разного вида психоанализ, но в большей степени — названием книги, фрагментом которой является «Анатомия деструктивности».

Не говоря уж о том, что сквозь строки описаний Фромма проступают черты весьма примелькавшихся за последнее время лиц.

Некрофильский лубок

Фромм оговаривается, переходя от случаев собственно некрофилии к тому, что он обозначает как «некрофильский характер»: все мы в той или иной мере несем в себе зачатки как характера некрофильского, так и биофильского, а первый представляет собой лишь некий крайний случай. Вот он в общих чертах: влечение к мертвому и разлагающемуся, страсть превращать живое в неживое, тяга к механистическому, стремление к расчленению цельных структур.

А вот перечень привычек и склонностей «некрофила»: причинять беспричинно вред и ущерб всему, что попадает под руку — вплоть до склонности к самоуничтожению; доминирование в сознании проблемы владения и собственности; влечение к экскрементам и чрезвычайная чувствительность к дурным запахам; заинтересованность в теме смерти, любовь к похоронам, симпатия к могилам и тяга к моргам; безжизненность физиономии во время общения с другими, болезненный цвет лица; любовь к черному цвету — особенно в одежде, крайний ригоризм в вопросах общественной морали, тайная ненависть к женщинам, поддержка репрессивных мер для наведения порядка, преклонение перед техникой — от автомобиля до кинокамер, страстная тяга к фотографированию, восхищение всяческим вооружением, особый нарциссизм в сочетании с враждебностью... Батюшки-светы, скажет про себя любой телеман Москвы и Петербурга, так ведь это ж наш скандально известный телерепортер — автор уголовной хроники и демагог, претендующий властвовать умами. Точно он: с отсутствием и признаков мимики на сероватом лице, весь в черном, любитель трупов и ненавистник конкурсов красоты, лекционер оружия, ничего не читающий, по его собственному признанию, кроме журналов «Коневождение и конный спорт» и «Охота и охотничье хозяйство». И вместе с тем — организатор ночных митингов при свете факелов, под охраной боевиков в черной коже, на которых манифестируются цели некоего союза «Наши». И кто такие эти самые «наши» — тут-то и становится понятно.

Игры сирот

В конечном итоге ленинградского витию от криминальной журналистики легче всего «разгадывать» в терминах детского аутизма — приверженность к военным играм и игрушкам в виде пистолета, агрессивность на месте обычных социальных контактов, использование речи не как средства повествования или диалога, но лишь для попыток манипулировать себе-

седником, склонность к вполне детским хитростям, которые он сам воспринимает как хитроумные «изезуитство». Такие агрессивные дети — опасны, особенно если им уже за тридцать.

Другой патетический сирота и литературный сын афганских полков, редактор газеты «День», понятным образом чувствующий себя первым из «наших», в своих славословиях в адрес ленинградского собрата, написанных не без вдохновения, чего нельзя сказать о многих других его публицистических сочинениях, настаивает на том, что его герой прежде всего — невероятно тонкий «художник». Здесь просматривается весьма наивная попытка «заговорить» действительность, камуфлируя созидательную импотентность неумеренным славословием именно незаурядной творческой силы.

Этот же трюк неугомонный «наш» писатель и редактор проделывает и по отношению к самому себе, без лишней скромности характеризуя себя и себе подобных в многочисленных интервью не иначе как «мы, элита» или «мы, интеллектуалы». Иногда к последнему определению добавляется «правые», причем и он сам, и многие его коллеги из журнала «Наш современник» не устают уточнять, что «правые» они в этимологическом смысле, а в политическом — консерваторы, лучше с приставкой «нео».

Правый багаж

Поскольку среди «правых наших» есть православные и безбожники, бывшие коммунисты и монархисты, государственники, почвенники, державники и т.п. — вплоть до «либерала» Жиринского, то общими для них стали не слишком много идей, а точнее, одна, с успехом объясняющая все происходящее вокруг них, — идея заговора. Чаще всего это заговор «жидомасонский», иногда — просто неведомый «координационный международный центр», иногда «президент Вельзевул».

Авторство этой идеи — в отличие от некоторых других, имеющих хождение в среде «правых», — установить не представляется возможным; скажем, эмигрантский автор того же «Современника» утверждает, что «теория о «жидомасонском заговоре» имела в Западной Европе широкое хождение уже в XIX веке» (М.Назаров), а о «всеобщем кагале» писал еще Страбон, не говоря уж о таких поздних «беллетристах», как авторы «Протоколов сионских мудрецов». Но авторство в данном случае совершенно не важно, а важно — само умонастроение, некая мыслительная модель, заставляющая наших «наших» на всех перекрестках твердить все об одном. Модель эта сводится, по-видимому, к механистическому

восприятию самого политического устройства мира — да и не только политического. Модель можно возвести к описанию Вселенной как некоей мегамашины еще Лапласом. Это — неживой мир, лишенный способности к самоорганизации, вообще к какой-либо самостоятельной жизни, но поскольку эту идею проводят и православные, а не французские просветители, то она зачастую облекается мистическими словесами, которые следует расшифровать так: мир лежит во зле, околдованный враждебными чарами, а на долю Лобанова и Станислава Куняева выпало его расколдовать.

Впрочем, как это сделать — остается не очень понятно, разве что крестным знаменем, но вряд ли мировой Вельзевул читает «Наш современник».

Следующий этаж

Помимо общих идей, анонимных и, скорее, похожих на коллективные мифы, есть идеи авторские, получившие широкое хождение в этом кругу. Прежде всего — общедоступные идеи математика Игоря Шафаревича. Их две: оценка социализма как «явления мировой истории» в терминах психиатрических — как коллективного суицидального комплекса, присущего в той или иной степени в разные периоды истории практически любому народу. Книга академика очень известна, тезисы ее были напечатаны еще в солженицынском «Из-под глыб», сейчас можно сказать лишь, что в своем творчестве как историка Шафаревич уже тогда обнаружил приверженность не строгому, но, скорее, эмоционально-эссеистскому методу, что не мешало ему быть скрупулезно тщательным в подборке разнороднейшего материала, чтобы проиллюстрировать начальную гипотезу.

Тезисы ко второй идее он сам сформулировал еще раз в «Нашем современнике» в № 12 за тот год, считая ее, по видимому, за десяток лет не потерявшей актуальность. Вот они: «русophobia — идеология определенного общественного слоя, составляющего меньшинство и противопоставляющего себя остальному народу»; «аналогичный узкий слой, враждебный историческим традициям остального народа... возникал во многих кризисных ситуациях» — имеется в виду и в других странах; наконец, сегодня у нас русophobia — «очень влиятельное течение, внушающее концепцию неполноценности» русскому народу.

Идеи этого автора, особенно вторая, пошли в широкие массы «наших», и не удивлюсь, если окажется, что ОМОН в своих действиях руководствуется стремлением уничтожения именно «малого народа», который, по-видимо-

му, есть русские либералы-западники с еврейским душком. Идея эта крайне проста для усвоения, поскольку опирается на тот же механистический подход к устройству мира. В реальности, конечно, никаких «малых народов», которые можно выделить среди «больших», не существует, и всякий, живавший в русской деревне, хорошо знает тип деревенского скептика и «русophobia», бранящего русскую «историю, культуру и народную психику», а Достоевский, надо полагать, был бы удивлен, что его «западник»-Смердяков представляет некий «малый народ» в отличие от его единокровного брата Алеши, представляющего большой. Живое ощущение неравновесной духовной атмосферы в обществе — или в «народе», если угодно, — где разные поветрия, умонастроения и движения душ самым причудливым образом сплетаются, что, собственно, и дает сегодня и здесь ощущение неповторимости и — в конечном итоге — самой жизни, абсолютно чуждо упрощенным рациональным схемам академика, похожим не на интеллектуальные исследования, а на «апрельские тезисы». В них есть что-то мертвящее, расчленяющее живую структуру, холодное, но главное — скрыто агрессивное, окрашенное идеологией ненависти на грани призыва к погрому. Изная, что Шафаревич сам далек от практической политики, в данном случае можно говорить лишь о психологическом складе одного из «наших» интеллектуалов.

«Новые русские консерваторы»

А между тем, говоря о правом интеллектуализме, редактор «Дня» обнародовал программу, которую стремится провести в жизнь, привлекая к сотрудничеству в своей газете относительно молодых людей, к которым термин «интеллектуалы» подходит неизмеримо точнее, чем к записным кликушам из «Современника». Эта группа, недавно появившаяся на поверхности, пока все не привлекла внимания левой прессы, а между тем она не в пример интереснее Лобанова с Глушковой, да и Шафаревича.

Прежде всего формулировки их более корректны, не говоря уж о цивилизованном тоне, но главное — в их мышлении есть претензии на глобальное осмысление политических процессов. Полнос зла у них тоже помещается на Западе, в Америке, но вот полюс добра — отнюдь не в Кремле и не в русской деревне, но как бы растекается по всей Евразии. Они действительно наследники «евразийцев», а не «славянофилов» и не «почвенников» прошлого века. Но их нынешнее евразийство явно модернизировано. Вот как объясняет это один

из идолов «новых правых» «метафизик и геополитик», по представлению «Дня», А.Дугин: «Термин «наши», ставший столь популярным сегодня в определенных кругах, имеет и континентальное, геополитическое измерение. Он не сводим к узкому шовинизму: «наши» — русские, «ненаши» — литовцы. «Наши» — это евразийцы: от китайцев до французов или бельгийцев... Если говорить об Америке, «нашими» там являются только американские индейцы». Забавно, не правда ли? Но идти на такие допущения «метафизика-геополитика» заставляет глобальная концепция противостояния «атлантизма» и «евразийства», т.е. англо-саксонского мира — конгломерату евразийских этносов.

Конечно, это не Шафаревич, играющий двумя фишками на плоскости, здесь появляется и третье измерение, но все равно этот «кубик» много проще, чем у Рубика. Эта евразийская «континентальная» концепция, воспринятая нашими неоконсерваторами, зло «атлантизма» видит в его экспансии в Евразию с тем, чтобы навязать ей доминирование и собственные ценности. Но «США — это химерическая, антиорганичная, трансплантированная цивилизация, не имеющая сакральных государственных традиций, цивилизационной почвы, пытающаяся, однако, свою антиэтническую, антитрадиционалистскую, «вавилонскую» модель навязать другим континентам». Этому надо всеми силами противостоять. Проект же «евразийского мира», противостоящий «Рах американца», — «стратегическое единство евразийских геополитических и геоэкономических организмов, с чертами традиционалистского, почвенного сообщества нетоталитарного типа». Надо полагать, для наших «почвенников» вся эта европеизированная бодяга — совершенная филькина грамота, прежде всего из-за своего рода правого космополитизма, как бы призывающего: «патриоты всех стран, соединяйтесь».

Исламский вектор

Не в пример более серьезным теоретиком является не так давно вышедший из подполья «представитель Исламской партии возрождения», как рекомендует его журнал «Век XX и мир», Гейдар Джемаль. Пожалуй, именно в его статье последовательно изложена философия «новой правдой», сводящаяся к противопоставлению существующих в мире двух тенденций «автохтонной», т.е. почвенной, и «мондиалистской», т.е. планетарной, мировой (характерно, что автор для своей антитезы берет разноречивые слова).

Разумеется, центром «мондиализма» являются США, которые хотят установить единый мировой порядок «с универсальной системой социального, по-

литического и полицейского контроля». Но противостоит им не «автохтонность» абстрактной Евразии, но прежде всего фундаментальные почвенно-традиционалистские ценности ислама. Причем воплощенные не в режиме столь милого «нашим» Саддама Хусейна, но конечно же в ценностях иранской революции Хомейни.

Более того, автор предлагает довольно остроумную версию того, как мондиалистские силы душили фундаментальный ислам. Скажем, советский мондиализм, оплотом которого был КГБ, захватил Кабул одновременно с американским мондиализмом, руками Хусейна пытавшимся задушить Иран. При этом происки мондиализма синхронно отзывались и в Пекине, где была предпринята попытка противопоставить «автохтонному» маоизму реформы западного типа, для чего спланировали провокационную акцию против Вьетнама, которая была «амбициозной авантюрой», призванной ослабить китайский режим как бы с его собственной помощью. Более того, начало «перестройки» в СССР начал мондиалист Андропов, который предпринял акции против коррупции на советском Ближнем Востоке, преследующие прежде всего агитационный эффект: доказать, что «коррупция и автохтонность синонимичны, и эта синонимичность должна закрепиться как моральная аксиома в массовом сознании».

Не вдаваясь в тонкости этих построений, отметим лишь интересующую нас сторону дела: «исламский возрожденец», как и его коллеги из «Современника», ничуть не сомневается в том, что мир можно рассматривать как единый «остроумно организованный механизм». К нему есть ключ, он в руках «международного истеблишмента — последней инстанции в принятии глобальных решений». Другое дело, что этот истеблишмент не знает географических и политических границ и советские мондиалисты входят в него на равных.

Шизогенный фактор

Эту механистичность мышления дополняет и своего рода «кибернетичность» — скрупулезная склонность к подсчету совпадения дат, как у Г.Джемаль, исключительно кропотливая работа Шафаревича по «начетничеству», подсовыванию самых разнородных данных под предвзятую концепцию, маниакальный поиск масонской символики в архитектуре, скажем, московского метрополитена. Такой характер мышления является отчужденным и мертвенным, а носители его обнаживают шизоидные качества, как говорит Фромм.

Рисовал А. Заяц

Вот что характерно: тот же Гейдар Джемаль в ноябре прошлого года выступал и на страницах «Дня», но не в качестве политолога, а скорее — литературоведа, культуролога. Статья его была посвящена «шизоидной культуре», а большая ее часть восхваляла как крупнейшего писателя Юрия Мамлеева. Тем, кто читал его произведения, хорошо известно, что все они без исключения посвящены или прямо некрофилии, или содержат сильные некрофильские мотивы. Действие многих рассказов происходит в уборных, в моргах, в банях, где всегда фигурируют экскременты и т.д. Показательно, что сам Мамлеев, если он выступает в качестве теоретика, стоит на крайне правых позициях, о чем свидетельствует его статья в мало замеченном сборнике «Континент-Россия», содержащем кроме Мамлеева лишь статью того же А.Дугина.

Забавно, что Джемаль, восхваляя Мамлеева, говорит о нем как о предтече движения панков. И это в известном смысле справедливо — «шизоидная» поп-культура вся замешана на некрофильской тематике, и недаром группа ленинградского «альтернативного» кино 80-х годов называла себя школой «некрореалистов»... Отсутствие в них «биофильства» сказывается прежде всего, конечно, не в методологии построений, но в полной деструктивности, нелюбви к живому миру, желании разрушить существующий порядок, но никак не помочь какому бы то ни было созиданию. Конечно, сама «шизогенность» нашей среды обитания, хаос,

разруха и общая деструкция должны способствовать выявлению «некрофильского характера», стремлению к агрессивному самоутверждению. В какой еще атмосфере репортер-некрофил мог бы претендовать на роль учителя и вождя?

Внимательно читая нашу «правую» прессу, обращаешь внимание на полную неоозабоченность каким-либо созиданием. Православные вовсе не призывают к благотворительности, газета «День» лишь срамит нас за то, что мы принимаем гуманитарную помощь, похоже, они не любят сытых, только обезумевшие от голода и холода — потенциальная рать под их знамена. Этот «нигилизм» описывал еще Франк в знаменитой «веховской» статье, и остается лишь удивляться, что дух разрушения, непомерно усилившийся, от предтеч большевиков переселился в души тех, кто называет себя «консерваторами». Кстати, тот же Фромм пишет: «И еще в одном измерении проявляются характерные реакции некрофила: в его отношении к прошлому... Реальным для него является только прошлое, но не настоящее и не будущее. Прошлое, то есть прошедшее и умершее, по-настоящему правит его жизнью — будь то традиции, установления, законы... В личных, философских и политических воззрениях прошлое всегда священо, нововведения не имеют ценности, а перемены являются преступлением против «естественного» порядка вещей.

Андрей БЫСТРИЦКИЙ,
Дмитрий ШУШАРИН

ЖДЕТ ЛИ РОССИЮ СОЦИАЛЬНАЯ ДЕГРАДАЦИЯ?

Для чувства собственного достоинства человека (а именно от этого чувства зависит общественное и национальное самосознание) весьма существенно сравнение с другими народами.

В России в последние 20—30 лет складывался, как нам представляется, новый социальный тип, окончательное становление коего пришлось на последние годы. Это жители крупных и средних городов, занимающиеся, как правило, квалифицированным трудом. Преобладают тут люди в возрасте приблизительно 40 лет. Характерные черты этого типа проявляются в трех областях.

Во-первых, притязания на уровень жизни, сопоставимый с западным. Тут и отдельные квартиры, а то и собственные дома, автомобиль, компьютер, бытовая электроника. То есть мы имеем дело с ориентацией на общество потребления, российским консумизмом. И эта ориентация доминирует над национально-государственными притязаниями, хотя и не отменяет их.

Во-вторых, в тяготении к высококвалифицированному труду на современных технологиях и организационных принципах. В последнее время вырастает престиж таких профессий, как программист, инженер, менеджер, бухгалтер, юрист, квалифицированный рабочий. Связано это, естественно, с появлением нового сектора экономики, в котором возможно личностное творческое самозавершение.

Очевидно, что социальные слои и группы, которые активно поддерживали перестройку и отстаивали демократию в августе 91-го, более всего от перестройки и пострадали. Никто ведь не будет утверждать, что многие квалифицированные рабочие (а они в основном заняты в ВПК), инженеры, ученые стали жить лучше.

Все они, включая еще и предпринимателей разного масштаба и уровня, в принципе могут быть названы нашим средним классом, тем самым, который является основой любого здорового общества. Они производят материальные блага, обеспечивая интеллектуальный прогресс, стабильность и поступательность развития общества, формируя социальные связи и структуры, являются носителем основных моральных ценностей. Речь идет о добросовестных работниках и законопослушных гражданах, которым далеко не безразлична судьба их родины — России. А таких людей, как бы нас ни пытались убедить в обратном, — большинство. В конечном счете процветание общества определяется тем, как чувствуют себя в нем именно такие граждане. А также тем, выгоден ли в нем честный труд, независимая социальная и политическая позиция, не смешон ли в нем патриотизм, интерес к общественному благу.

В-третьих, в представлениях о разумном общественном устройстве. Государству предъявляются высокие требования в том, что касается обеспечения общественной безопасности, соблюдения законов и охраны прав граждан. При этом понимание системы отношений личности, общества и государства становится близким к либеральному.

Данный социальный тип, как уже отмечалось выше, вовсе не «космополитичен». Мы бы даже сказали, что он патриотичен. Но это совсем иной патриотизм, нежели «патриотизм» Алксниса, Бабурина и прочих «наших», присвоивших себе громкое имя «государственников». Он, однако, далеко не чужд так называемому государственному патриотизму, что наиболее ярко проявилось во время августовских событий. Новая российская государственность, безусловно, поддерживается им. Однако поддержка самого государства условна, ибо от него ждут воплощения новых принципов отношений между ним и гражданином, режима взаимной ответственности.

Сама ориентация на ценности мировой цивилизации в этом контексте патриотична, их утверждение связывается с достойным местом России в мире, с процветанием общества, с национальным возрождением. Впервые в русской истории патриотизм освобождается от ксенофобии.

Мы не хотим идеализировать ни российское общество, ни российского гражданина. Описанный нами тип еще

не является доминирующим. Более того, многие процессы, идущие сейчас в России, вызывают опасение за судьбу общества, которому угрожает социальная деградация, то есть примитивизация социальных структур. Если такое случится, то социальный тип, с которым только и можно связывать прогресс, будет оттеснен на периферию общественной жизни.

К сожалению, общественное сознание не отмечает этой опасности. Судя по средствам массовой информации, которые одновременно и отражают, и формируют настроения в обществе, более всего людей беспокоят сейчас трудности материальные. В частности, свертывание производства. Например, постоянно сообщается об угрозе, нависшей над Магниткой и многими другими сталелитейными, машиностроительными и прочими заводами. Глубокие изменения в структуре производственных сил страны, безусловно, повлекут за собой гибель многих предприятий, построенных не только в годы первых пятилеток, но и совсем недавно. В общем-то, ничего страшного в том, что перестанет существовать Магнитка в своем нынешнем виде, нет. Более того, сегодняшние трудности, при известных условиях, могут означать начало серьезных положительных изменений. Для этого необходимо одно условие: переход к новой технологической эре, то есть повторение пути (а не повторение ошибок), уже проделанного развитыми странами.

Понятие «промышленный переворот», которое применяется как к истории XVIII века, так и к становлению постиндустриального общества в нашем столетии, трактуется массовым сознанием исключительно «технологически», видится им только как появление новых станков и технологий. В то же время совершенно игнорируется социальная сторона процессов, шедших и в прошлом, и в нынешнем веке. Само по себе это игнорирование симптоматично и характеризует состояние общественного сознания, пока еще не способного к адекватной оценке происходящего ныне в России.

С нашей точки зрения, нынешнее правительство, может быть, и осознающее стоящие перед ним задачи, не выработало практической политики, которая была бы направлена на поддержку новых социальных слоев, на их развитие. Начавшиеся реформы пока лишь усиливают социальную

фрустрацию, порождают чувства социальной и национальной неполноценности. Создается впечатление, что реформа рассчитана не на пробуждение в людях достоинства, уверенности в своих силах, а на воспроизведение прежних социальных связей и отношений. Ясно и то, что с духом экономического и политического либерализма, например, несовместим образ президента России, снимающего мелких и средних начальников, по примеру Ким Ир Сена, «руководящего на месте» и осуществляющего непосредственное руководство продажей колбасы и производством самолетов.

Необходимо подчеркнуть, для среднего класса (который пока только складывается) необычайно важно сравнение с развитыми странами. Можно, конечно, рассчитать, сколько авиабилетов на рейс Нью-Йорк — Москва в состоянии купить американский профессор или рабочий на свою месячную зарплату. Но очевидно, что российский ученый или пролетарий не сможет приобрести один такой билет даже на годовую зарплату. И дело вовсе не в том, что билеты дороги. Проблема гораздо серьезнее. Сокращается рынок услуг и товаров. Многие блага, имеющие значение с точки зрения формирования цивилизованного образа жизни, становятся доступными меньшинству, социальные характеристики которого нам до конца не ясны.

Некоторые экономисты полагают, что развитие рынка рискует пойти по пути сокращения производства, повышения и удержания цен. Мы можем прогнозировать социальные последствия при таком варианте. Очевидно, что значительная часть населения окажется тогда просто лишней. Ни о каком прогрессе, технологической революции, новой социальной структуре, среднем классе, новых ценностях, цивилизованном образе жизни вообще в этом случае не будет идти и речи. Незначительный рынок товаров и услуг будет обслуживать крайне малую социальную группу, в которую, судя по всему, войдут прежде всего представители властных структур и сросшихся с ними коммерческих концернов. Мы не беремся сейчас прогнозировать, что именно произойдет в ближайшие годы. Фантазии шовинистов не идут дальше превращения России в «сырьевой придаток» Запада. Однако очень может быть, что никому наше сырье не понадобится. Возможны варианты, из которых все — хуже, поскольку они

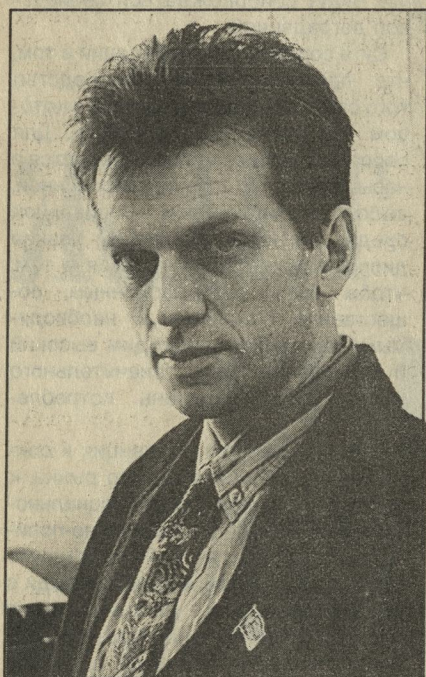
все будут сопровождаться социальной деградацией.

Суть социальной деградации в том, что прекратится воспроизводство того самого социального типа, о котором так долго мы толковали. Для своего развития этот тип нуждается в насыщенной и структурированной, высокоорганизованной социальной среде, для него губительны резкие диспропорции. Он нуждается в том, чтобы быть востребованным, общественно полезным и необходимым. Ему также необходим высокий и доступный для значительного числа людей уровень потребления.

Если сохранится тенденция к сокращению потребительского рынка, к усилению диспропорций социально-экономического и социально-политического развития, то Россия может оказаться страной, в которой люди с образовательным уровнем выше школьного учителя или мастера производственного обучения окажутся ненужными. Такие люди не найдут себе применения, а уровень жизни подавляющего большинства населения будет очень низок. Но что самое страшное — мало кто будет претендовать на большее.

Мы вовсе не хотим накликать беду, и уж, конечно, просим «наших» не считать нас своими. Скажем прямо: мы поддерживаем правительство России, нам близки его ценности и идеалы. Однако нам не до конца ясно, на какие социальные слои собирается опираться правительство в проведении политики реформ. Создается впечатление, что мы имеем дело с социальной арифметикой, тогда как требуется социальная алгебра. Чтобы хоть чего-то достичь, надо стремиться не просто выжить, а поддерживать у людей стремление к успеху. Кажется, один из основных просчетов правительства в том, что до сих пор не создан образ желаемого будущего.

Все еще возможны варианты. И социальная деградация — отнюдь не единственный путь эволюции России. Все решается на наших глазах. Но мы не уверены в том, что те, кто у власти, в состоянии оценить масштаб происходящих событий и меру своей ответственности.

Андрей
ГОЛОВИН

НАШЕ ДВИЖЕНИЕ — ДЛЯ БОЛЕЕ ИЛИ МЕНЕЕ УМНЫХ ЛЮДЕЙ

Во время Конгресса гражданских и патриотических сил среди странных выступлений, а таких там было большинство, нам запомнилось одно. Оно было странным даже на фоне всех остальных. Быть может, потому, что оратор чаще, чем другие, употреблял иностранные слова. Многие из наблюдателей вообще удивлялись, как он попал в эту компанию. Это был

Андрей Головин, народный депутат России, лидер фракции «Смена — Новая политика». Незадолго до Конгресса в Моссовете по инициативе демократического объединения «Свободная Россия» прошла встреча Андрея Головина с избирателями. Предлагаем фрагменты записи этой встречи.

— Известно, что на базе возглавляемой вами в Верховном Совете России фракции создается теперь движение «Смена — Новая политика». Каковы его цели?

— Наша фракция была создана еще до I съезда народных депутатов России и с самого начала отличалась активной деятельностью: именно мы подготовили альтернативный проект повестки дня съезда, который впоследствии и был принят. Мы, сейчас у нас 56 человек, никогда не входили в блок «Демократическая Россия», всегда были сами по себе. Большинство нашей фракции голосовало против предоставления президенту Ельцину дополнительных полномочий на V съезде. Мы также активно выступали за проведение выборов губернаторов 8 декабря, а не за их назначение. Мы воздерживались или не принимали участия в голосовании при ратификации договора об СНГ. Мы рекомендовали не принимать бюджет, представленный правительством. В то же время мы, пожалуй, единственная фракция, от имени которой выносился, например, Закон о местном самоуправлении.

У нас достаточно много сторонников в местных Советах, и сейчас они уговорили нас создать движение. Мы считаем, что в результате перестройки тот слой, который идейно замыслил ее, больше всего и пострадал. Это слой квалифицированных людей. Выиграли же те, у кого в крови есть, очевидно, какие-то способности к коммерции. Выиграла новая номенклатура. Но люди,

которые не умеют ничего иного, кроме как честно и квалифицированно работать, — это инженеры, рабочие высокого разряда, ученые, — они потеряли больше всего. Их просто бросили на произвол судьбы. В большой политике до сегодняшнего дня не было групп, которые бы выражали интересы этого слоя.

— Многие считают, что правительство Москвы — это правительство не «народного доверия», а номенклатурной элиты. Это правительство, ссылаясь на правовой тупик, действует исключительно в интересах этой элиты. Вы согласны с этим утверждением?

— Никакого правового тупика в Москве нет, есть неисполнение законов исполнительной властью. Законом предусмотрено утверждение Моссоветом так называемого правительства Москвы — на самом деле это не правительство, а руководители администрации. Это Попов придумал себе схему: он президент, и у него правительство, это все его фантазии. В законе этого нет. В законе есть глава администрации — мэр (или может быть другое название) и есть те, кто ему непосредственно подчиняется, — руководители подразделений (департаментов и т.д.). Каждый из них должен утверждаться Моссоветом. Если закон начнет действовать, то проблемы этой не будет. Но вот начнет ли он действовать, я не знаю. Это зависит и от депутатов России, и от депутатов Моссовета, и от президента, конечно.

Депутаты России не выполняют своих важнейших, контрольных функций. Большинство из них просто не хочет этого делать, после того, как на V съезде они отдали президенту свои полномочия. Они не хотят ни за что отвечать.

— Что вы думаете о взаимоотношениях с республиками, входящими в состав России?

— Наша фракция выступала за единство Союза, и, естественно, мы выступаем за единство России. Тот путь, по которому мы пошли — так называемая суверенизация, — у нас никакого восторга не вызывает. И путь Федеративного договора — это путь развала России. Россия — не федерация, никогда ею не была, для этого нет исторических предпосылок. Россия — это государство с самоуправляемыми территориями. Более или менее близкий аналог — Испания — Страна Басков — Каталония. Вот такие должны быть взаимоотношения.

В принципе ничего страшного нет, если главу исполнительной власти в республиках (президента) выбирают напрямую. Страшно то, что этого нет в краях и областях, что там отменены выборы губернаторов и их теперь назначают. Прямые выборы не означают развала России. Другой вопрос — взаимодействие: Центр России — республика. Вот здесь наше руководство допустило огромное количество ошибок, и за это, конечно, несет прямую ответственность советник президента по национальным вопросам Старовойтова и сам президент. Но я не считаю, что процесс необратим. Мы будем вносить альтернативные статьи в проект Конституции и в проект закона о разделении полномочий между Россией и республиками в составе России. Мы с этим работаем постоянно, и я не думаю, что все проиграно.

— Охарактеризуйте, пожалуйста, окружение президента Ельцина.

— Мне бы, честно говоря, не хотелось бы говорить на эту тему, потому что это в конце концов дело президента, кем себя окружать. У нас очень живуча идеология «царь хороший, бояре плохие». Дело состоит в том, что действительно очень трудно работать. Никто не может добраться до президента. Председатель комитета по 2 месяца ждет в очереди. Наша фракция подала заявку на встречу 3 сентября, а встретились мы с ним в середине декабря. А вопрос был неотложный, по поводу его указов, которые нарушают Конституцию и законы. За время нашего ожидания он издал еще 50 указов, которые точно так же нарушают законодательство. Собствен-

но говоря, тема для встречи пропала. А знаете, интересоваться прошлым, кем работал, мне не интересно, моему, это не самое главное в человеке.

— Как вы относитесь к экономической политике правительства?

— Да никакой политики нет. Есть набор указов. Взять указ о свободе торговли. Смысл его сводится к тому, чтобы отменить все эти карточки, лицензии, талоны, купоны на всей территории России. Но мы-то с вами знаем, что одно дело издать указ, а другое — кто ему будет подчиняться. Вот Татарстан ему не подчинится, пара областей ему не подчинится. Кто подчинится, тот и проиграет.

О приватизации. Мы всегда были сторонниками так называемой «справедливой», а я бы сказал — эффективной приватизации, когда все население участвует в этом процессе, что и предполагали принятые российские законы, но нынешнее правительство их не выполняет. С января мы с вами должны были бы стать обладателями приватизационных книжек, но ничего этого не сделано. А вот представители исполнительной власти очень часто занимаются приватизацией, и небескорыстно.

О налогах и бюджете. Хасбулатов у нас сейчас «прозрел» и понял, что налоги-то установили непосильные. Нам же с самого начала было ясно, что такие налоги никто платить не будет, будут останавливать производство. Идея сделать бюджет бездефицитным в принципе правильная, но за счет чего? Там абсолютно произвольные цифры, концы с концами не сходятся. Если просуммировать по областям, получается одна цифра, в свободном бюджете — другая. Разница 27 млрд. руб. Внешняя торговля почему-то дотационная, хотя всю жизнь прибыль приносила. Они установили курс рубля к доллару: 1 к 5,5, а все остальное дотируют. А почему? Им распределять нравится. Вместо того чтобы брать фиксированные отчисления с каждой территории, они их делают различными. Для чего? Чтобы человек из какого-либо региона приехал с чемоданом и просил: «Сделайте нам поменьше отчисления».

— Используете ли вы зарубежный опыт в своей законодательной деятельности? Можно ли брать сразу обкатанные в цивилизованном мире законы?

— Прежде чем работать над системой самоуправления в России, мы изучили голландский, австрийский, американский, английский, французский, польский, литовский, украинский и ка-

захский опыт и, естественно, опыт до-революционной России. Ни одна из этих систем в чистом виде не подходит, но какие-то элементы мы позаимствовали. Аналогично в других сферах.

Вообще по поводу законов. При всех недостатках Верховного Совета я бы сказал, что он хорош для такой страны. Мы имеем всего 1,5 года парламентаризма, но правовое пространство у нас в основном закрыто, за исключением нескольких дыр. Наши законы проходят международную экспертизу, получают довольно высокие оценки. Поэтому беда не в отсутствии законов, а в их исполнении.

— Но как депутатам и просто гражданам добиться исполнения законов?

— Сейчас в Москве образовалась Ассоциация депутатского корпуса. Московских депутатов разных уровней около 4000 человек. Им давно пора собраться и поговорить о своих проблемах. Если 4000 человек примут какое-то решение, с ним нельзя будет не считаться. Исключить принятие противоправных указов президента, распоряжений мэра можно только путем формирования общественной силы, которая стоит не «за Ельцина» или «против», а за выполнение законов. Законы выполняются там, где граждане законопослушны, где есть правовое самосознание. А депутаты, которые получают зарплату и не хотят ни за что отвечать, они же такие, как их избиратели.

— Почему ваше имя редко звучит в средствах массовой информации?

— Потому что они у нас совершенно не отражают альтернативные точки зрения. За полтора года я ни разу не выступал по московскому телевидению, хотя являюсь московским депутатом. Журналист из «Российской газеты» дважды брал у меня интервью. Первый раз он, оказывается, задавал «неправильные» вопросы. Второй раз вопросы были записаны заранее, но после моего ответа на третий вопрос он мне сказал: «Хватит. Все равно это не напечатают». Не думайте, что все так просто. Идет борьба, и я, наверное, единственный депутат, который использует исключительно законные методы. Пусть не получается, но я их использую и не сижу просто так.

Виктория СТАРОСТИНА

КОГДА ВО-ПЕРВЫХ — СЕРВИС

Мы живем в удивительное время. Решительно осудив 70 лет советской власти, мы отошли от берегов социалистического хозяйствования и подставили головы теплым сытным ветрам, веющим "оттуда".

Мы живем в страшное время, потому что никогда не плавали дальше своих берегов — нет ни карт, ни лоцманов, ни опыта, ни терпения научиться. На наш SOS уже откликнулись гуманитарными курами и маслом. Что дальше?

Естественно, когда в друзьях согласия нет и в ситуации, когда до сих пор не решили, к какому светлому будущему идем, не до жиру. Как и семьдесят лет назад основная наша проблема — как поделить, а не что произвести. Остается удивляться мужеству тех, кто пытается заниматься реальным делом в нашей стране и в наше время. Кто латает общие дыры и решает общие проблемы. Ну а критерием полезности и порядочности фирмы остается как и всегда оценка ее деятельности потребителем.

Мы уже рассказывали о работе сервисного компьютерного центра "Техносерв" в N 44 нашего еженедельника за прошлый год. Огромное число читательских откликов и обращений по ремонту компьютерной техники уже тогда обратило на себя внимание. Несмотря на достаточно большое количество рекламных объявлений конкурирующих фирм, постоянно появляющихся в прессе, СЦ "Техносерв", по-видимому, занимает стабильное место на рынке компьютерного сервиса. С одной стороны, это поддается простому объяснению — мы наконец дожили до эры массовой компьютеризации. С другой стороны, все знакомы с прелестями ненавязчивого отечественного сервиса, в том числе и компьютерного. Профессионалы в сфере сервисных услуг — явление совершенно уникальное в стране, где большинство новорожденных фирм заняты в основном добычей денег. С вопросами о работе "Техносерва" в новом году, ознаменовавшимся "крутым переходом к рынку", двадцативосьмипроцентным налогом и прочими новациями, мы обратились к его директору Леониду ГОЛЬДЕНБЕРГУ.

— Леонид, и все же, чем, на ваш взгляд, "Техносерв" отличается от конкурирующих фирм?

— Во-первых, тем, что мы начали работать три года назад и у нас сложился определенный круг постоянных заказчиков. Ведь человек, который умеет хорошо паять, но к которому не приходят клиенты, теряет свою квалификацию. До нас очень часто доходят платы или узлы, многократно "ремонтированные" в других местах. Есть такой показатель в компьютерном сервисе — процент отказа от ремонта. Если он составляет около 20%, т.е. в одном случае из пяти сервисная фирма не может устранить неполадки в оборудовании, заказчик попросту перестает обращаться. У нас такой процент минимален. Во всяком случае, если ремонт нам не по зубам, "Техносерв" не занимается самодельностью. В подобных ситуациях выгоднее и для клиента и для нас поставить новую комплектующую деталь. С недавних пор и по просьбам наших постоянных заказчиков мы расширили поле деятельности — наряду с традиционным и основным направлением — сервисом стали поставлять необходимые комплектующие, в основном из-за рубежа. Еще раз подчеркну, "Техносерв" не занимается посредничеством при поставках этих деталей. Для этого в Москве достаточно других людей и других

фирм. На языке терминов, мы занимаемся поставкой на условиях консигнации, а это значит, что комплектующие приходят к заказчику минуя посредников.

Во-вторых, нигде сервис, как вид работы, не может быть не на первом месте. А во всех предприятиях по продаже компьютерной техники, он — вообще, в шестнадцатых или еще дальше. Мы же являемся чисто сервисным предприятием. И даем на свою работу большую гарантию.

— Но, как мне кажется, открыть свое собственное дело по компьютерному сервису не такая уж большая проблема. Вы же сами признаете, что в одной только Москве масса инженеров-электронщиков и фронт работ довольно обширен...

— А мы и не претендуем на исключительность, качество нашей работы это действительно норма, по-другому и не должно быть. Важно другое. Сама организация деятельности сервисного центра должна ставить перед его сотрудниками новые сложные задачи. Специалист обязан постоянно совершенствоваться, открывать для себя сферы приложения своих сил. Наш коллектив сложился далеко не случайно. Мы знаем друг друга более десяти лет. И если возникает проблема с принятием на работу нового

сотрудника, то у нас на этот счет сложились довольно жесткие правила: его должны прежде порекомендовать кто-либо из своих, первые несколько месяцев ему придется работать практически бесплатно и с полной отдачей, затем — устанавливается минимальная ставка, и так до тех пор, пока общее собрание коллектива не примет его в свои ряды. К любому специалисту квалификация приходит во время напряженной работы. Есть такое понятие в теннисе — «набитость». Мы все начинали без особого опыта, но результат налицо — большинство наших специалистов не только устранят любую поломку, но и определят ее просто на глаз, на уровне интуиции. Начиная с марта, к тому же, в «Техносерв» проводится эксперимент по аттестации сотрудников, включая, конечно же, и директора. В систему поощрений и штрафов входят такие основные пункты: самые большие плюсы — освоение нового для себя вида деятельности, замена отсутствующего сотрудника, минусы — необоснованный отказ от работы, некорректность в обращении и другие. Возможно, это звучит слишком жестко, но это попытка усовершенствовать организацию нашего труда, благодаря которой мы должны выйти на новый уровень качества сервисных работ.

— Действительно, звучит жестковато. И уже отдаленно напоминает тот самый страшный капитализм, которым нас всегда пугали.

— Чем же плоха плодотворная профессиональная работа, тем более направленная по благо самому трудовому коллективу? Теперь мы работаем только на себя. И я уверен, что ни один из нас не задумывается о другой деятельности. Хотя об этом нам лучше поговорить со всеми остальными сотрудниками.

— Леонид, в прошлом нашем разговоре вы касались контактов «Техносерва» с зарубежными сервисными фирмами. Состоялась ли ваша «любовь» с европейскими партнерами?

— Да, с ними уже подписан контракт, по которому они присылают нам перечень комплектующих, необходимых им для

выполнения обязательств по техническому обслуживанию. Мы поставляем им это необходимое количество, безусловно с хорошей гарантией. Они же, в течение года реализуют наше оборудование, отдают нам свое неисправное, оплачивая разницу в ремонте. Кроме этого, сейчас мы готовы к подписанию контракта на сервисное обслуживание с одной известной американской фирмой — поставщиком компьютеров на североамериканском рынке. По предварительному анализу, этот контракт позволит им опустить цены сервиса на 25% и поднимет на тридцать процентов рентабельность этого вида их деятельности. Для западных фирм содержать таких специалистов по сервису — непозволительная роскошь. Им проще выбросить поломанное и неисправное, чем заниматься ремонтом. Мы нашли общий язык и сговорились в цене, которая всех очень устраивает. С разной периодичностью наши сотрудники будут командироваться в Америку, и этого будет достаточно, чтобы снять проблемы сервиса нашего партнера.

— Означает ли это, что «Техносерв», подобно западным крупным компаниям, будет стремиться к разрастанию, другими словами, к «монстрированию»?

— Нет, перед нами не стоит такая задача. Мы сейчас без особого труда справляемся со своим объемом работ, справимся, надеюсь, и с большим. Единственным путем развития в будущем я вижу углубление разделения труда. Будет, скажем, не один «Техносерв», а десять подразделений, каждое из которых займется своим направлением.

— Сейчас модно зарабатывать деньги на всех фронтах, на каких только возможно. Вы не пробовали заниматься посредничеством, распространением акций, скупкой и продажей недвижимости? Нет ли у вас золотой мечты заняться производством чего-либо?

— По-моему, делать нужно только то, что умеешь на профессиональном уровне. Мы бы могли зарабатывать огромные деньги элементарным способом, поднимая расценки, предположим, на сто процентов с нового года, как поступили многие коммерческие структуры. Но мы их подняли объективно и всего лишь на 17%. Поэтому у нас опять вал работы.

— Прибило ли вам забот внедрение новой налоговой системы?

— Нам сложностей не добавило — с самого начала было очевидно, что эти 28 процентов лягут на потребителя. А что касается тридцатидвухпроцентного налога на прибыль — будем медленнее развиваться, вот и все, а это обидно, ведь мы для того чтобы обеспечить высокое качество работ, ежегодно практически на 100 процентов меняем свое технологическое оборудование. Если бы еще быть уверенным в том, что эти деньги пойдут на нужды бабушек и дедушек, как декларируют в законе, так не жалко было бы отдавать и все пятьдесят процентов! А так все равно все канет в черную дыру, которую почему-то называют экономикой.

Годовое техническое обслуживание и устранение всех неисправностей стандартного комплекта ПЭВМ (монитор, системный блок, принтер) с учетом стоимости замены любого неисправного элемента

— IBM PC/XT	2700 — 4000 руб.
— IBM PC/AT	4300 — 5600 руб.
— IBM PC AT 386	8000 — 11500 руб.

Для организаций, передающих на обслуживание более 10 компьютеров, предоставляется скидка, достигающая в зависимости от количества компьютеров 25% от указанной стоимости.

Ремонт IBM совместимого оборудования в кратчайшие сроки или замена в присутствии заказчика.

— системные платы XT	1600 — 3300 руб.
— системные платы AT	4400 — 9800 руб.
— системные платы AT 386	8400 — 25000 руб.
— мониторы всех типов	4000 — 8000 руб.
— контроллеры различных типов	1600 — 5500 руб.
— принтеры всех типов	5800 — 11500 руб.
— винчестеры (за 10 МБ)	4000 — 7000 руб.

Гарантия на произведенный ремонт или замененное оборудование составляет 6 месяцев с момента получения оборудования Заказчиком.

Аппаратная русификация видеоконтроллеров и матричных принтеров. Увеличение производительности и доукомплектование персональных компьютеров.

Поставка комплектующих для компьютеров (склад, контракт).

Контактный

телефон

СЦ «Техносерв»

269-51-11

Коммерция

КАПИТАЛИЗМ ЕЩЕ ДАЛЕКО, А ГРИМАС — СКОЛЬКО ХОЧЕШЬ

Директор Рыбинского завода «Гидромеханизация» В.А.Кобызов — прирожденная «акула империализма». Преобразовав свое предприятие в акционерное общество «Электромех», он решил, по примеру российского правительства, сделать бюджет собственной конторы бездефицитным (то есть избавиться от всех «непроизводительных» расходов). А для этого издал специальный приказ, согласно которому в принадлежащих заводу жилых домах плата за центральное отопление увеличена в 49 раз, горячее водоснабжение — в 36 раз, канализацию и газ — в 6 с лишним раз. Вдобавок предприимчивый директор избрал и нечто принципиально новое — плату за вывоз мусора. Так что содержание скромной двухкомнатной квартиры

жилом секторе «Электроме-
ха» стало обходиться в
300—400 рублей.

Но и этого оказалось мало. Никак не выжить заводу в новых условиях, если не исключить еще одну статью расходов, решил директор и направил городской администрации письмо с просьбой «возместить убытки», нанесенные заводу квартиро-съемщиками, — дескать, некоторые, оплачивая жил-площадь, пользуются пяти-десятипроцентной скидкой. (Речь шла об инвалидах войны и семьях погибших воен-нослужащих.) Согласно вык-ладкам Кобызева, убытки составили прямо-таки коло-сальную сумму — 3668 руб-лей 76 копеек (уточним — зарплата самого Кобызева — 6000 рублей).

Пока в рыбинской администрации размышляли компенсировать акционерному обществу три с половиной тысячи или не стоит, нововведениями директора «Электромеха» занялась городская прокуратура.

Олег ПЕТРОВ

ТАМОЖНЯ, А ХОЧЕШЬ, МЫ
ЗАПЛАТИМ ТЕБЕ ЗОЛОТОМ?

Сильное лекарство порой имеет побочные действия. Лечат, к примеру, от простуды, а появляется аллергия, тошнота, расстройство всякие. Нечто похожее может вызвать постановление правительства об ограничении вывоза из Российской Федерации товаров народного потребления. Например, «синдром вахтера» (когда «не пускают» даже то, что следовало бы пропустить) или обыкновенное здомство.

Оба явления уже обозначились на таможенных Ростовской области. Так, нижегородский кооператив «Эко» вез на Украину целлофановые пакеты. На таможене Неклиновского РОВД груз у кооператоров изъяли. Теперь «Эко», угрожая судом, требует возратить либо пакеты, либо деньги. Резоны у «Эко» такие: во-первых, мешки предназначались для упаковки купленного на Украине товара, который потом все равно бы вернулся в Ро-

ссию; во-вторых, в перечне ограничений целлофановых пакетов нет.

А ростовское малое предприятие «Экостройсервис», наоборот, собиралось продать в Мариуполе партию турецких свитеров и запасы всеми необходимыми на этот счет бумагами. Но на ростовской таможенной машину МП остановили. Строгий человек в штатском залез внутрь и под наблюдением вооруженных милиционеров без лишней формальностей «изъял» три свитера. Недоумевающим коммерсантам разъяснили, что, дескать, так принято: такса за проезд через таможенно взимается образцами товаров по количеству лиц, находящихся в машине (а если бы везли мебельные гарнитуры?). Малое предприятие пытается теперь вернуть «экспропрированные» вещи, но тщетно: что оно может — малое...

Сергей СИНЕОК

**РАБОТАТЬ НАДО!
А НЕ ХОЧЕТСЯ...**

По данным социологов США, где уровень коммерческих знаний среди населения очень высок, только пятая часть американцев способна работать в бизнесе. По мнению российских экспертов, у нас этот процент значительно ниже — только три человека из ста созрели для занятий коммерцией и обладают необходимыми деловыми навыками. Отчего так? Прежде всего заметно нежелание работать постоянно со значительной нагрузкой, неумение концентрироваться на одном направлении. Зато у нас есть привычка работать в обстановке прилизительности, неуверенности, неопределенности. Именно эти черты российского бизнеса вызывают у коммерсантов тягу к криминальным структурам. Подобные тенденции крайне опасны для экономики, поскольку каждый ждет, что дело будет делать кто-то другой, а сам он лишь воспользуется плодами чужого труда.

СНАЧАЛА — ПОРОЗНЬ, ПОТОМ — ВМЕСТЕ

Многие специалисты с тревогой обращают внимание на тот факт, что в России остается всего два незамерзающих порта: Новороссийск и Владивосток. А все остальные, строившиеся в республиках для общесоюзного использования, остаются вне управления российским руководством. Но так ли это? Например, Новоталлинский порт обеспечивает лишь на два процента грузооборот, предназначенный для Эстонии, другие грузы поступают в Россию. Заинтересованность в использовании крупных портов, находящихся в небольших республиках, — обоюдная, и нет смысла делить то, чем выгодно обладать совместно. Россия велика, москвичам или уральцам все равно — через какой порт придут к ним продукты: Петербургский, Новоталлинский, Новороссийский или Одесский. Таким образом, некоторая отрезанность России от привычных морских портов не меняет в корне ее возможностей по экспорту и импорту.

Проверка на дороге. Фото Ю.Штукина

ВЕЛИКИЙ БУТЫЛОЧНЫЙ ПУТЬ: ИЗ ПРЕЧИСТОГО В ГЯЗОВЕЦ

Участились случаи провоза «контрабандного» товара через границу Ярославской и Вологодской областей. Предмет контрабанды — пустые бутылки, которые в Ярославской области оценены в два рубля, а в Вологодской почему-то в пять рублей за штучку. Перевозки осуществляются пока между двумя наиболее близкими к границе пунктами: Пречистое (Ярославская область) и Гря-

зовец (Вологодская область). Благодаря тому, что расстояние невелико — всего пятьдесят километров, — бутылки переправляются «за кордон» довольно крупными партиями. Проблем со сдачей посуды на вологодской земле пока нет, но местные эксперты утверждают, что через несколько недель Грязовец затоварится стеклотарой и предприимчивым жителям Ярославской области придется в поисках новых рынков сбыта углубиться на «чужую» территорию.

Олег ПЕТРОВ

Наш бизнес

ПРОЩАЙ, «МЕЛОДИЯ»! НА СЦЕНЕ — «РУССКИЙ ДИСК»

Оказывается, быть профессиональным музыкантом, записывать музыку и выпускать пластинки в нашей стране — дело невыгодное.

Маргарита Тимофеева — титулованная Мисс-Рок СССР. Мисс-Гитара, солистка джаз-рок-группы «Комбо». Выступала в США, в ГДР, ФРГ, в Западном Берлине, в Чехословакии, Польше. Пластинка группы «Комбо» — «Эмансипированная женщина» выпущена фирмой «Мелодия» год назад, и тираж ее разошелся. Самой «мисс» от

распродажи не перепало ни копейки. А причиталось — 0,6 копейки с каждой купленной пластинки. При тираже в десять тысяч доход музыканта от реализации составлял, по договору, 600 (!) рублей. Плюс обещанный «Мелодией» авторский гонорар три тысячи, вполне солидный по меркам середины 1991 года. Но фирма «Мелодия» приказала долго жить и заодно бороться за кусок хлеба. «Мелодии» не стало. На ее месте возник «Русский диск». Стены те же, прежние люди работают, зато называются по-новому. А коронованная «Мисс-Рок» не успела получить «королевский» гонорар у «Мелодии». Новое поколение, «Русский диск», отказывается платить по старым счетам.

Группа сегодня сделала запись новых пьес. Собственными усилиями, за собственный счет (для справки: один час звукозаписи в Доме радио на Качалова стоит 250 рублей), и предложила эту запись издать «Мелодии»... простите, «Русскому диску». Выяснилось, что теперь пластинки для музыканта — прямой путь к банкротству. «Русский диск» включает стоимость готовой записи в заводскую цену пластинки, а это с первого марта — 30 рублей. Если прибавить транспортные расходы и 25 процентов торговой надбавки, стоит одна пластинка будет 45—50 рублей. Вдобавок «Русский диск» требует, чтобы группа внесла половину заводской стоимости тиража — более

двухсот тысяч рублей.

А «Мисс-Рок» приглашают в Нью-Йорк попытать счастья на международном рок-фестивале — своеобразной выставке-продаже музыкантов. Приглашают как равную, как достойную своих западных коллег. Поездка эта могла бы стать для «Комбо» судьбоносной и стоила бы группе всего-то... две тысячи долларов. Когда группа в 1989 году гастролировала по США, музыкантов охранял сторож-негр и получал за это зарплату — две тысячи в месяц. Американцам кажется очевидным: музыкант, выпустивший удачную пластинку, получать должен больше сторожа.

Азлита ЕФИМОВА

Анализируя экономическую ситуацию в стране, Николай Петраков отметил, что «правительство выбрало самый жестокий по отношению к населению путь реформ». По его оценке, жизненный уровень граждан России за последние два месяца упал на 40%.

Детская и материнская смертность, уровень заболеваний среди детей в Сибири, на Дальнем Востоке и Крайнем Севере на 10—15 процентов выше, чем в среднем по России. Эти цифры были приведены на заседании президиума Сибирского отделения Российской Академии медицинских наук. Также было сообщено, что в последнее время увеличилось количество физических и умственно отсталых детей, страдающих онкологическими, гематологическими заболеваниями. По прогнозу медиков, к 2020 году население Сибири и Дальнего Востока уменьшится на 10 миллионов человек. Главной причиной столь критической ситуации является тяжелое экономическое положение региона и низкий жизненный уровень его населения.

Глава администрации Калужской области Александр Дерягин назвал «серьезной ошибкой» решение правительства России об освождении цен на нефтепро-

дукты с середины апреля. «Население еще до конца не адаптировалось к «январским ценам», — заявил он. Новый виток роста стоимости жизни, к которому, по мнению Дерягина, неминуемо толкает решение правительства, повлечет резкое обострение социальной напряженности. «Избежать социального взрыва можно, — считает глава администрации, — но для этого надо «волевым решением» ограничить хотя бы на месяц рост цен на основные продовольственные и промышленные товары».

Совет министров Республики Беларусь принял постановление «О дополнительных мерах по социальной защите населения в связи с либерализацией цен». Правительство считает необходимым повысить минимальную заработную плату до 550 рублей с учетом складывающегося индекса потребительских цен на товары и услуги.

В Московской области повышают должностные оклады работникам народного образования, здравоохранения и культуры. В соответствии с совместным распоряжением главы Московской областной администрации и председателя областного совета новые ставки будут рассчитываться из принятого в Ро-

ЖИТЬ ИЛИ ...ЖУТЬ?

ссии размера минимальной зарплаты в 342 рубля. Как сообщил пресс-центр Моссовета, зарплата увеличится: для врачей — в 3,33—4,9 раза; среднего медперсонала — в 3—3,4 раза; младшего медперсонала — в 2,6—2,7 раза. Работникам клубов, парков культуры, библиотек, музеев зарплата увеличивается в 2—4,5 раза;

преподавателям вузов — в 5—7 раз; средних специальных учебных заведений — в 3—5 раз. Глава Московской областной администрации Александр Тяжлов сообщил, что повышение окладов будет обходиться областному бюджету в 110 миллионов рублей в месяц. По его словам, президент России одобрил инициативу властей Подмосквы.

ИНТЕРФАКС

С посылкой из Германии
Фото А.Овчинникова

Елена КОЛЕСНИКОВА

САХАЛИНСКИЙ МИФ

Когда я собралась в командировку на Сахалин, коллеги недоумевали — про остров же все написано! Интервью с прогрессивным губернатором В.Федоровым имели честь опубликовать едва ли не все центральные издания, про свободную экономическую зону тоже писано-переписано, о том, как проходил конкурс за право осваивать сахалинский шельф, я сама рассказала в «Столице» (№ 8, 1992).

И все-таки, прилетев в Южно-Сахалинск еще раз, убедилась — увидеть один раз всегда лучше, чем сто раз прочитать. Свободы в свободной зоне оказалось не больше, чем энтузиазма на шоссе Энтузиастов в Москве. Высокий рейтинг сахалинского губернатора в столичных демократических кругах на месте оказался не таким уж высоким — благодарные подданные даже прозвали его слишком ехидно — императором. Наконец, споры в Центре по поводу сахалинской нефти — кому ее осваивать, здесь, на острове, воспринимались не иначе как словесные дуэли пикейных жилетов. Товарищ Черный, начальник «Сахалинморнефтегаза» (вот его-то называют Хозяином), уже принял решение — быть на шельфе концерну «МММ» («Макдермот», «Маратон», «Мицуи»). Словом, сахалинский миф, созданный обильными публикациями, лично для меня мифом быть перестал.

...В Южно-Сахалинске улицы не переименовывают, памятники не сносят. Правда, над самым крупным изваянием Владимира Ильича такая опасность нависла. Вместо вождя пролетариата решили поставить бронзовую корову. Как символ возрождения. То ли молока — его на острове катастрофически не хватает, то ли фермера — о них пока тоже приходится мечтать. Дальше разговоров дело не продвинулось. В.И. Ленин стоит на прежнем месте и, похоже, никому не мешает. А волнуют людей проблемы, которых раньше на острове не было.

«Где власть, способная остановить бесправие, жульничество, произвол? И не надо нам длинных программных действий на целые десятилетия, как это привыкли делать в верхах. Живем-то мы сегодня, и бороться со злом надо уже сейчас... Разбой в городе идет весьма наглый. В один только субботний вечер вырубили «черемухой» человека у стен СИЗО и раздели, с другого сняли меховую шапку, третьего избили... Зря в свое время отказались от размещения в Южно-Сахалинске батальона спецназначения». (Газета «Молодая гвардия», 13 февраля.)

Чувствуете интонацию? Впрочем, у каждого издания она теперь своя, особая, и орган Сахалинского обкома РСМ еще не показатель социальных настроений местного общества. Но в «Губернских ведомостях» (учредитель газеты — администрация Сахалинской области) те же акценты, те же интонации, те же темы публикации: рост преступности, рассуждения о весьма сомнительной экономической свободе, критика действий (или бездействия?) губернатора.

«Коллективы считают недопустимой концепцию В.Федорова по ценам. Почти на каждом заседании он заявляет, что цены его не интересуют. Не это ли является причиной бездеятельности администрации области?»...

«...К сожалению, в Сахалинской области рыбы и рыбопродуктов в магазинах практически нет, а то, что осталось, продается по ценам, которые по карману только тем, кто получает 10—12 минимальных окладов...»

Умышленно ссылаюсь на местную прессу, а не пересказываю собственные разговоры с гражданами свободного острова. Разницы

нет. Интонации, повторяю, одинаковы, но иначе меня можно было бы упрекнуть в предвзятости: неизвестно, с кем говорила, на кого ссылаюсь. Впрочем, какая может быть предвзятость? Не надо читать прессу, не надо беседовать с жителями, достаточно пройтись по городу. Дома облуплены, в продуктовых магазинах бедно, цены высокие, в коммерческих все гораздо дороже, чем в Москве. Приватизация поначалу шла, теперь почему-то застопорилась. Услышала, что тут питаются с рынка. Увы, и базарные ряды наводят уныние. Торгуют в основном сахалинским «самопалом» да поношенными вещами. Ни рыбы, ни деликатесов. Только корейская капуста в изобилии. И возникает ощущение, будто все это происходит после войны или, точнее, после отступления батальона спецназначения. Ну уж никак не в свободной экономической...

Позволю еще одну, пожалуй, самую характерную для ситуации цитату: «Недавно узнал, что губернатор В.Федоров читает газеты, находит на это время, и подумал — значит, его интересует мнение «подданных»? Во время выборов Валентина Петровича народным депутатом сам голосовал за него. Почему? Потому что верил. Потому что привлекала его программа, то, что он знает экономику зарубежных стран, работал в ФРГ, решительный человек, остров нам пообещал поднять.

Сейчас же мнение о губернаторе раздваивается. И не только о нем. Не дают покоя такие вопросы, как разбазаривание рыбы, ее бесконтрольный вывоз за пределы острова, самовосхваление губернатора... А в это время в столице рыбаков — Невельске — люди не могут купить рыбы даже коту. Не объясним уход вице-губернаторов, особенно Барина. В чем они провинились? Разве не прав Барин — сейчас островитяне поддерживает только свой огород! Да еще этот памятник корове, когда они (коровы) дают молока не больше коз...» — написал в редакцию «Губернских ведомостей» житель Н.Прокошкин.

Все так или иначе сводится к фигуре Федорова. Надежды на лучшее будущее связывают с ним, за плохое настоящее ругают опять же его. Федоров действительно не производит однозначного впечатления. Внешне это самоуверенный, не сомневаю-

щийся в успехе, признании человек. Он и выступает так, как подобает несомневающимся — левая рука в бок, правая вперед и вверх: «Мы создадим ООО! Что это такое? Организация Объединенных Островов! Будущее за экономической свободой!»... и тому подобное, и все на полном серьезе. Слушатели хлопают, одобряют губернатора. Когда его книга в его же присутствии ушла с аукциона за 50 тысяч рублей, чиновник из администрации шепнул мне на ухо — самого бы продать... Зло, однако.

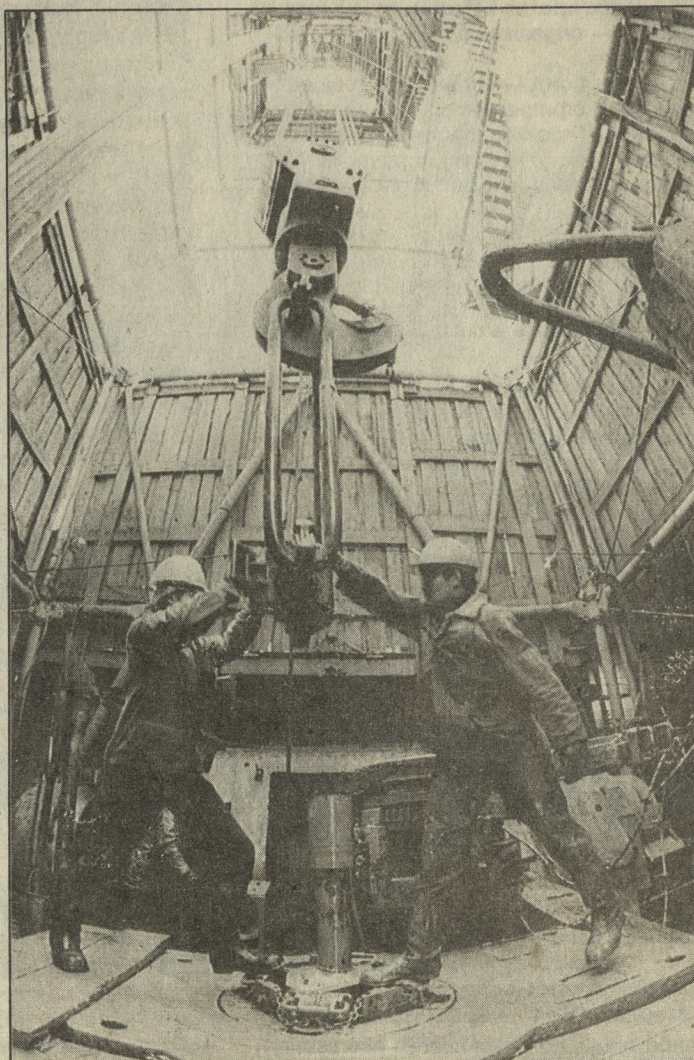
Федорова при мне в глаза называли великим человеком дважды. Он не смущается. Лишь кивает в ответ — мол, такой и есть, что поделаешь. И доверяют ему те, кто тоже за великие идеи. Дальневосточная республиканская партия, например, видит в Федорове будущего президента Дальневосточной республики, вопрос о которой, оказывается, будет решаться в регионе в ближайшее время.

Личное общение вызывает иные чувства. Ощущается задрганность, суетливость, стремление самоутвердиться во всем, даже в пустяках. Валентин Петрович любезно согласился дать интервью нашему журналу, но времени, не иначе как ночью, не нашел. Дня не хватает. Встреча, к сожалению, не состоялась. Вопросы, которые я подготовила, остались без ответа. Вот лишь два из них: не опасается ли Валентин Петрович возможного банкротства — политического, экономического? (предпосылки-то налицо). И другой — есть ли четкая позиция по поводу освоения сахалинского шельфа? Ведь от того, кто будет его осваивать, зависит будущее не только Сахалина, отчасти и России.

На острове меня предупреждали — второй вопрос задавать не следует. Ответ будет формальным. Потому что споры вокруг нефти, в сущности, не экономические, а политические. Под политикой же подразумеваются отнюдь не высокие сферы, а самая заурядная, местная борьба честолюбий. И так, говорили мне, на острове идет война — губернатор Федоров борется за влияние с начальником «Сахалинморнефтегаза» Черным. Но писать об этом не следует. Это раздражает.

Версий конфликта несколько. Одна из них такова. Черному выгодно присутствие на острове концерна «MMM». Как известно, они сотрудничают давно, успели подружиться. Федоров же выступает за «Эскон» и «Содеко». Эти две фирмы хотят стать административными хозяевами месторождений, и тогда надобность в «Сахалинморнефтегазе» отпадает, а значит, и лично в товарище Черном. Короче, через кого потекут нефтедоллары, тот и будет хозяином. Не знаю, насколько все это соответствует действительности, но заместитель Черного Сергей Оганесян подтвердил: «Воюют». И добавил: «Федоров много раз менял позицию. То при мне жал руку представителям консорциума «MMM», то вдруг выступил за Э — С. Честно говоря, позиции-то вообще нет. Надое-ло».

**Буровая
установка
для поиска
нефти
на больших
глубинах.
Фото
Б.Бабанова**

Вероятно, ее все-таки придется сформулировать в самое ближайшее время. Министр промышленности России А.Титкин приехал на Сахалин с представителями ВПК. А те — со своей конкретной позицией. Они уже готовы осваивать сахалинский шельф. Выступившие в Южно-Сахалинске генеральные директора и конструкторы крупнейших предприятий оборонного комплекса высказались однозначно — они сами могут освоить шельф. Большинство из них, как выяснилось, о конкурсе ничего не слышали. Со многими «Сахалинморнефтегаз» еще до подписания соглашения (с «MMM») разорвал связи — ненужными стали отечественные морские платформы, другое нефтяное оборудование. ВПК в легкой панике — чем занять людей, чем платить? Выходит, приглашаем иностранцев, а сами остаемся без работы. Безобразия.

Такова позиция ВПК, и в логике ей не откажешь. С.Оганесян прокомментировал ее также однозначно: «У «MMM» платформы

лучше. ВПК таких не строит». ВПК парировал — а вы их видели? И так далее...

Спор может оказаться вечным, если его не разрешить цивилизованным способом. Например, провести нормальный конкурс — гласный, открытый, собрать заявки от всех желающих в нем участвовать, перестать игнорировать ВПК и отмахиваться от него, как от назойливой мухи... У российского руководства еще остался шанс сменить партнера при условии, что новые претенденты оплатят издержки «MMM».

Такова жизнь в свободной зоне. Вероятно, до тех пор, пока слова «свобода», «экономика» будут сочетаться с менее привлекательным словом «зона», а на изоляции, отделении будет строиться политика руководства, ни свободы, ни экономики век не видать. Мало объявить, надо еще построить. А успешное строительство, как показывает опыт других стран, происходит в совсем других условиях.

— Итак, против кого воюет «Антимафия»? — спрашиваю у Евгения Мысловского.

— Наш Фонд — организация общественная. И официальное название таково: Фонд противодействия организованной преступности и коррупции. Мы можем только противостоять мафии. Наша сила — в гласности, мы хотим, чтобы публика знала о механизмах преступлений. Не всем удавалось выстоять в поединке с мафией. Вот я, честно скажу, выдержал. Испытал на себе жестокую травлю, подвергался инсинуациям...

— Каким? За что?

— А вы разве не знаете? Неужели не слышали?! Да я единственный человек, который в 1986 году не побоялся публично выступить против развала правосудия. Тогда слово «гуманизация» вошло в моду, и нам предлагали не задерживать преступников, а воспитывать их — дескать, воровать нехорошо, а убивать просто стыдно. Из МВД тогда уволились лучшие следователи, а те, кто остался, — либо фанатики, как я,

Фонд «Антимафия» создан 25 октября 1991 года. Совсем молодой, мало кому известный. Но звонкое название привлекает внимание, да и фамилии тех, кто возглавляет «Антимафию», все еще на слуху. Президент — бывший «гдлановец» следователь Евгений Мысловский. Среди членов Президиума: экономист Татьяна Корягина, экс-депутат СССР Юрий Голик. Сегодня они из всех сил стараются удержаться в центре общественного внимания, напоминая всем нам, что мафия бессмертна. Равно как и борьба с ней...

счет солидные суммы, а мы обеспечиваем им юридическую поддержку. Нашей помощи ищут многие, сомнительным клиентам мы отказываем. В отличие от адвокатов, которые отстаивают интересы любых подзащитных, мы отстаиваем интерес истины. Сегодня мы отдаем предпочтение наиболее выгодным клиентам. Заработанные на консультациях 60 тысяч мы уже перечислили в Российскую прокуратуру — немного «подкормили» наших нищих следователей...

— А если у вашего «выгодного» клиента миллионы нечестные?

— Нас это не волнует. Главная задача — удовлетворить клиента.

— Даже мафиозного?

— Проблема в другом. Большинство наших клиентов не способно сформулировать свой интерес. Нутром они чувствуют, что болит, а сказать — не могут, грамотности не хватает. А мы помогаем людям написать верную, точную жалобу. Если мы будем нормально защищать интересы простых граждан, меньше станет мафиозных структур.

«АНТИМАФИЯ» БЕССМЕРТНА?

либо люди, которым просто все равно, где работать. После моего знаменитого выступления меня чуть не распотлали, называя консерватором. Обрушилась пресса, в том числе «Известия» и «Литгазета». А все потому, что я прямо сказал: «Ребята, мы зальем страну кровью. Ваша технология — это технология самоубийства». Я предсказал, что произойдет, если не дать отпор организованной преступности — она погубит все реформы. Сегодня уровень коррупции превзошел самые мрачные ожидания. А ведь еще в 1987 году я писал Борису Николаевичу Ельцину, предупреждал о силе московской мафии. Он ответил: да, конечно, мафия есть, только непонятно — кто в ней состоит.

— А правда, кто? Хотя бы несколько имен...

— Мафия — это самоорганизующаяся система. Кому выгодно, тот и состоит. А имен назвать не могу. Вот Константин Боровой сегодня советует, мол, надо давать взятки. Это удобно, практично. Открыто говорит со страниц «Правды», «Советской России». Что же получается — Боровой организовал взяточничество? Смешно...

— То есть выводить «на чистую воду» конкретных людей в ваши планы не входит? А говорят, известные биржевики едва ли не весь парламент, правительство на корню купили. Слухи?

— Не берусь судить — не проверял. Я точно знаю одно: правовой нигилизм современных властителей огромен. У меня на столе лежит письмо прокурора города Москвы по поводу участвовавших случаев насильственного захвата помещений. Прокурор рекомендует отделениям милиции не вмешиваться в подобные конфликты. Скажем, Президиум ВС России выделил нам, Российской прокуратуре, освободившееся здание Прокуратуры Союза. А Госкомимущество плюет на распоряжение Президиума, отдает помещение всяким политическим партиям, и те берут здание штурмом. Разве будет порядок в обществе?

— «Антимафия» за порядок? Способна его обеспечить?

— Наш Фонд занимается правовым образованием людей. Мы заключаем договоры с фирмами, в том числе и с иностранными. Они перечисляют на наш

Мы намерены также создать акционерную компанию по розыску украденных автомобилей. Это одна из форм противостояния организованной преступности. Мы будем проводить экспресс-анализ воздуха на наличие тяжелых металлов. Но самое замечательное дело в перспективе — проведение независимой судебно-медицинской экспертизы. Например, установление отцовства. Очень дорогостоящая экспертиза... Вообще-то я сегодня не просто следователь, я в большей степени предприниматель...

— И все-таки, вернемся к мафии...

— ...К мафии? Чтобы ответить на вопрос — что она из себя представляет, я написал целую книгу, которую не печатают, говорят — спроса нет. Как вы думаете, почему ее не печатают?..

Другой собеседник — Юрий Голик — один из активистов борьбы с организованной преступностью. До путча возглавлял Комитет по вопросам правопорядка и борьбы с преступностью ВС СССР. Сегодня служит в Государственном таможенном комитете РСФСР и

Москва
Черемушкинский
рынок. Во время
задержания
торговца
наркотиками

Фото А.Шогина

по-прежнему считает себя союзным депутатом. На работе носит красный значок «Народный депутат СССР».

— Юрий Владимирович, вы-то как оказались в «Антимафии»?

— Очень просто. Взятки и коррупция достигли таких масштабов, о которых «продажные чиновники» времен застоя и мечтать не могли.

— Произошло резкое падение нравов?

— Конечно! Идет моральное разложение общества. Истоки преступлений вообще надо искать в нравственной сфере. Общество серьезно больно. В период «тоталитаризма» преступников сдерживал страх перед партвластью. Могли отобрать партбилет, и все — ты изгой. Сейчас для преступников нет никаких тормозов. Партбилетов нет, потому что все новоявленные партии принципиально обходятся без них. Получается — не с кого спросить. И даже некому спросить. А ведь проявления мафии многогранны...

— Хотя бы один конкретный пример?

— Недавно в «Российской газете» был опубликован пакет документов о приватизации. Газета эта поступила в продажу по цене 37 рублей 50 копеек. Что это? Люди, которые газету издают, много раз повторяли: каждый российс-

кий гражданин обязан знать российские законы. Можно ведь выпустить номер не по тридцать семь рублей, а по 37 тысяч и установить уголовное наказание за незнание закона...

— Полагаете, это и есть происки мафии?..

— Другой пример. Сейчас слово «государство» стало ругательным. Но вспомните историю существования человечества: никогда и нигде общество не обходилось без государства. Почему же теперь решили, что на одной шестой части суши можно снова жить без государства? Разрушать сложившиеся госструктуры — значит совершать преступление перед обществом... Думаете, мафия — это сплошные засады, перестрелки, пытки утюгом? Все гораздо сложнее. Сейчас у всех на слуху приватизация. Мне, как криминологу, ясно: она предоставляет широкие возможности для отмыwania грязных денег. Но никто даже не заикается о необходимости бороться с этим.

— Кроме «Антимафии», конечно?

— Фонд не ставит перед собой цель — искоренить преступность. Мы хотим помогать работникам правопорядка, которые оказались под прессом преступных группировок.

— А если этим прессом окажутся чиновники «с самого верха»?

— Мы постараемся определить, от кого конкретно идет давление...

— И тогда их имена узнает вся страна? Для «Антимафии», как я поняла, нет ничего запретного?

— Нам уже суют палки в колеса. Фонд еще не встал на ноги, ничего не сделал, но уже ваши коллеги шумят по радио: опять, мол, очередной фонд бездельников проедает народные деньги... А мы их ни у кого не просили, сами скинулись по двести рублей. Кому какое дело — чем мы занимаемся в свободное время, не получая ни копейки... А давление на «Антимафию» было, есть и будет. Мы к этому готовы.

С «Антимафией» надо дружить, советовала мне одна «солидная фирма», из тех, что перечислила «солидные суммы» на счет Фонда. Получить крышу «Антимафии», уверяли меня, это дорогого стоит. А работники Фонда предупредили: если кто-то в чем-то отказывается «Антимафии», значит, он сам — мафиози...

Аэлита ЕФИМОВА

Эльмар ГУСЕЙНОВ

ФРАНЦУЗСКИЙ ФРАНК

Французский франк, входящий сегодня в десятку безусловно конвертируемых мировых валют, родился на свет дважды. Первый раз в XIV веке, в разгар Столетней войны, когда во времена правления короля Иоанна II Доброго во Франции начали чеканить золотые монеты весом в 3,8 грамма. На монете имелась латинская надпись «Francorum Rcx», что означало «король французов». От чего и сами монеты стали называться франками. С 1575 по 1641 год вместо золотых чеканились серебряные франки, которые затем были заменены другой, тоже серебряной и почти равной им по стоимости денежной единицей — ливром.

О франке снова вспомнили во время Французской революции. Помимо гильотины и всеобщей воинской повинности революционеры XVIII века обогатили историю человечества уникальным опытом полного перевода всего финансового хозяйства страны на бумажные деньги, названные ассигнатами. Безудержно форсируя работу печатного станка, деятели Французской революции, большая

часть которых погибла в пламени раздутого ими пожара, ухитрились на 80 процентов оплатить титанические дела революции бумажными деньгами. Расплатой стала чудовищная инфляция: в 1796 году, всего 4 года спустя после того, как начался выпуск ассигнатов, за 10 тысяч бумажных ливров давали всего 54 ливра золотом.

Безобразия с бумажными деньгами были ликвидированы так же решительно, как и королевская власть: в 1795 году банкноты стали во Франции обменивать на звонкую монету из расчета сначала 30:1, позже — 100:1, а затем и вовсе бумажные деньги были объявлены недействительными. Даже сами клише для печатания бумажек были уничтожены. Но поскольку возвращать в оборот старый королевский ливр после 7 лет революции никому не хотелось, то было решено в качестве основной монеты Французской республики возродить старинный серебряный франк, преобразив его на новый лад. Один серебряный франк образца 1795 года делился на 100 сантимов, в то время как в ливре содержалось 20 су. Франк содержал 4,5 грамма чистого серебра, и 80 франков приравнивали по стоимости к 81 ливру. Так франк отпраздновал второй день рождения.

В 1803 году свою лепту в формирование денежной системы Франции, обеспечившей этой стране почти полтора столетия финансового благополучия и принесшей ей славу крупнейшего мирового кредитора, внес гениальный Бонапарт. Его стараниями французы в

дополнение к серебряному обрели золотой франк, содержащий 0,29 грамма чистого золота. По названию месяца революционного календаря, в котором было принято решение о чеканке золотого франка, он получил расхожее наименование «франк жерминаля».

И сегодня золотые монеты достоинством 20 франков (чеканились также золотые в 100, 50, 10, а недолгое время — в 40 франков) называются по имени их создателя наполеондорами. Монеты эти немногочисленно пережили эпоху, когда они обращались в качестве платежных средств, и сегодня присутствуют в ка-

честве желанного объекта купли-продажи на всех золотых биржах мира. Свою удивительную живучесть наполеондор продемонстрировал уже в 50-е годы нашего века. Дважды, в 1952 и 1958 годах, государственные займы во Франции в условиях высокой инфляции индексировались относительно официальной стоимости старинного золотого наполеондора.

Вообще история французского франка, может быть, ярче, чем история любой другой валюты, отражает историю страны, в которой он был рожден. «Франк жерминаля» просуществовал до 1914 года и стал образцом для денежных систем стран так называемого Латинского союза, в который помимо Франции входили Бельгия, Швейцария, Италия и Греция.

Именно благодаря золотому наполеоновскому франку был создан в XIX — начале XX веков огромный золотой запас Франции. Именно этими франками были оплачены знаменитые «русские» займы, на которых с 90-х годов минувшего века поднималась молодая российская промышленность и которые французам так никто и не вернул.

После первой мировой войны правительству Пуанкаре удалось восстановить размен франка на золото, хотя и по значительно более низкому курсу. Но в очередной раз франк был убит новой войной — второй мировой.

Послевоенная история этой валюты тесно связана с именем другого великого француза — генерала Шарля де Голля. После 1945 года генерал, пребывая на

посту президента, не решился провести радикальную и жесткую денежную реформу, на которой настаивали ведущие французские экономисты и которую почти в то же время блестяще осуществили в Западной Германии. В 1949 году де Голль ушел в отставку, а франк, так и не оправившийся от военных потрясений, задохнулся вместе с политической жизнью Франции. С 1944 по 1958 год 24 раза менялись в стране министры финансов и 7 раз девальвировался франк. От золотой валюты межвоенного периода не осталось и следа. Растаял прославленный золотой запас Франции, составлявший в начале 30-х годов 5 тысяч тонн, а к концу 50-х сократившийся до нескольких сот тонн. За доллар в 1958 году давали 420 франков, и страна, еще недавно кредитовавшая весь мир, залезала в долги.

Де Голль, вновь занявший в 1958 году пост президента, исправил свою ошибку десятилетней давности, доказав, что твердая валюта любит твердую власть и твердый порядок. Установленная им во Франции авторитарная президентская, так называемая Пятая республика взяла под жесткий контроль государственные расходы и ввела «новый» франк, который обменивался на «старый» по курсу 1:100. Только за 1960—1967 годы, при де Голле, Франция благодаря твердому франку не только погасила долги на сумму 1,6 миллиарда долларов, но и накопила резервы в размере 5 миллиардов долларов.

Когда де Голль в 1968 году вновь добровольно покинул свой пост, его страна

располагала золотым запасом в 4,7 тысячи тонн и еще 6 тысяч тонн золота составляли накопления частных лиц (это примерно в 4 раза больше, чем когда бы то ни было сосредоточивал в своих золотых хранилищах Советский Союз. Вот что позволил сделать твердый франк).

Интересно, что именно на начало 60-х годов пришлось разоблачение самого сенсационного за всю историю Франции случая печатания фальшивых денег. Героем длившейся без малого 15 лет эпопеи стал поляк по происхождению, инженер по образованию и фальшивомонетчик по призванию Чеслав Боярский.

Оказавшийся во Франции в годы второй мировой войны в качестве польского военнопленного, пригнанного на принудительные работы, Боярский после 1945 года осел на новой родине. Он женился, но так и не сумел найти себе подходящей работы. Не помогли ни многочисленные изобретения, ни огромное трудолюбие. Стремясь обеспечить семью и доказать свою способность решать самые сложные технические задачи, Боярский в 1948 году приступает к работе по подделке крайне сложных в изготовлении французских тысячеканковых банкнот того времени.

В одиночку, почти без средств и без специальных знаний, он создает уникальное оборудование, которое позволило в домашних условиях воспроизвести весь процесс изготовления денег — от выделки бумаги с водяными знаками до особой технологии по искусственному старению купюр. Бояр-

ский сумел выполнить работу, с которой в фабричных условиях за тот же срок справлялись не менее шести профессионалов высочайшей квалификации. Заседания суда, на которых фальшивомонетчик демонстрировал свои уникальные изобретения, проходили при закрытых дверях. Пресса дружно признала его гением. Представители Французского банка утверждали, что он нанес ущерб государственным финансам на сумму 1,1 миллиона «новых» франков. Судьи приговорили его к 20 годам тюрьмы, и умер этот криминальный гений в заключении.

Вообще надо сказать, что Франция является второй после США «кузницей» фальшивых денег в мире. Ежегодно здесь вылавливают десятки миллионов поддельных банкнот различных стран. Однако наших собирателей валюты это не должно пугать, так как французский франк достаточно редок в отечественном валютном обороте, львиная доля которого приходится на доллар США и германские марки. Если же вы не знакомы с франками, но по какой-то причине решили приобрести их, стремитесь брать купюры поменьше достоинством и постарайтесь разглядеть, есть ли на них вплетенная металлическая полоска.

На всякий случай напомним, что курс франка колеблется в пределах 5,7 — 5,8 франка за один доллар США и что выпускается франк купюрами в 500, 200, 100, 50, 20 и 10 франков.

СКАНДАЛ — НЕ ПОВОД ДЛЯ РЕКЛАМЫ,

сказал в беседе с нашим корреспондентом Сергей БРИШ, доверенное лицо председателя объединения МММ.

— Сергей Евгеньевич, объединение МММ в дополнительном представлении не нуждается. Теперь уже всем известно: «МММ — нет проблем». Не ошибусь, если скажу, что успех вашего предприятия во многом поддерживается грамотной рекламой. Но, с другой стороны, можно сказать, что своей рекламой МММ оказывает постоянную финансовую поддержку газетам и журналам, радио и телевидению. Поэтому, когда я услышал, что у МММ появились проблемы с налоговой инспекцией, изъяты и арестованы финансовые документы, сразу же решил позвонить вам, чтобы разобраться, помочь.

— Спасибо за поддержку. Друзья, говорят, познаются в беде. И мы благодарны представителям многочисленных средств массовой информации, оставивших нас наедине с нашими неприятностями. Причем, как мне показалось, журналисты в данной ситуации гнались отнюдь не за скандалом и сенсацией, а искренне вместе с нами пытались понять, чем же все-таки МММ провинилось перед налоговой инспекцией.

— А вы как думаете, в чем ваша вина?

— Честно говоря, сами теряемся в догадках. Никогда незаконным бизнесом не занимались. Правда, у налоговой инспекции был формальный повод: мы слегка задержались с балансовым годовым отчетом. Хотя если разобраться, то эту задержку считать таковой нельзя. Дисциплинированные предприятия сдавали баланс в январе. Но мы не успевали попасть в число дисциплинированных. За последний год слишком значительно вырос оборот предприятия. Однако мы не нарушали официального срока сдачи баланса — 1 марта. Наши документы арестовали за месяц до окончания этого срока. И сделали это абсолютно незаконно. Не произвели даже

описи этих документов.

— Я видел сюжет по программе «Вести» о том, как у вас изымали документы. Сюжет вполне в детективном жанре. Правда, сценарий до примитива знакомый. Точно так же разделились с предприятиями Тарасова и Атальянца. Мне-то казалось, что произвол властей в отношении предпринимателей после провала августовского путча не повторится. Однако кому-то очень неохота, чтобы в нашей стране развивался нормальный бизнес. И все мы богатели с нашими предпринимателями.

— Все свои соображения наш председатель изложил в официальном письме на имя Генерального прокурора, министра внутренних дел и руководителя государственной налоговой службы Российской Федерации. Однако ответа на свое обращение так пока и не получили. Нам даже не сообщают, где находятся наши документы. Мы якобы можем организовать своих боевиков с целью захвата этих документов. Абсурд какой-то получается. Неужели всерьез можно полагать, что какая-то даже очень хорошо вооруженная преступная организация пойдут на штурм министерства внутренних дел или прокуратуры?!

И вообще вся эта акция по изъятию документов напоминает мне очень плохой детектив. Никто никакого сопротивления, тем более вооруженного, налоговым службам не оказывал и не собирался этого делать. Вооруженной охраны у нас и не было. Документы они изъяли и опечатали сразу в тот же день, когда документы были любезно представлены им для изучения. И не пойму, зачем им понадобилось на следующий день брать с собой отряд автоматчиков? Неужели чтобы вывезти насильно уже арестован-

ные документы с предприятия?

— Скандал с МММ — неплохая реклама для налоговых служб. На вашем примере они могут укрепить свой авторитет в среде предпринимателей. Смотрите и знайте: с налоговой инспекцией шутки плохи. И если она нагрянет — сразу лапки вверх.

— Мы тоже не исключаем такой версии. Однако скандал, как мне кажется, не повод для рекламы. Скорее, наоборот, он отрицательно сказывается на деловом авторитете. Скандалные истории не соединимы с коммерцией. Кто же захочет иметь дело с коммерсантом, который оскандалился?!

Могу вам честно сказать, что даже после ареста документов мы располагаем широкими возможностями для организации кампании в свою защиту в средствах массовой информации. Через газеты, радио и телевидение можно каждый день информировать наших граждан, как и кто нам выкручивает руки, игнорирует наши жалобы. Чем, согласитесь, не новый подход в рекламе?

Однако делать этого мы не стали и никогда не будем. Повторюсь. В бизнесе авторитет и скандал несоединимы. Ибо всякий скандал предполагает нечестность с одной стороны. А там где есть нечестность, нет доверия. Обвинять в каких-то тайных умыслах государственную налоговую инспекцию мы не можем, потому что прекрасно понимаем: нашему государству, как никогда, нужны деньги. А взять эти деньги государство может только у предпринимателей, обложив их налогами. Мы всячески готовы помогать государству в решении важных задач. Хорошо понимаем беспокойство нашей налоговой инспекции. Сейчас, в пору первоначального, дикого на-

копления капитала, в нашей стране появилось немало предпринимателей в кавычках, которые, пользуясь нынешней неразберихой, занимаются бизнесом только для единственной цели: быстрее, больше урвать и обойти налоги.

Мы всегда стремились к вполне честному бизнесу, основанному на полном доверии. И это вовсе не бахвальство. MMM имеет дело с сотнями торговых партнеров. Только дилерских фирм у нас больше трехсот. И поверьте, ни у кого из партнеров не было жалоб на нашу нечестность либо непорядочность. Со своей стороны к своим партнерам мы тоже проявляем максимум доверия. Думаю, не многие торговые предприятия в наше исключительно необязательное время дают кому-либо товарные кредиты. Мы же доверяем своим партнерам настолько, что выдаем товар без предварительной оплаты. Более того, за этот товар они часто расплачиваются только после реализации. Есть накладки, попадают нечестные партнеры, но все-таки в бизнесе доверие более прибыльно, чем необязательность.

Поэтому у нас нет тревоги относительно того, что налоговая инспекция сделает на наших документах какое-нибудь сверхсенсационное разоблачение. Не сомневаемся: чтобы спасти свое лицо, они будут «копать» глубоко и старательно. И, может быть, докопаются до каких-нибудь мелочей. При нашей экономической неразберихе трудно найти предприятие без мелких финансовых нарушений, ошибок и просчетов. Внимательно учтем все замечания налоговой инспекции, если такие будут, уплатим издержки, если где-то просчитались не по злому умыслу. Но мы требуем и к себе цивилизованного отношения. Пусть налоговая инспек-

ция проверяет нас, как считает нужным, но при этом не мешает нам делать свое дело. В данном же случае произвол налоговых служб ежедневно наносит объединению MMM миллионные убытки. Нам бы очень не хотелось подавать в суд на государство, в котором мы живем. Однако защищаться как-то надо.

— **А может быть, в налете налоговых служб именно на MMM в чем-то виноваты и вы сами. Рекламные кампании вы проводите широко и мощно. Однако за тремя М остается какая-то недоговоренность, тайна, обезличенность. Вот и возникает у нашего обывателя определенное недоверие к вашей фирме. Что значит MMM, кто за ней стоит, чем занимается это предприятие, если позволяет себе выбрасывать миллионы рублей на рекламу?**

— Подобный налет налоговая инспекция совершила не только на MMM. На следующий день после того, как был показан по программе «Вести» сюжет о случившемся на улице Газгольдерной, нам звонили с предприятия «Викор» и сообщили, что на днях они тоже подверглись такому налету.

Что же касается нашей демонстративной загадочности, то она объясняется просто. MMM — это не аббревиатура, и она никак не расшифровывается. Возглавляют наше объединение братья Мавроди. Сергей Пантелеевич — председатель кооператива, а Вячеслав Пантелеевич — главный бухгалтер. В отличие от братьев Стерлиговых, которых я очень уважаю, братья Мавроди — люди другого склада. Они не любят быть в центре общественного внимания, не любят позировать перед телекамерами и давать интервью. Что тут поделаешь, такой у них склад характера. Могу сказать лишь одно, что

несколько лет назад они не имели абсолютно никакого отношения к бизнесу, связей в деловом мире тоже. А всецело занимались математикой.

— **Я допускаю, что недоступность братьев Мавроди для журналистской братии продиктована не какой-то скрытой целью, а складом характера. Однако можно позавидовать олимпийскому спокойствию вашего председателя. Другой бы на его месте созвал пресс-конференцию после случившегося. Ведь речь идет о добром имени дела его жизни. Но, насколько я знаю, Сергей Пантелеевич даже после налета на MMM никому не давал пространных интервью. А может, сейчас самое время ему появиться на телеэкране и объяснить, что он думает по этому поводу? Однако мне почему-то за разъяснениями посоветовали обратиться именно к вам, доверенному лицу Мавроди. Странная у вас должность. И чем вы занимаетесь, если не секрет?**

— Доверенное лицо — это не должность. Это, скорее, стиль отношений между людьми. Успех предприятия сразу же притягивает к себе новых людей, новые идеи. В последнее время в MMM зачастили сотни начинающих предпринимателей со своими деловыми предложениями. Кое-какие предложения действительно бывают деловыми. Но людей в любом случае надо выслушать, а не прогонять с порога. Если бы всех ходяков принимал Мавроди, ему просто не осталось бы времени для дела. Так и нашлось для меня занятие. Однако официально я не являюсь сотрудником MMM.

— **Вы, вероятно, давний друг Сергея Пантелеевича?**

— К сожалению, нет. Знаю его лишь с лета

прошлого года. А по профессии я журналист. Собирался написать на примере MMM книгу о нашем нарождающемся бизнесе. И получил неожиданное предложение изучить наш бизнес изнутри.

Что же касается Мавроди, то он не избегает встреч с журналистами. Если честно, то раньше никто и не добивался от него солидного интервью. И сам он к этому не стремился. Думаю, для интервью с ним не будет никаких проблем. Но чуточку позже. Сейчас у него действительно много неотложных дел. Надо срочно восстановить деловые отношения с партнерами, частично разрушенные налетом налоговой инспекции. Тем более, Сергей Пантелеевич старается избежать никому не нужного шума вокруг этой истории. Он уверен в справедливости своих торговых операций и надеется на порядочность тех, кто будет работать с нашими документами. Да и вообще, он очень не любит говорить о проблемах.

— **«У MMM нет проблем» — этот рекламный девиз отражает его философию?**

— Оптимизм — это философия всего предпринимательства. И даже после всего того, что случилось, я могу совершенно искренне повторить, что у MMM по-прежнему нет проблем. Приходите на улицу Газгольдерную — и вы увидите, что там, как и раньше, торгуют лучшими импортными товарами за рубли.

Беседу вел
Юрий БЫЧКОВ

КЛИНИКА

СОЦИАЛЬНОМУ ИНСТИТУТУ ПРЕДЛОЖИЛИ ВЫЙТИ ВОН. ОН НЕ ПОШЕЛ

Делить нас приучили. Заводы и фабрики — рабочим.
Землю — крестьянам. Горбушку хлеба — и ту пополам.
Делили мы, значит, делили, и вдруг оказалось, что на всех
не хватает. Поняли это умные люди, забили тревогу. Ввели
частную собственность. Начался великий передел...

Дальше первого этажа меня не пустили. Несколько дюжих молодчиков остановили на лестничной площадке и приказали предъявить студенческий билет Московского юридического института (МЮИ).

— Родненькие, как я могу это сделать, если никогда не держал его в руках?

— Не держал? — удивился один из молодцев. — Тогда нечего тебе здесь без толку шляться.

Пришлось показывать корреспондентское удостоверение. Рассмотрев краснокнижную книжицу, ребята стали любезнее. Позволили не только внутрь пройти, но и себя сфотографировать.

Происходило это в стенах бывшей Московской партийной школы на Садово-Кудринской, что несколько меня раззадорило. Кто его знает, может, здесь, в подполье, коммунисты коварные планы свои строят? Каково же было мое разочарование, когда, обшарив второй и третий этажи, я не встретил ничего мало-мальски секретного. Одни студенты да преподаватели! Вернулся к охранникам.

— Ребята, да здесь же студенты учатся.

— Верно.

— А что, на них нападать собираются? Почему вы никого не пускаете?

— Охраняем «своих» от Социального института.

...Здесь необходимо отступление. Российский Государственный социальный институт (РГСИ) — правопреемник Российского социально-политического института (РСПИ), который, в свою очередь, был создан на базе Московской высшей партийной школы. После августовских событий РСПИ благополучно почил в бозе, и, пока его студенты голодали и митинговали, требуя восстановить альма-матер, бездомный МЮИ, прикинувшись демократом, занял Садово-Кудринскую. Так, в одночасье, РСПИ лишился всех помещений.

Чуть позже, разобравшись, институт воскресили, но уже как социальный, без всякой политики. Поздно, господа. Новые хозяева прочно обосновались в бывших партийных хоромах и покидать их не собираются...

— Что нам делать? — спрашивает студент 4-го курса РГСИ Владимир Кушнир. — Нападать на юристов

мы и не думали. А отряды самообороны они организовали, чтобы в аудитории нас не пускать. Учиться негде. Нас в открытую посылают вон. Да идти некуда.

Лужков отдал юристам комплекс зданий на Садово-Кудринской на десять лет. Будущих социальных работников пригрело российское правительство. А жить пришлось в одном здании: в жилой части «зацепились» студенты Социального института, в учебном корпусе господствуют пенцы Фемиды. Потому и остались без аудиторий студенты РГСИ. Соседство это, мягко говоря, опасное. Уже была драка, когда пьяные юристы пытались ворваться в комнату к девушкам из Социального института. Хорошо, ребята рядом были. Втолковали нападавшим, что они не правы...

Согласитесь, ситуация по Москве не новая. Сколько раз власти отдавали на растерзание одно здание двум-трем организациям. Кто порезвей, понахрапистей, тот и побеждал.

А чиновники смотрят на «разборки» со стороны и ухмыляются — «Гавр» сделал свое дело...

Виктор КАРЮКИН

ПУСТЯЧОК, А НЕПРИЯТНО

Каждый предприниматель, которому приходилось регистрировать свою «контору», знает, сколько бюрократических препон требуется преодолеть для того, чтобы удачно провести регистрацию и начать легальный бизнес. Однако чуть ли не ежедневно к старым условиям добавляются новые, а мелочи, как известно, могут «добить» даже самого хладнокровного человека.

Например, в налоговой инспекции Центрального округа висит объявление, обращенное к потенциальным клиентам. Объявление гласит, что, кроме обычного списка документов, «уважаемым господам» следует приносить в инспекцию две папки-скоросшивателя — за неимением таковых у инспекции. Без скоросшивателей документы не принимаются.

Е.А.

ГОРСОВЕТ ВЗЯЛИ НЕРВНЫМ ПРИСТУПОМ...

Председателя Брянского городского совета народных депутатов — не оказалось в кабинете, когда туда, оттолкнув секретаршу, «по срочному делу» ворвался молодой человек с подозрительно блестящими глазами. Секретарша тут же вызвала милицию. Но «взять» нарушителя спокойствия в здании горсовета не удалось: когда блюстители порядка были совсем близко, визитер выбил стекло и... прыгнул вниз с пятого этажа. Благополучно приземлился сперва на козырек над первым этажом, потом — на землю, бросился бежать. По дороге ограбил ни в чем не повинную старушку: сорвал с нее очки и шапку.

Когда прыгуна все-таки задержали и выяснили его личность, оказалось — он страдает нервными приступами и уже два дня как ушел из дому. Компетентные товарищи пытаются теперь выяснить, чего же все-таки нервный гражданин хотел от председателя горсовета.

Александр СТОКЛАСКА

Фото В.Шишова

СПЛЕТНЯ

МУРАШЕВ
ПРИМЕРЯЕТ
ПОГОНЫ?

Из кругов, близких к ГУВД Москвы, до нас дошли слухи, что шеф столичных милиционеров Аркадий Мурашев решил примерить генеральскую форму. И за помощью якобы он обратился к всемирно известному модельеру Вячеславу Зайцеву. Наш корреспондент связался с коммерческим директором Дома моды Владимиром Сергеевым и поинтересовался, правда ли это. Сергеев ответил:

— Сплетни. Первый раз об этом слышу.

Будем и мы надеяться, что слухи не подтвердятся. Ведь Аркадий Мурашев во всеулышание пообещал оставаться человеком гражданским (см. «Столица» № 1 за 1992 год).

В.К.

МЫ ГОВОРИМ:
«ПАРТИЯ» —
ПОДРАЗУМЕВАЕМ?..

Как известно, в Санкт-Петербурге (Ленинграде) состоялся объединенный пленум ЦК ВКПБ и всесоюзного общества «Единство — за ленинизм и коммунистические идеалы». Слушали доклады, принимали постановления, исключали из своих рядов оппортунистов — все

как положено. Особую, трагическую окраску придали пленуму пророчества некоторых партийных аналитиков, склонных считать, что в ближайшее время в стране усилятся капиталистические тенденции и большевикам придется уходить в подполье. Пленум рекомендовал первичкам уже сегодня готовиться к деятельности в «новых условиях»: создавать на местах широкую сеть всевозможных общественных организаций (клубы соба-

ководов или любителей книги, например). Под «крышей» этих безобидных на первый взгляд объединений и развернет свою деятельность большевистское подполье в случае наступления «часа X».

«Столица» настоятельно рекомендует органам Министрства безопасности Российской Федерации поскорее взять под наблюдение многочисленные филателистические тусовки, клубы моржей, секты кришнаитов и т.д. и т.п. Вдруг пригодится?

РАБОЧИЙ
КОНТРОЛЬ ПОГИБ.
НА ОЧЕРЕДИ —
КОНТРОЛЬ
ИНЖЕНЕРНЫЙ

Как выполняются решения администрации города Рыбинска, можно судить по тому, что в ее штате появилась новая должность — «инспектор по контролю за исполнением решений».

Этот новый пост — хорошо забытый старый: в XVIII веке в России существовало нечто подобное — должность фискала, в обязанности которого как раз входило наблюдение за исполнением правительственных указов.

Первым рыбинским фискалом назначен депутат З.Ф.Гамарник, в прошлом — инженер. Депутаты горсовета отзываются о нем как об очень квалифицированном специалисте.

Олег ПЕТРОВ

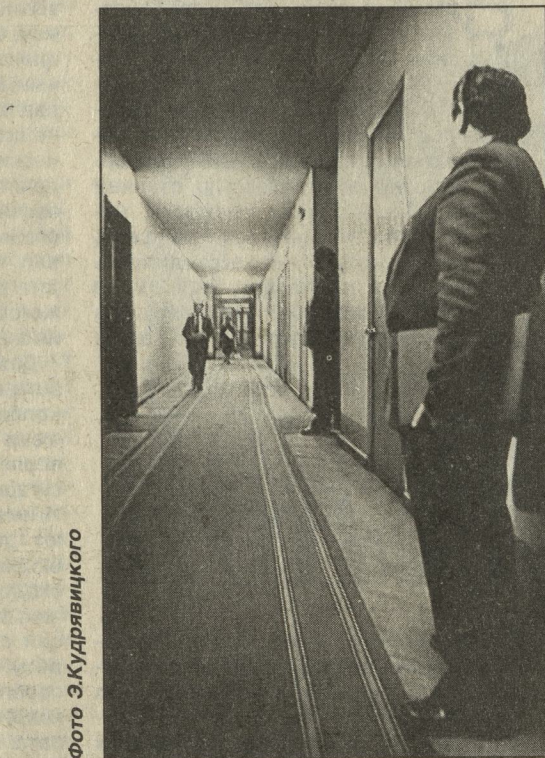

Фото Э.Кудрявского

Не исключено, что в скором времени в обращении появятся почтовые марки с текстами прокламаций на обороте, в подземных переходах под видом «Бахавад-Гиты» начнут распространять нелегальную марксистскую литературу, а массовые заплывы любителей зимнего плавания превратятся в нелегальные заседания большевистских райкомов.

Андрей СМЕРНОВ
(ИА «ПАС»)

Ненавижу слово «совок».

Уже невозможно пролистать ни одного модного журнала или газеты, чтобы обойтись без встречи с этим бранным словом. Будучи несколько лет назад лишь сленговым выражением аполитичной молодежи, оно нынче внедрилось в лексикон высококолых литераторов и политологов (особо изощренные умники изобрели даже якобы латинский эквивалент — «homo soveticus»). Звучит, по-моему, совсем глупо.

Из всех углов только и доносятся горестные вести о том, что слева и справа нас окружили, обложили «совковые» экономисты, «совковые» бизнесмены, спортс-

ОЧЕНЬ ЛИЧНОЕ МНЕНИЕ

Алексей БЕЛЯКОВ:

Я — «СОВОК»

мены, нацмены... При этом предполагается, что сам говорящий уже давно, слава Богу, вырос из убогой «совковой» системы. Его передовые взгляды, взгляды цивилизованного человека, стоящего одной ногой на Западе, сомнению не подлежат.

Нет, братцы, врете. Всякий человек заслуживает ту систему, в которой существует.

Пусть даже он проклинает ее. И мы все достойны своего «совка». И на большее рассчитывать нам пока не приходится. Такая уж у нас «особенная статья». Как говорит один мой приятель, «неча на рожу пенять, коли рожа крива». Мне же в последнее время все чаще приходит в голову фатальная мысль: печальна участь страны, пре-

зираемой своим народом. Здесь не выручат ни Гайдар, ни его дедушка.

Средство спасения от пресловутой «совковости» некоторые находят в том, чтобы величать друг друга «господами» и то и дело желать удачи по этому поводу. Но признаюсь: такое обращение меня, привередливого, раздражает не меньше. Нелепо как-то, да и не льстит вовсе. Впрочем, кому это приятно — отчего ж не поиграться?

Тут иной читатель воскликнет: «Да ты сам-то со своими рассуждениями — типичный «совок»!» А я и не обижусь. Отнюдь нет. Хотя и противно мне слово это. Во всяком случае, автор еще далеко не «господин».

Леонид БЕЖИН

ПО ТВЕРСКОЙ

*Размышления
о вечном
между
станциями
метро*

Я давно заметил, что метро оказывает на меня странным воздействием. Станным и особенно угнетающим — если приходится делать пересадку. Выдержать несколько перегонов под землей, видя в окна лишь перепончатый панцирь тоннеля, свинцовую обмотку протянутого по стенкам кабеля и редкие огни семафора, мигающего, как тусклый глаз Полифема, еще не так страшно, но необходимость выбраться на платформу, перейти по длинному подземному коридору на другую линию и снова втиснуться в вагон

вечно праздничная, поскольку Первое мая, Седьмое ноября и прочие революционные даты мы встречали с натужным весельем на лице и угрюмым безразличием в душе. Тут же, казалось бы, не праздник, а самые суровые экономические будни, на лицах же — возбужденность и даже азарт. Двери в «Елисеевский» не успевали закрываться: люди спешили посмотреть на цены, и тут я понял, что для нас это не столько повод для тревожных прогнозов, сколько нижегородская ярмарка, куда можно именно пойти и посмотреть.

Даже лучше сказать — поглазеть, а затем обсудить со знакомыми: я видел колбасу за столько-то, я за столько-то, я еще за вот столько! Все у нас сейчас говорят о ценах — на улицах, в очередях, за сигаретой в курилке, на лавочке в метро! И именно говорят, а не подсчитывают ресурсы, не планируют семейный бюджет, не пересматривают статьи расходов — истинно русский разговорчик, знаете ли! Окажись в такой ситуации скромный европейский буржуа — да у него голова бы вспухла от этих проблем, а мы лишь дымим сигаретой и накручиваем диск телефонного аппарата. Почтенная пожилая женщина театрально открывает кухонный шкаф и произносит перед объективом телекамеры, что запасов у нее всего на несколько месяцев. Произносит, а сама улыбается — как же иначе, ведь ее же снимают! Снимают, чтобы показать по телевидению, а на миру и смерть красна! Или, скажем, журналист с микрофоном догоняет на улице хмурого и озабоченного старика с буханкой черного хлеба под мышкой: как, мол, дядя, житье-бытье? Тот сначала крякнет, сплюнет, выругается, а затем — осознавая свою роль перед микрофоном — присанится и беспечно (на зрителя!) махнет рукой: ничего, перезимует! Беспечно и даже с некоей бравадой, а у самого в дырявом кармане ветер свистит. Вот и выходит, что для нас всего страшнее застой, хотя некоторые сейчас и поговаривают, что при застое (при Брежнев-батьшке) было лучше, демократы же нас погубят. Но поговаривают, чтобы успокоить самих себя, на самом же деле застой-то для нас и страшен, а если что-то двинулось — не важно, в какую сторону, — мы и рады.

В «Елисеевский» я, понятно, заглянул: кроме цен, там ничего не было. Продавали, правда, импортный сыр в красивой упаковке, причем каждый ломтик был вдобавок обернут целлофаном — умеют же в Европе! Ну и цена соответственная, но поскольку ломтиков мало — можно поднатужиться и купить. Не оттого, что это выгодно, практично или надолго хватит, а как бы в состоянии праздничной возбужденности — «забавы для» (по Высоцкому). Купить ради самого чувства, что ты побывал на яр-

вселяет в меня некое экзистенциальное уныние, вынуждающее либо прятать глаза в дешевую газетенку, либо блуждать рассеянным взором по вагону, либо с задумчивым вниманием останавливать взгляд на лицах окружающих. Впрочем, судя по их рассеянно-внимательному взгляду, и они испытывают в этот момент то же самое чувство...

Вот почему я в тот день вышел на Пушкинской площади и решил прогуляться, хотя, признаться, была и иная причина — не столько экзистенциальная, сколько экономическая, а может быть, и экзистенциальная и экономическая вместе, поскольку экономика для нас сейчас — категория существования.

Короче, хотелось взглянуть и на платформы, и на людей, которые их окружают: угнетающе ли подействовала на них пересадка? На них, которые долго ехали по темному тоннелю, именуемому социализмом, вглядывались в пустые окна, вслушивались в наигранно-бодрый голос, объявляющий остановки («Развитой...», «Реальный...», «Обновленный...»), теряли равновесие и пытались схватиться за поручень, если поезд резко тормозил, перешептывались, переругивались, чертыхались, и лишь тусклый глаз Полифема бдительно следил за ними. Ехали, ехали, и вот — пересадка: каково им теперь? Им, привыкшим находиться под панцирем и еще не уверенным, вырвется ли поезд из тоннеля?

Словом — хотелось, и не со стороны, а изнутри, потому что я и сам привык и не был уверен. Значит, смотрел и на них, и на самого себя, и первое, что меня озадачило, — некая праздничная возбужденность, которую я обнаружил на лицах других и почувствовал на своем собственном лице. Я бы сказал, непри-

марке. Побывал и теперь вправе авторитетно заявить: ну вот, отпустили цены, и у нас появились на прилавках импортные товары. Обещали, что появятся, и они появились: пожалуйста, каждый ломтик в целлофановой обертке, а это и есть долгожданный праздник.

Признаться, я тоже не удержался и купил одну упаковку. Купил и потом жалел, что мало (жена ругала) — любой праздник хочется продлить. Особенно если он не скрашивает, а заменяет собою будни: так возникает наше исконное желание вечного праздника. С этой мыслью я пристроился в хвост толпе, которая вынесла меня на улицу. Там, рядом с витринами, были и цены, и товары — иными словами, толкучка! Толкучка или — если говорить на коммерческом языке — маленькая уличная биржа, где каждый сам себе и брокер, и продавец, и рекламный агент. Такие биржи я встречал и раньше, в застойные времена, но их прежние хозяева ушли теперь в коммерческие ларьки и частные магазины: зачем мерзнуть и прятаться от милиционеров, если можно торговать в тепле и чувствовать себя в полной безопасности, имея револьвер под прилавком, наемную охрану или выплачивая откупное рэкету! На толкучке же появились новые хозяева, не такие ушлые, тертые и оборотистые, как прежние (поэтому их и хозяевами-то назвать трудно), но зато более беззащитные, вызывающие к сочувствию, и гуманитарные, если это слово приложимо к людям, которых гонит торговать не предпринимательская жилка, а самая насущная нужда.

И что самое трогательное, стали приторговывать старушки, по которым повышение цен ударило сильнее всего — старушки-труженицы, получающие на почте свои жалкие пенсии, выстаивающие в очередях за последними дешевыми товарами (вермишель и картофельные биточки) и мучительно страдающие из-за того, что приходится тратить на них последние деньги, отложенные на похороны. Предприниматели они, конечно, незадачливые. Ну, досталась по талонам водка — зачем она им! Несут на толкучку, чтобы продать, а на вырученные деньги купить селедочку (давно солененького хочется!), заплатить за квартиру и доложить в шкатулку «похоронные». Впрочем, многие из них — те, что побойчее, — быстро осваиваются на толкучке и через день-другой чувствуют себя там вполне уверенно, знают, кому предложить и сколько запросить. А некоторые...

Вот такую — из некоторых — старушку я и заметил у «Елисеевского»: в изношенном, но очень опрятном пальто с каракулевым воротником, в старомодных ботиках на застежке, в белом вязаном платке, она стояла в стороне ото всех и держала в руках злополучную водку.

Фото В. Левитина

Держала, а сама отворачивалась, то ли стыдясь своей новой роли, то ли подчеркивая сознательное неучастие в этой вынужденной торговле, но в то же время торговля ее все больше захватывала, и было видно по лицу, что душевные сомнения от нее отступали. Если сначала из ее сумки лишь робко выглядывало горлышко бутылки, то затем, как бы перенимая опыт у своих бойких соседей, она отважно взяла ее в руки и даже стала предлагать прохожим. «Вам водка не нужна?» — заговорила спросила она у меня, и на щеках у нее заиграл румянец, а в глазах обозначились искорки веселого азарта.

От водки я отказался, но, глядя на азартно приторговывающих старушек, я как бы воочию соприкоснулся с неким загадочным свойством, благодаря которому мы внутренне приняли разгосударствление, приватизацию и освобождение цен — приняли с такой же легкостью, доверчивостью и беззаботностью, с какими когда-то принимали коллективизацию, объявляли войну частной собственности, и те же самые старушки, правда, в возрасте их нынешних дочерей и внуков, добровольно записывались в первые колхозы, размахивали кумачовыми лозунгами и кричали на всю деревню: «Геть куркуля!» Те же самые, доверчивые и беззаботные, они громче всех кричали и меньше всех получили от новой власти — и тогда, и сейчас. Получали другие, смекалистые и сообразительные, — те, кто тогда сидел в райкомах и обкомах, а сейчас сидит в коммерческих ларьках, эти же довольствовались порывом, энтузиазмом, сознанием своей сопричастности.

Но ведь довольствовались же — поистине загадочное свойство русской натуры! Свойство, возникающее от особого отношения к жизни, которое я называл бы сквозным, неустойчивым, лишенным опоры. Да, да, в доме распахнуты форточки и по комнатам гуляет сквозняк — нам зябко, неуютно, но форточку мы не захлопнем и тепло беречь не станем, потому что чувство сквозняка для нас — желанное чувство, и мы никогда не променяем его на чувство покоя и уюта.

Реформа же в том виде, в каком она сейчас проходит (полнейшая неподготовленность и непредсказуемость), — это и есть желанный сквозняк. Вот почему улыбается женщина, говоря о последних запасах, и хмурый старик бесечно машет рукой: сквозняк нам привычен. Мы, собственно, никогда и не жили в натопленных комнатах, поэтому нам не с чем сравнить свое состояние — холодно или тепло. В нашей истории весь жар от сгоревших поленьев доставался тем, кто оказывался поближе к печке, но комнаты равномерно не прогревались, а если и прогревались, то на очень короткое время: Новгородская вольница, домонгольская Русь, после-реформенная Россия... Очень короткое, а затем снова монголы или большевики...

Будь на нашем месте народ, привычный к теплу, он бы никому не позволил открывать форточки, но наше умение переносить любой холод заставляет с доверчивостью относиться к тем, кто пообещает: вы подождите, мы сейчас холодку напустим, проветрим как следует, а затем натопим так, что будете от

жары блаженствовать. Да, да, не научит каждого согреваться собственным трудом, а мы natoпим, вы же будете блаженствовать...

Вот и испробовали мы этого блаженства за семьдесят лет — впрочем, оставим аллегорию и выскажемся напрямую: конечная судьба реформы зависит не оттого, сколько мы еще потерпим, а оттого, насколько быстро расстанемся с нашим извечным терпением. Трудности для нас — самое легкое, хотя мы умеем жаловаться и выставить напоказ свою закрепощенность, обладая при этом загадочной внутренней свободой. Мы говорим: цены подскочили настолько, что накопленных денег (маленький запасец на сберкнижке) хватит только на еду и удовлетворение самых насущных потребностей, но ведь для нас это идеальное состояние — отломить кусок от буханки, плеснуть кипятка в кружку, устроиться в креслице из скрещенных палок, включить мигающий телевизор и не ломать себе голову над тем, куда вложить капиталы, какие купить акции или заключить торговые сделки. Бремя собственных страстей для нас отраднее, чем бремя собственности, поэтому успех реформы Ельцина, как это ни парадоксально, не в нашем терпении, а в нашем нетерпении.

Но в нетерпении не столько политическом, сколько экономическом. Иными словами, все будет зависеть от того, захотим ли мы взять топор, но не для того, чтобы выйти с ним на большую дорогу, как призывают на митингах некоторые лидеры, а для того, чтобы нарубить дров и затопить печь в доме.

С этими мыслями я отправился дальше по Тверской, останавливаясь у витрин и заглядывая в магазины — пустынные магазины бывшей улицы Горького. Заглянул и в пиццерию, оазис европейского сервиса, куда манила самая завораживающая реклама и где торговали девушки в элегантных фирменных костюмчиках, выдававшие в окошечко горячую пиццу и принимавшие деньги с таким видом, как будто это лишь незначительное дополнение к приятному общению с покупателем. Короче, чувствовалась выучка — это вам не продавцы в белых халатах, стоптанных тапочках и накрахмаленных колпаках! Главное же — самой пицце была свойственна некая загадочная по нынешним временам доброкачественность, как будто и грибов, и сыра, и мяса в нее клали ровно столько, сколько положено. Меня это даже слегка навязчиво беспокоило: как ни купишь, всего хватает — и грибов, и сыра, и острых приправ. Что за напасть такая, словно мы не в родимой Москве, где с голодухи все съедят, а в Неаполе или Париже, и вот я решил сделать контрольный замер: терпеливо выстоял очередь и купил снова. Купил и

вздыхнул с облегчением — на этот раз теста было даже больше, чем обычно, грибов же и острых приправ явно не хватало, и девушки в фирменных костюмчиках покрикивали на покупателей не хуже накрахмаленных колпаков.

Все-таки не выдержал хваленый европейский сервис упрямой российской действительности. И поделом — знай наших! Впрочем, надо забежать в Макдоналдс: там, по слухам, еще держатся...

Держатся, но надолго ли хватит сил, если вся наша экономика — борьба оазисов с пустыней. Пустыней, над которой гуляет суховей вырвавшихся на свободу цен и сквозь бесплодный песок пробиваются колючки новых политических партий — таких, как анархисты, проводившие митинг напротив Моссовета, у памятника Юрию Долгорукому. Я постоял, послушал, посмотрел на черный флаг с черепом и скрещенными костями — признаться, немного бутфорский. Недоставало, правда, матроса в расклепанных брюках, с маузером, опоясанного пулеметными лентами, и длинноволосого батеньки-философа, цитирующего князя Кропоткина, но зато почтенная пожилая женщина в добротном пальто и кроличьей шапке обличала в мегафон новую власть — мне это показалось такой же бесконечной игрой, как демонстрация перед телекамерой кухонного шкафчика с последними запасами крупы. Последними — в аккуратных, подобранных по цвету коробочках: вот и добротное пальто не слишком отвечало крамольному духу анархии, но, в конце концов, если есть у нас державные националисты, должны быть и анархисты, поскольку выйти на митинг и прокричать в мегафон для нас такой же праздник, как прогуляться по магазинам и посмотреть на цены.

От памятника основателю Москвы я спустился к Центральной телеграфу, где хмурые, скусающие и мерзнувшие молодые люди торговали коммерческими книгами — такими же подобранными, как коробочки для крупы. У каждой свое название и товарный вид, но я не стал заглядывать в эти коробочки, зная, что не найду там ничего, кроме пресной манки и прогорклого овса, смешанного с мышинным пометом, и двинулся дальше — к подземному переходу. В переходе играла на свирели маленькая девочка, а рядом сидела собачка и стояла коробочка, наполненная деньгами. Поскольку я видел эту девочку не первый раз, а в отдалении угадывался ее заботливый антрепренер-родитель, я решил, что к восемнадцати годам (если реформа Ельцина успешно продолжится) это будет самая богатая невеста в Москве. Решил и бросил в коробочку трешку — ей на приданое. Бросил и пожалел, что не купил у старушки водку — хотя наверняка

разбавленная, но надо было купить, чтобы поддержать в старушке предпринимательский азарт, а заодно и выпить за успехи реформы и за здоровье будущей невесты. От этих сожалений меня отвлекла женщина, сунувшая в руки листовку с призывом на митинг «Трудовой России». В листовке было написано: если ты не можешь смотреть, как грабят народ, как распродают державу, — останови геноцид. Ельцин обманул народ... надеяться не на кого... У народа остался последний шанс — мирным путем отстранить от власти правительство, предавшее национальные интересы. И — указывалось место сбора, откуда начнется марш к российскому «Белому дому».

Все это я прочел, пока шел по переходу, а когда вышел к музею Ленина, увидел, что там собралась вся Русь уходящая — с хоругвями и иконами вождей, призывами к верующим и чаши для сбора пожертвований. Уходящая, социалистическая, рабоче-крестьянская — та, которая явилась когда-то под гром октябрьских салютов, звуки фанфар и пионерских горнов. Явилась в надежде на земной рай и вечный праздник, названный иллюзорным социалистическим трудом, а теперь исчезла, теснимая буднями и запоздалой необходимостью трудиться, но ведь и это — Русь! И я заметил среди собравшихся почтенную пожилую женщину и хмурого, озабоченного старика. Заметил и ту девочку... и ту старушку... Заметил и с невольной жалостью подумал о том, как они отправятся к «Белому дому», будут ругать Горбачева и обличать Ельцина, требовать понижения цен и выступать за целостность Советского Союза, вновь защищая власть, взявшую у них все — и их самих, и их жизни — и не давшую ничего. Ничего, кроме утешающего чувства равенства с теми, кто так же беден, закабален, обманут, и некоей странной потаенной свободы, которая ничего превращала во все, а «надо» — в «не надо». Не в этой ли свободе загадка русской души? не с ней ли лежал на печи Иванушка и сиднем сидел Илья-Муромец?! Пока мы не ответим на этот вопрос, реформа не сдвинется с заколдованной точки, мы же так и будем совершать прогулки по Тверской и глазеть на цены вместо того, чтобы зарабатывать деньги и покупать товары.

Лично я уже нагулялся, чего и вам желаю. Пора — в метро.

Письма

КОМУ ПОМОГАЮТ «ОБНОВЛЕННЫЕ» ПРОФСОЮЗЫ

Еще не так давно мы с гордостью горлачили на больших и малых собраниях о приводных ремнях партии — профсоюзах. В самом деле, ВЦСПС, оправдывая свое предназначение, моментально подхватывал любые, даже самые нелепые и антинародные решения КПСС и скрупулезно претворял их в жизнь любой ценой. Теперь, когда уже вроде бы распущен всемогущий механизм, управлявший приводными ремнями, советские профсоюзы не претерпели почти никаких изменений. В огромных Дворцах труда многотысячные армии комитетчиков гоняют чай, в поте лица раскручивая те же приводные ремни. Но как ни говори, есть у них кое-какие трудности, ведь крутить ремни приходится теперь в другую сторону. Подобно профсоюзам зажиточных капстран, наши сейчас тоже выступают против повышения цен и за увеличение зарплат. На первый взгляд «обновленные» профсоюзы поступают вполне благородно. Но таким «безобидным» образом, оказывается, можно помогать затаившимся коммунистам, проваливая замыслы демократических президентов и парламента. Ведь бывшая партократия не может сама призывать народ к забастовкам. И эту работу выполняют теперь профсоюзы, прекрасно зная, что забастовки могут развалить страну окончательно в эту тяжелую пору.

Многотысячные освобожденные профсоюзные работники существенно укрепили в последние годы свое материальное положение и общественную значимость. Принято постановление об увеличении зарплаты работникам профсоюзов с 1992 года... Видимо, львиная доля добытых с помощью забастовок средств расходуется не в пользу трудящихся, а на содержание огромного профсоюзного аппарата. Спрашивается, а нужен ли он нам?

Казань

Л.ЗАКИРОВ

СТУКАЧИ ОТРАВЛЯЮТ АТМОСФЕРУ. ПРИЧЕМ ПРОФЕССИОНАЛЬНО

С удовлетворением прочитал соображения Андрея Мальгина относительно КГБ и его агентов (статья «Прощание с КГБ», 4-й номер «Столицы»). Обнародование списка стукачей обязательно должно произойти. Не только потому, что «народ должен знать своих героев», но и из-за того, что эти люди, будучи незачисленными, продолжают отравлять атмосферу общества и весьма эффективно

дискредитируют демократические власти. Бывшие стукачи распространяют компрометирующие новое руководство слухи, причем делают это профессионально. Это они кричат в местах скопления людей о том, что демократы довели страну до голода. Это они всячески саботируют распоряжения правительства на местах. Это они устраивают лобби в парламенте.

Таких людей очень много. Если в ГДР каждый третий был стукачом, то у нас, боюсь, — двое из трех. И разоблачить их надо как можно быстрее. Вешать на столбах их не будут, ибо те, кто не пошел на службу в гестапо, не станут палачами. К тому же руки о них марать не захочется.

Очень хотелось бы, чтобы журнал «Столица» стал инициатором всероссийской кампании по сбору подписей под требованием обнародования списка мерзавцев. Именно мерзавцев — вещи надо называть своими именами. Иначе жизнь нашей молодой России еще долго будет мрачной и двусмысленной.

Москва

В.КУЗНЕЦОВ

ЕСЛИ МЫ НЕ ВЫМРЕМ, ТО ВЗБУНТЕМСЯ

Я уверен, что если во главе областного совета или автономной республики находится не жажущий реванша партократ, а настоящий демократ, то интервью с господином Антоновым в 3-м номере «Столицы» за этот год будет для него оскорблением. А если там, упаси Боже, находится полная противоположность, то для него это интервью — настоящая инструкция «Как расчленив Россию». Вот увидите, он сразу закричит: «Даешь защиту регионального рынка!» И, что страшно, наш добрый и умный народ поддержит его, потому что отчаялся свести концы с концами, а здесь хоть надежду подадут. Потом, правда, разберется, но будет, как всегда, поздно: виноватых не найдет.

Обидно за демократию! Так и хочется взять ее в кавычки. Беззубая, болтливая, готовая на подвиги во благо народа, но импотентная во всем, за что ни возьмется: за землю, за приватизацию, за реформы, за армию... И Борис Ельцин, надежда наша последняя, вместо того, чтобы умасливать всех в мире, лучше бы спасал свой народ от паразитов, а то ведь вымрем или взбунтуемся по-русски.

Московская
область

Г.ГЕОРГИЕВСКИЙ

КРАСИВАЯ СКАЗКА ПРО МАНЬЯКА

После прочтения статьи А.Телиха «Раздавленный собственной тенью» («Столица» № 1, 1992), честное слово, плевать хочется. Если вы действительно показываете мне убийцу-маньяка, то потрудитесь хотя бы поставить себя на его место, чтобы до конца понять такого аномала. А то, что я прочитал, — совер-

шенно выдуманная история, изложенная с использованием приемов журналиста-школяра.

Для начала расскажу одну историю. В школе, где я учился, был оригинальный паренек — Максим Герасимов. Он специально изучал английский, чтобы заниматься фарцовкой (по остальным предметам еле тянул на тройки), которая давала ему неплохую прибыль. Жил он в нашем подъезде, и мы как соседи, естественно, общались, даже дружили, пока я не узнал, что он попал в места не столь отдаленные. Прошли годы... Как-то в кинотеатре «Россия» в конце шестидесятых смотрю документальный фильм, а там... наш Мама Герасимов крупным планом рассказывает о лесоповале, о том, как он раскаивается в прошлой непутевой жизни, мечтает вырваться на свободу и стать человеком. А параллельно идут его дневники, где он делится различными своими умозаключениями и обобщениями. Меня это тогда поразило: ну, думаю, как изменился...

И вот буквально через год встречаю Мама в Ленинграде. Рассказал ему, что видел фильм и восхищен тем, что он стал вести дневник и смотреть на жизнь другими глазами... Максим расхохотался мне в лицо и сообщил, что никаких дневников у него никогда не было, а то, что я видел в кино, — сплошное вранье киножурналистов.

Ну, положим, так было раньше, сейчас все по-другому. Но читаю материал А.Телиха и улыбаюсь — все тот же затасканный прием с дневниками. Я увидел не убийцу, а самолюбование журналиста, который, ах, как красиво рассказал об этом чудилище. Лучше бы вместо противной картинки на 39-й странице напечатали факсимиле дневников маньяка, ну хоть одну страничку. Это было бы более убедительно. Хотя во что-то можно было бы поверить. В таких материалах должен быть убийственный по своей правде реализм, а не заумное синтезирование, красивая сказка про маньяка.

Москва

В.КОТАНОВ

ХАСБУЛАТОВ — КОНКУРЕНТ ХАЗАНОВА

В ночь с 9 на 10 февраля после тревожного дня митингов прочла в 4-м номере «Столицы» дивную заметку Г.Крошина «Авторы бюджета — Мишка да Петяка!..» Я так люблю Г.Хазанова, но это еще смешнее! Может, Р.Хасбулатов не тем занимается? А Хазанов, наверное, и не знает, что у него такой конкурент.

Клянусь, если даже цены повысятся в десять раз, я все равно подпишусь на ваш журнал!

Москва

С.ДОЛГОВА

Алла БОССАРТ

МЕСТО, КОТОРОГО НЕ ЖАЛКО

Я был опустошен и раздавлен, как старая консервная банка на свалке...

Уильям Стайрон. «И поджег этот дом»

Как уж в «Посетителе музея» режиссер Константин Лопушанский изо всех сил пугал грязным апокалипсисом, экологическими кошмарами, в заключение поставив многоточие глобальной помойки! А мне все не было и не было страшно, хотя рвотный спазм порой и подступал.

Потом милый, романтичный Эльдар Рязанов в «Небесах обетованных» показал нам помойку с другой — гуманитарной стороны. Но как ни трогательны, ни обаятельны были его талантливые бомжи, укоренившиеся на свалке целым городом-спутником, — в общем и целом все это было тоже на удивление поддельно.

Конечно, в том нет сомнения, ни тот ни другой свалки не видали — и не надо, задачи перед художниками стояли, конечно, другие. (И, по правде сказать, довольно незатейливые.) А то спросили бы хоть меня. Как и все послевоенные дворовые дети центральных переулков, мы с друзьями выросли на помойке,

провели там лучшие, золотые свои денечки. Потому и тянет, родная: ностальгия...

Моя задача, впрочем, и вовсе проста. В отличие от больших художников не вообразить, а увидеть Свалку в натуре. И сделать из этого паломничества свои несложные выводы — как экологические, так и гуманитарные. Потому что, как выясняется, чем помойка больше, тем глубже задумчивость, к которой она располагает.

Чего только не писали о московских свалках (уж не говорю — рассказывали)! Самая душераздирающая история печаталась в одной из незапоминающихся газет аж с продолжением. Родила, значит, бомжиха мутанта. Поскольку звероподобного мальчугана нельзя было держать среди людей, мамаша снесла его — да, правильно — на свалку, где он и стал вести свой звериный образ жизни. Добрая женщина навещала сына, подкармливала его, он ее признавал. Потом в него вселился какой-то бес, взялся

паренек нападать на людей, на него устроили облаву — и почему-то сожгли. Ну и прочая бредятина.

А немногословный водитель мусоровоза поведал нам по дороге, что на местах свалок после их окончательного использования устраивают кладбища. О, рождался жуткий и красноречивый образ: прожив жизнь на помойке, в которую превратилось наше земное бытие, «хомо советикус» и после смерти уходит туда же, погружаясь в перегнивший мусор. Буквально подтверждая безрадостный тезис о пути человека от зловонной пеленки до смердящего савана.

Но и тут сказалась извечная склонность российского мышления к художественности.

Свалка, товарищи, — место, разумеется, гнусное. Но ни мутантов, ни бидонвилей, ни погостов тут не вырастает. Потому что Свалка — это, как нетрудно догадаться, секретный, даже режимный, охраняемый собаками объект.

К сожалению, не мне, а Денису Драгунскому принадлежит идея о том, что если государство может играть в мировом сообществе определенную роль, то смысл России — «быть мировым полигоном» («Век XX и мир», № 4, 1991).

Я немедленно вспомнила эту интересную мысль, когда у въезда на главную столичную Свалку уткнулась в щит: «Полигон по захоронению твердых бытовых отходов Хмetyево».

Прочтите вслух. Слышите в суровом звемизме отзвук мрачного рока, безвыходной судьбы, от которой фиг уйдешь? Сюда — и на второй «полигон», Тимохово, — везут весь бытовой мусор Москвы — в с е наши с вами твердые отходы.

Так что если для социалистического эксперимента, для мирового полигона нужна, по словам Бисмарка, страна, которой не жалко, то уж для такого полигона, как свалка всей дряни, накапливаемой ежедневно мегаполисом этой страны, нужно поистине Богом забытое местечко.

Где вы, Лопушанский, Рязанов, Станислав Говорухин, Данте Иванович Алигьери? Ставьте свои софиты, точите свои перья — и забудьте о декорациях. Мы покажем вам Место, Которого Не Жалко.

Шофер мусоровоза ссадил нас метров за сто. Ведь полигон, за пассажиров могут и накостылять. Бескрайняя плоскость окружила нас. Над далекими терриконами взмывали тучи птиц, которых мы приняли за ворон. А сами терриконы непрерывно рушились, меняли очертания, наползали друг на друга — как земная кора на заре творения. Географией мусора управляли бульдозеры, но их мы издали не видели, и тяжелое шевеление полигона было отмечено нами как катаклизм. Справа коченели глиняные отвалы карьера, слева уходила к горизонту мертвая пустошь. Под ногами — жидкая глина, окрест — щетки леса, где-то за ними — вылинявшая деревня Хмetyево, оттуда бредет на полигон, хоронясь от его персонала, баба Поля со своими саночками.

Свирепые с виду нечесанные псы заскакали, страшно облаяли нас, но не тронули. Откуда-то набежали женщины — с мешком, с чайником, с папиросой — и завосклили: а вам что, а вы зачем, а к кому, а где разрешение?! Мы вяло огрызнулись, женщины вдруг сгнули. Сюр продолжался в жарко натопленном бараче-конторе-общезитии, где несколько пустых комнат обдали нас пестрым мужским бытом, а в одну внезапно набилась куча мужиков. Тихо ропща, они окружили нас тяжелыми взглядами. «Старший смены, — представился самый угрюмый. — Ах, журналисты? Ну вот по-быстрому поворачивайтесь и давайте отсюда». Однако на волшебное слово «Экотехпром» мужики откликну-

лись радостным гомоном: «Есть такая контора! Стало быть, начальство разрешило? Ну, тады ладно, чего ж, коли разрешение есть...» А тут еще коллега мой, Штейнбок, рассмешил их, подмигнув на стенку, сплошь уклеенную голыми девками (в центре экспозиции красовался Ельцин в трусах): «Веселенький у вас интерьерчик!» И Свалка приняла нас, можно сказать, как родных. Старший же смены, хотя и не представился, но, угрюмо усмехнувшись, пояснил: вы ж нас тоже поймите. Прутся и прутся — отбою от вас, журналистов, нет. Как медом намазали. Особенно иностранцы — нет бы в Кремль — все к нам и к нам. Уж так им охота наше дерьмо показать, своего мало. И ведь потом как напишут, обязательно унижат. «А моя жена вообще не знает, что я на свалке работаю, — добавил другой. — Говорю — на полигоне. Так что вы уж нас не того...» Мы поклялись портретов не снимать, фамилии не указывать и не унижать.

— Ну, пошли, что ли, — пригласил Старший, как Вергилий.

И мы пошли.

Темные птицы, что несметными тучами поднимались, передислоцируясь с кучи на кучу, оказались не зловещими воронами, а вульгарными оглоедами-голубыми; вот где, оказывается, циркует московская холера, неукротимо разнося заразу по площадям и балконам столицы.

А баба Поля со своими саночками уже подползла.

Что вы, милые, я с энтой свалочки живу! Котяткам кожицы, колбасочки отварю, поросеночку — хлебушка. И курей держу, и утей — а как же! Поросенок трое. Да сынов двое. У них тоже скотинка. Сами-то не пойдут — один на «скорой» работает, и второму некогда. А комбикорм нынче дорог! Раньше-то хватало, а сейчас пенсию дали четвереста — и все не хватает. Еще мама моя сюда ходила, лет двадцать назад — тогда свалка вона где была, там лес насадили, на гнилье-то сосны пошли шибко. А у меня и валенки отсюда, и галошки — один день одну найдешь, другой — другую. И пальтишко. Да все, почитай, что на мне, — отсюда. На саночки покладу — и еду себе потихоньку.

— Уйди, бабка, сказано тебе! Уйди от греха! Не положено!

Парень в желтой безрукавке хрипло орал на Полю, что копошилась под мусорным обрывом, тыча в рыхлую стену своим крючком — универсальным инструментом завсегдаев свалки. Но парень орал высоко, далеко, до Поли ему было не достать с трехметровой кручи, и бабушка только ласково отмахивалась, бормоча: «Ишь, объедков им жалко, крикунам, а чего жалеют, все одно закапывать...»

Трехметровая стена мусора, разделяющая рабочих полигона, шоферов,

бульдозеристов — и тех, кто открыл здесь свой Клондайк, — двигалась. Рассказывают, что одного добытчика тут засыпало, и не заметили как. А объедков-то, конечно, не жалко. Всем хватает. И шоферам мусоровозок, и диспетчерам, и старшим смен.

— Да свалка эта, блин, золотое дно! — ржал во всю глотку охламон лет семнадцати, ухмылка, как щербатое пианино. — Здесь, блин, и кассеты, и зажигалки, и сигареты блоками, блин! И валюта, сука буду! Я тут уж три года кантуюсь, поперек все знаю, ветеран, блин!

— А я раз уютю нашел, западногерманский, — застенчиво сообщил румяный ангел нежных лет. — Четвертак в день — не меньше. Хлеб тоже беру, продаю потом, у которых поросята. Ты чо же, гад, сймаешь меня! На ...я мне твоя реклама! — завопил вдруг, но в этот миг вниз хлынула лавина яркого, явно импортного мусора, и пацаны с криком: «Иностранная пришла!» — ринулись на раскопки.

— Что я, козел, в русском говне копать! — на ходу пояснил щербатый.

— В иностранном приятней? — меня изумила такая разборчивость.

Своя брезгливость, своя аристократия, свой плебс... Есть и мафиози — приезжают на собственных машинах, устраивают «таможню»: шмонают полигонный народец, отбирают что поценнее. Эти — элита, защищены начальством и презирают «быдло» — поросятников.

Своя иерархия, своя мораль, свой рынок, своя терминология. Свои секреты. Своя государственность. Полигон.

«Такой богатой свалки нет нигде в мире!»

Ну, положим. Наш Вергилий в желтой жилетке как бы сокрушается, хотя и не без гордости — а гордиться-то осо-

бенно нечем. Нью-йоркские помойки и живописней, и куда богаче. И бардака на них не меньше. И почву они так же отравляют, да плюс еще и океан, куда недавно стали обрасывать непомерно растущие отходы. И цветные металлы также уходят в землю, и даже заводов по утилизации там тоже нет; и добытчики такие же, разве что частично — с расовыми отличиями.

Смирить бы гордыню самобичевания. Не грешить таким-то уж адским отвращением к самим себе. Везде все то же. Лишь мусор другой. Сувенирные его экземпляры валяются в мешки хмелевских «археологов» из посольских машин, из шереметьевского КамАЗа. Тоже своего рода гуманитарная помощь.

Свалка наша неинтересна и убога.

Хотя раньше, говорят, здесь можно было собрать твердых — вполне твердых отходов на дачу. А теперь... Каков стол, таков, как говорится, и стул. В нищей стране откуда взяться богатой свалке? И миллиарды, уходящие в землю, — такие же сказки, как свалочные мутанты и городки романтических бомжей. Просто гадкая, ползучая мерзость. Кучи, холмы, горы дерьма. Только во всем мире это называется «гарбидж», мусор, помойка, а у нас — полигон.

А галоша левая у бабушки Полины больше правой, подвязана капроновой лентой — парных на полигоне не нашлось. Такая вот проблема. Она же экономическая, она же — экологическая, она же — гуманитарная.

Ну а что начальство свалок — люди не бедные... Так не с объедков же, я полагаю. Но это уже из области прокуратуры.

Напоследок к нам подошел мужичок в солдатской телогрейке, глянул лютым белым глазом: «Чего сюда-то снимать прикололись? Ехайте в магазины фотографировать! Заснимите, б...ди, как жида и демократы Россию продали!»

Когда же мы, черт возьми, свою долю-то получим?!

Чует мое сердце, не раньше, чем все — в с е! — наши отходы назовем своими именами.

И — поджечь этот дом. Каждый — свою свалку.

Или наконец уже смастерить себе крючок?

Фото Марка Штейнбока

Олег ОСАДЧИЙ

ПРОФЕССИОНАЛ

*Судьба играет человеком,
а он играет в рулетку*

Французская рулетка — игра интеллигентски-рафинированная: крупье не торопится, фишки передвигает изящной лопаточкой и каждый раз, прежде чем запустить шарик по ободу «колеса фортуны», дожидается, чтобы все игроки сделали свои ставки. Во французскую рулетку играют «медленно и печально».

Американская рулетка грубее. Здесь никто никого не ждет, шарик в игре почти постоянно, фишки сгребают охалками, и все делается быстро, еще быстрее, быстро, как только можно. Американская рулетка намного прибыльнее...

Москва — скоростной город. В Москве стремительно зарабатывают миллионы. Миллионы стремительно обесцениваются, и просаживают их поэтому просто с невероятной быстротой. Москва играет в американскую рулетку. Столица просто без ума от «американки».

За зеленым сукном «ТАБРИЕЛЬ» играют на «зеленые»
Фото В.Веленгурина (ИТАР—ТАСС)

В Володиной трудовой книжке значится — «крупье». Игрок-профессионал, иными словами. Его работа состоит в том, чтоб по ночам изящно и легко отбирать у клиентов чьим-то потом и, возможно, чьей-то кровью добытые деньги. Тридцать минут отбирает, пятнадцать отдыхает — пересменка. Потом опять отбирает. Конвейер.

Как вы себе представляете жизнь профессионального игрока? Блестящее общество, шикарные женщины, легкий заработок, удача, «музыка, песни, вино», как поет Жизнерадостный Вячеслав Добрынин... Когда-то Володя тоже так думал. Хотелось красивого времяпрепровождения, легких денег. Сейчас, конечно, никаких иллюзий

уже нет: работа оказалась намного более трудной и намного менее прибыльной, чем ждал. Удача — каждодневная рутина, порядки — весьма суровые, общество — блестящее, но уж очень опасное, женщины — ничего себе, но все больше проститутки. Вообще, никакой романтики. А, впрочем, чего жаловаться? Никто ведь силком не тянул. И потом, «рука», которая пристроила в игровой дом, обещает со временем сделать Володю менеджером. Менеджеры в казино — народ уважаемый, доходы у них на порядок выше.

А крупье — что... Чернорабочий, ломовая лошадка игорного бизнеса. На лошадях принято ездить. Вот бармен — тот имеет постоянный «навар» с коктейлей, охранники

собирают мзду с посетителей при входе — это их личное, никем не считанное. А крупье, которые, собственно, приносят заведению основную прибыль, чаевые получают из рук хозяина казино. Весь «чай» Володя обязан опускать в специальную прорезь на игровом столе. Под столом — опломбированный ящик. Утром чаевые подсчитывают и делят на всех работников (включая и охрану, и бармена), руководствуясь какими-то загадочными коэффициентами. Но это лишь в случае, если заведение не останется внакладе. Проигрыш означает, что все чаевые идут на покрытие убытков. А для крупье это существенно — их официальный заработок искусственно занижен, чтоб поменьше драли налогов, основной доход — от «чая».

Поэтому неудачные ночи случаются все реже...

Володя считает — ему недоплачивают. Устаешь к концу смены чертовски: мысли путаются, фишки сливаются перед глазами с зеленым сукном, спина немеет. И при том, что «обуваешь» клиентов на многие сотни тысяч, тебе — на, пожалуйста — максимум пять тысяч в месяц. Володя полагает — стоило бы накинуть по крайней мере за риск. Бывает, выходит крупье из клуба, а его уже ждут. Приставляют пистолет к животу: «Ты зачем мою фишку передвинул? Давай деньги!» Спасибо хоть хозяин теперь нанимает по утрам несколько машин — развозит работников по домам. Но Володя все равно боится — слишком уж большие суммы проходят через его руки. Завтра не угодишь какому-нибудь серьезному игроку — и все...

Что больше всего раздражает — так это слежка. За игровым столом, кроме крупье и его ассистента, постоянно присутствуют два инспектора. С одной стороны, это, конечно, необходимо: подскажут, если собьешься в счете, проследят, чтоб клиенты не жульничали и не безобразничали. С другой — не очень-то приятно знать, что каждый твой промах, каждая заминка фиксируются и, возможно, попадают в «личное дело». Сбил-ся раз, сбил-ся два, а на третий — «наша фирма в ваших услугах не нуждается». Желаящих занять твое место — вон сколько. В общем, нормальная жестокая конкуренция, к которой вскормленный советской системой Володя никак не может привыкнуть. Хотя ему-то как раз бояться нечего. Он — один из самых удачливых крупье.

Володина работа — сплошные ограничения. Прежде всего, своеобразная «подписка о неразглашении». Родным, друзьям можно сказать, где работаешь, но КАК работаешь, знать не должен никто. Последствия для болтуна могут быть очень и очень серьезными. Поэтому не называю ни Володину фамилию, ни клуб, где он крутит рулетку.

Крупье не имеет права разговаривать с клиентами. Нельзя даже подойти к стойке бара за чашечкой кофе — вдруг ты успеешь с кем-то договориться и за определенную мзду подыграешь... Еще много всяких «нельзя»: нельзя расслабляться и отвлекаться, нельзя ни на йоту отступить от этикета (улыбка, неизменное «спасибо», осанка, умение непринужденно выпрашивать чаевые и т.д.), нельзя играть медленно.

И, конечно, нельзя проигрывать. Ни в коем случае. Вот говорят и пишут: «фортуна, фортуна...». А содержание игорного дома — бизнес. В бизнесе нельзя полагаться на фортуна. Нужен точный расчет и, как следствие, — верная прибыль. Конечно, ни на одной рулетке не используют магнитов, «тормозов» и прочих технических средств из гангстерского арсенала. Уличат в жульничестве — начнется стрельба. Кому это нужно... Так что выиграть у заведения при желании можно. Допустим, вы ставите двадцать раз подряд на цифру семь по пятьсот рублей. Двадцать раз проигрываете. А на двадцать первый

судьба улыбается, и шарик останавливается на этой самой семерке. Крупье выплачивает семнадцать тысяч. Итого, получается, вы выиграли семь «штук». Поэтому крупье должен сделать так, чтоб удача вам не улыбалась, чтоб двадцать первого счастливого раза не было. Опытный крупье настолько сросся с рулеткой, что заранее может сказать, в какой сектор «попадет». Не спрашивайте как. Просто умеет бросить шарик как надо, и все тут, иногда даже сам не знает почему. «Ловкость рук и никакого мошенства». Володя так может, и обыграть его практически невозможно. А крупье начинающему достаточно очень быстро работать головой и руками, сокращать до минимума паузы в игре. Чем меньше клиентов успеют сделать ставки, тем меньше вероятность, что кто-то из них выиграет.

Бывает, кому-то из крупье просто, как здесь говорят, «рука не идет» — проигрыш следует за проигрышем, один и тот же номер выпадает несколько раз подряд. Тогда менеджер просто меняет игрока. Никто ведь не будет проверять по часам — пора неудачнику отдыхать или еще нет. Да и вообще, если перед вами фишек на двести тысяч — разве будете следить, с кем играете? «Незапланированная» смена крупье, как правило, наверняка прервет вашу полосу удач, и из казино вы уедете без штанов...

Хотя насчет «штанов» — это, конечно, преувеличение. Последние гроши на кон никто не ставит. В рулетку играют люди состоятельные или, на худой конец, не бедные. «Не бедные» — это проститутки, артисты кино, мальчики-брокеры, китайцы и вьетнамцы. «Не бедные» заглядывают на огонек время от времени, чтобы проиграть «свободные» пять-десять тысяч, но с тайной надеждой на крупную удачу. А крупной удачей для них не бывает. В крайнем случае — самому счастливому — удастся взять тысяч двадцать. Больше просто не дадут: вежливо ототрут от стола профессионально накачанным плечом, посоветуют унести, что есть, и заходить еще... но попозже.

«Состоятельные» проводят в казино почти каждую ночь. Появляются со свитой — нет, не телохранителей, а таких же, только чуть менее состоятельных. Зачем охрана? Постоянного игрока никто пальцем не тронет, так что громилы пусть расслабляются до утра. «Состоятельные» клиенты приносят доллары в кошельках размером с дамскую сумочку и рубли в целлофановых пакетах, с которыми «в миру» принято ходить на базар за овощами. «Состоятельные» играют по-крупному. Им разрешают выигрывать, если везет, — все равно тот же Саид или Боря принесет свой выигрыш сюда же. «Состоятельные» создают заведению имидж и обеспечивают основной оборот капитала. Володя слышал, что четверо-пятеро «состоятельных» вложили деньги и в этот игорный дом, и еще в два-три. Во всех московских казино Саид и Боря — желанные гости. Им подадут напитки прямо к игровому столу, им обеспечат охрану, их проводит до дверей дежурный менеджер, поклонится, осведо-

мится о здоровье Лизочки (Анечки, Веры Степановны). «Состоятельный» полночи играет в «Москве», полночи — в «Гаване». Завтра поедет в «Бомбей», послезавтра — в «Университетскую» или в «Габриеллу», оставляя за собой шлейф несчитанных, неизвестно откуда появившихся и неизвестно куда исчезающих купюр.

Впрочем, Володя думает, что почти знает куда. По отрывкам многозначительных разговоров между постоянными посетителями он заключил, что львиную долю выручки столичные казино отсылают некому «большому начальнику», который, собственно, и является настоящим хозяином всех московских рулеток и всех столов «Блэк Джека». И сидит этот «начальник» не то в мэрии, не то в «Белом доме», не то поменял недавно цэковский кабинет на персональную госдачу... В общем, человек известный, но глубоко законспирированный. Быть может, Володя ошибается. Что с него взять — ломовая лошадка, чернорабочий. Разве подпустят его к тайнам большой игры...

Работа в казино Володе давно уже разонравилась. Понял — это его «не греет». Но как уйти? Пять тысяч в месяц — это пять тысяч в месяц. Без квалификации (умение крутить рулетку — не в счет) такие деньги разве на Колыме заработаешь. Но Володя любит тепло. И еще надеется на заветную «руку», мечтает в скором времени стать менеджером, а через год-два купить квартиру в кирпичном доме. Переквалифицируется — будет знать про свое дело намного больше, но тогда уж точно ничего не расскажет.

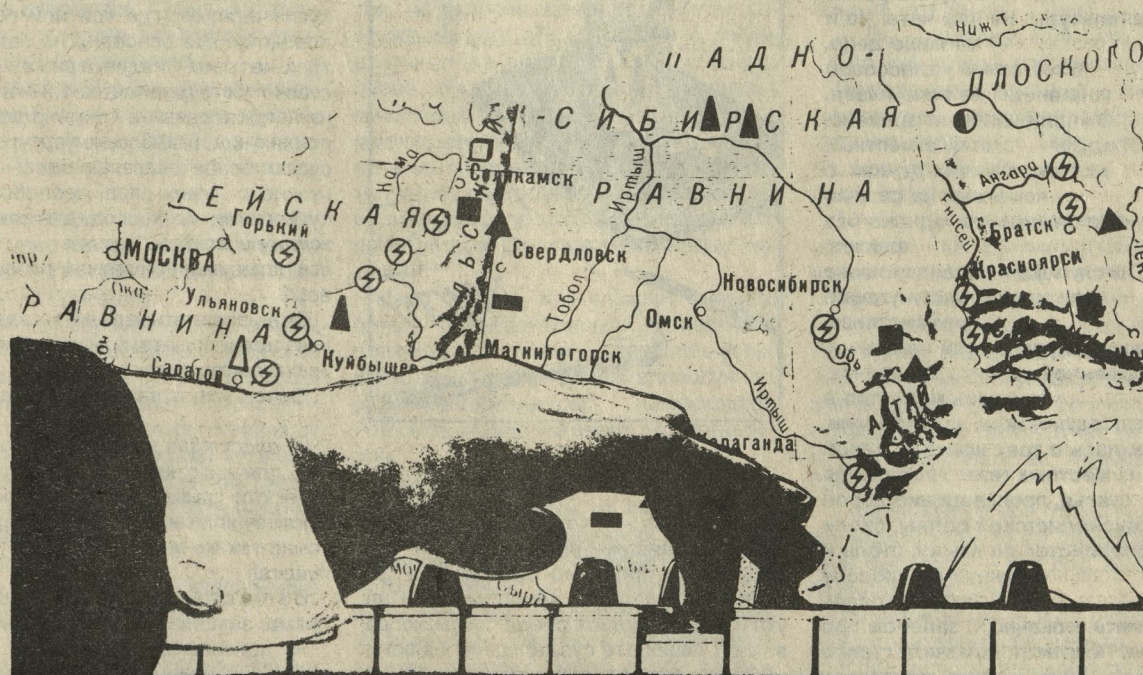
А вот если продвинуться не удастся или если просто разругается с начальством, он знает, что делает. О, это будет действительно красиво! Возьмет троих ребят для поддержки и — вперед. За ночь компания успеет объехать пять-шесть игорных домов. И в каждом Володя обыграет, сколько сможет. Двадцать тысяч в каждой «точке» он гарантирует. Он уверен, что сумеет обыграть любого, даже самого ушлого крупье. Важно: а) иметь начальный капитал — тысяч двадцать-тридцать; б) не «зарываться»; в) не сомневаться в успехе; г) знать тонкости игры в рулетку. Володя знает. Ведь он — профессионал. А что еще нужно в бизнесе, кроме этого? Разве что — чуть-чуть удачи.

В этот свой вояж (если, конечно, он состоится), с перспективой один раз, но шикарно «оторваться» в ресторане «Пекин», Володя приглашает и меня. Знаете, я согласился. Азарт...

АКЦИОНЕРНОЕ
ОБЩЕСТВО
"РЕСПУБЛИКА"

БРОКЕРСКАЯ ФИРМА

ГАММА УСЛУГ,
МАСШТАБ СДЕЛОК,
ВЫСОКИЙ ПРОФЕССИОНАЛИЗМ —
И ВСЕ ЭТО ЗДЕСЬ!

103755 ГСП, Москва К-31, б. Кисельный пер., 13/15
Тел. 924 11 61, FAX 928 28 76

Владимир ГЛОТОВ

ФИЗИОНОМИЯ «ВЕЧНОГО ПЛУТА»

Странное чувство преследует меня последнее время. Это тоскливое чувство обманутости. ...Через овраг, не сразу замеченные, стали возникать дачки владимирской номенклатуры. Не нам чета! Но и — не наше дело. Этой самой «классовой ненависти» не испытывал. Отошли наивные времена. И вдруг — статьи в местных газетах. Об этих дачках, с намеками на разные обстоятельства, однако без фактов. Потом пошли телевизионные передачи. Страсти упорно разжигались. Наконец, в русле этой кампании, призванной уверить население, что жизнь меняется в демократическом направлении, появилась в трех номерах одной из местных газет глобальная статья, произведение новой журналистской волны, сколь развесистое по языку, столь и странное по способу аргументации. Опять, конечно, с запевом про дачи. Подтекст: номенклатурное гнездо свили мерзавцы, облюбовав прелестное местечко в центре принадлежащей нам России. А кто им землю русскую выделил? Вот тут и был гениальный ход. Оттого и статья-то называлась — «Хозяин»!

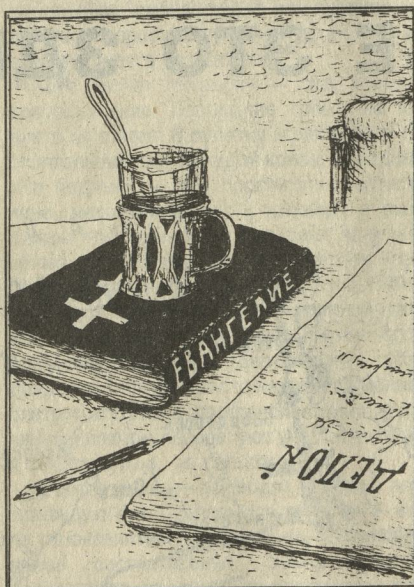
Выделяет землю, вообще говоря, сельсовет. Но сперва ее должен отдать директор совхоза, председатель колхоза, тот руководитель, в чьем хозяйственном обороте земля.

Я тоже, когда бродил в поисках пустыря под дом, тот кабинет не миновал.

— Кротов! — представился руководитель.

На вид подшестьдесят, на самом деле уже за ту черту.

Суховат, подтянут. При галстукке — что всегда как-то нелепо на загорелой мужицкой шее.

Улавливаю — четок, распорядителен. С входящими-выходящими — по деревенски прост, но без хамства. За десять—пятнадцать минут многого не ухватишь, но судьба свела потом, когда взялся защищать суздальские храмы и музеи от последнего в истории КПСС местного «реформатора», секретаря райкома.

Кротов мне тогда поведал, как надоела и ему, хозяйственнику, эта партийная мелкотравчатая знать. С ее амбициями, дилетантским руководством, пропагандистскими затеями. И хотя сам он — наубежденный комму-

нист-ленинец и слово «демократы» произносит исключительно в кавычках, но от прежнего партаппарата лиха вынес немало.

Мы познакомились. Тем более и сам он то село облюбовал.

Он любил заглянуть к нам, покалякать десяток минут с «писателями».

В начале прошлого лета завернул на «уазике».

— Читали? — спросил.

Мы помялись. Конечно, читали. Разделал Кротова некто Григорий Белов.

И по газете выходило, что директор Владимирской государственной сельскохозяйственной опытной станции — самодур самодуром. Науку зажимает, видных ученых низводит, как средневековый сатрап. Да еще очковтиратель, с урожайностью мухлеж. И пошла-поехала: над уборщицей, матерью двоих детей, измывается, ни с кем не считается, руку запускает в государственный карман, а кроме того — браконьер.

Написал статью, между прочим, популярный в тот год журналист на Владимирщине — депутат облсовета, представитель демократического обновления жизни. Худощавый мальчик лет двадцати пяти, выпускник Московского университета.

Когда я с ним встретился, я, как коллега коллегу, спросил его: как же так — такую «чернуху», где все или почти все ложь, где все основано на заявлениях трех-четырех недовольных «начальством» сотрудников, хотя эти заявления проверены и перепроверены и признаны ОБХСС, прокуратурой, даже судом безосновательными, — как же можно с чужих слов, пренебрегая документами и не поведая виновника журналистского куража — Кротова, выносить ему на газетной полосе приговор?

Ведь поведаться с ним — элементарное правило: этому и на факультете журналистики учат!

Белов мне ответил: «Некогда было!»

И, рассуждая на эту профессиональную для нас с ним тему, пояснил: объективности ради, никто не отказывает Кротову или тем, кто его поддерживает, точно так же выступить в газете. Пожалуйста!

В этом суть, с его точки зрения, плюрализма, завоевания демократии!

Я, признаюсь, остолбенел. Получалось: кто первым успел насмерть оглоушить дубиной, тот и прав. А если очухался — тогда твой удар. Дуэль, состязание.

Так вот, рассказал Кротов про то, как его разделал Белов, постояли мы с соседом, драматургом, помолчали. Неловко было. Неловко — не реагировать.

Кротов уехал.

Непробиваемый мужик! В Ленина верит свято. В заклипания Маркса насчет губительности частной собственности. Мы с ним вели идейные споры, одна-коспоры — спорами, а дело — делом. По статье же выходило — Кротов элементарный прохвост!

И, чтобы оставаться на плаву, собрал, в качестве дачников, нужных ему людей: цвет владимирской номенклатуры.

Через пару дней я приехал к Кротову, спросил: есть ли какие-нибудь документы, опровергающие беловскую писанину?

Он ответил: есть.

Я забрал домой, изучать.

Тем временем въедливый мужик-ленинец решил демократу Белову Грише, учитывая молодость его лет, по-отечески наказать.

Для начала — иск в суд, к газете. Пишете: наука в загоне? Вот показатели по годам: когда пришел, направляли в науку полтора десятка тысяч, теперь — триста! Хозяйство в упадке? Вот урожайность, надои. Говорите: техничку несправедливо уволил? А не хотите ли решение на этот счет суда? Говорите: браконьер? Извольте — характеристика на заслуженного охотника! Хапуга? Вот справка: не брал у себя в хозяйстве ни кубометра. Купил на стороне кругляк и ручками, вот этими ручками, с сыновьями, распиливал...

Посмотрела редакция, поупиралась, но против решения суда — об оскорблении чести и достоинства — не поупираешься. Принесла публично извинения.

Однако мужичок закусил удила. Теперь ему надо было Гришу заставить извиниться. Но тот из газеты ушел. Кротов — иск на Григория!

Григорий же, образно говоря, в бега. Полгода в суд не идет, скрывается, ссылается на семейные обстоятельства или просит из одного района перевести дело в другой. И так, петляя зайцем от преследований волка, дожил он, в загнанном состоянии и постоянной тревоге, до осени, когда вдруг неожиданно получил поддержку.

Да от кого!

От «ока государева» — всесильного представителя президента!

Почему же?

Я думаю, потому, что совпали две вещи: стихийный журналистский кураж Белова — потрепать нервы бывшей номенклатуре и на этом сделать свой бизнес и — политика новой демократической власти, как ее понимает каждый конкретный президентский наместник.

С чего бы вдруг Николай Егоров, наз-

наченный Ельциным во Владимирскую область, у которого в ту пору был, среди прочих наместников, неопороченный наивысший рейтинг, — с чего он, делая первые свои шаги, буквально кинулся на Кротова?

Личная ли тут неприязнь?

Или сказалась чья-то наводка?

Или нужен был пример для устрашения и выбор пал на верного ленинца?

А может, и правда — было так, как сам он мне рассказал: пришли к нему ходочки, ученые с той самой кротовской опытной станции, кандидаты наук. Те, которые и до него, в эти же кабинеты, только тогда еще партийные, приходили с жалобами. Принесли бумаги, копии тех бумаг, которые разносили и по партийным кабинетам. Пришли жаловаться — довел их до ручки Кротов, заставляет заключать с колхозами договора, отказывается бездумно кидать деньги «на науку».

«Око государево» их выслушал.

Горячий человек Егоров, человек, надо сказать, решительный (за чей счет?), испытывающий, как мне показалось, упоение от этой своей решительности, махнул на другой день на местное телевидение. И в прямом эфире, поговорив насчет своей веры в Бога и поуповав на Господа, на то, что Он, разумеется, на стороне демократов, стал рассуждать, как обстоят дела с законностью в его губернии, как они безобразно обстоят, раз могут засудить мальчишку за несколько кафельных плиток, не им вовсе украденных, и спускать на тормозах дело о списании сотен тысяч растраты — вот, ученые сигнализируют... И пошло-поехало. Это про Кротова! Со слов «уважаемых людей».

Надо сказать, кто слышал ту яркую речь президентского наместника, поехали. Я и сам — довелось услышать, сидя в том самом злополучном, разрекламированном номенклатурном селе, — ушам не верил, глазам не верил.

И когда потом узнал, какой страх прокатился по области от первых шагов наместника, его публичных заявлений, как восприняли духом стукачи — есть для кого трудиться! — я понял, что мало быть хорошим председателем колхоза, даже и с верой в Бога, поздней верой, в духе времени, мало этого багажа, чтобы представлять Ельцина, не опорочивши его, президента, ни само дело, к которому и я, смертный, имею отношение.

— Давайте демократию не трогать! — вскричал Егоров ревниво, чуть не бросившись на меня с кулаками, когда я пришел к нему за разъяснениями.

Какие, спросил я, в его арсенале аргументы, кроме тех, что и у меня в папке и на которые есть ровно столько же аргументов против? И что-то пролепетал: насчет демократии и устоев государственности.

— Давайте демократию не трогать! — повторил Егоров очень сурово и напомнил, что он — представитель президента и может вообще со мной не разговаривать, а «мальчик», предусмотрительно приглашенный в кабинет, я понял, засвидетельствует все, что нужно, а потребуется, и вышвырнет меня из него.

Кто она ему, демократия, подумал я, жена, наложница?

Кротова же он, с ходу, едва завидев меня, назвал «негодяем».

Видел я на своем веку партийных хамов. Меня прием этот ничуть не удивил. Да и кабинет был прежний — партийного начальника, и сидел в нем человек, прошедший эту школу. Смена вех! Раньше закричал бы: «Вы партию не трожьте!» Теперь — демократию.

А кто перед ним был? Журналист, эту самую демократию, еще и не зачатую, нянчивший в мыслях — тогда, когда он, наместник, еще и не бунтовал в своем колхозе, а вернопопданно пахал-сеял, а потом гарцевал на райкомовской трибуне. И что же он — мне?

— Вы — адвокат Кротова!

Это, как пулю в лоб: расстрелять!

Но мало мне. У меня еще — уже донесли стукачи — оказывается, дача в кротовских владениях. Такой компромат! Ах, мол, столичная шельма, за десять соток продается.

То есть он показал мне, что видит меня насквозь — какая я гниль и какой он, око царя-государя, прозорливый.

Точь-в-точь так же было и при встрече с Гришей Беловым, стройненьким, тоненьким, слабеньким на вид, но таким удаленьким журналистом. Тот же мне довод-вопрос: «А где у вас дача? А почему именно там? А отчего же именно к вам обратился за помощью Кротов?»

Следопыты вы мои глазастые! Все-то вы видите, всех-то вы диверсантов хотите выловить — кто под демократию подкладывает мину!

Поговорили мы — и с Григорием, и с представителем президента. Постоял я, попил пилюли, успокоил сердце, и — по стеночке, по стеночке — битый по морде родной демократической властью (поделом, не защищая номенклатуру!) побрел до хаты.

Шел и думал: неспроста молодой журналист Белов — молодой, да ранний — пришел к адвокату Кротова, настоящему адвокату, не мне чета, и сказал ему:

«Прошу передать Валентину Григорьевичу мое предложение забрать искковое заявление обратно, не то ему будет хуже».

Адвокат, опытный человек, констатировал шантаж, но Григорий шел ва-банк: у него, мол, есть достаточно влиятельные знакомые, которые могут вернуться к пересмотру вопроса о совершении Кротовым неблагоприятных поступков...

То есть документы в моей папке — о разбирательстве в прокуратуре, в суде, решения, вынесенные по поводу жалоб на Кротова, — все это в сторону, как ненужный и лишний хлам. На сцену выступает революционная мораль, революционная «законность»: влиятельные люди! Сигналы с мест! Не зря же такой большой человек, наместник президента, тут же, используя телевидение, доносит до народа правду, ориентирует.

И опять, как бывало столько десятилетий, я — в тупике, в вакууме. В идиотизме российской жизни. Когда власть — это всегда просто своеволие. Даже если называет себя «демократической». И как с ней разговаривать, если она разговаривать с тобой не желает? А не успокоившись, продолжает раскручивать колесо истории, уверовав, что крутить его — именно ее дело: посылает телевизионных «коммандос» для некоей спецзадачи — отснять дачки и на их фоне обиженных пролетариев умственного труда.

И простые советские труженики науки, нуждающиеся, можно сказать: нищие — щекочут нервы обывателю, стоя перед номенклатурными дачными домами. Зачем это тебе? Зачем это демократу-наместнику?

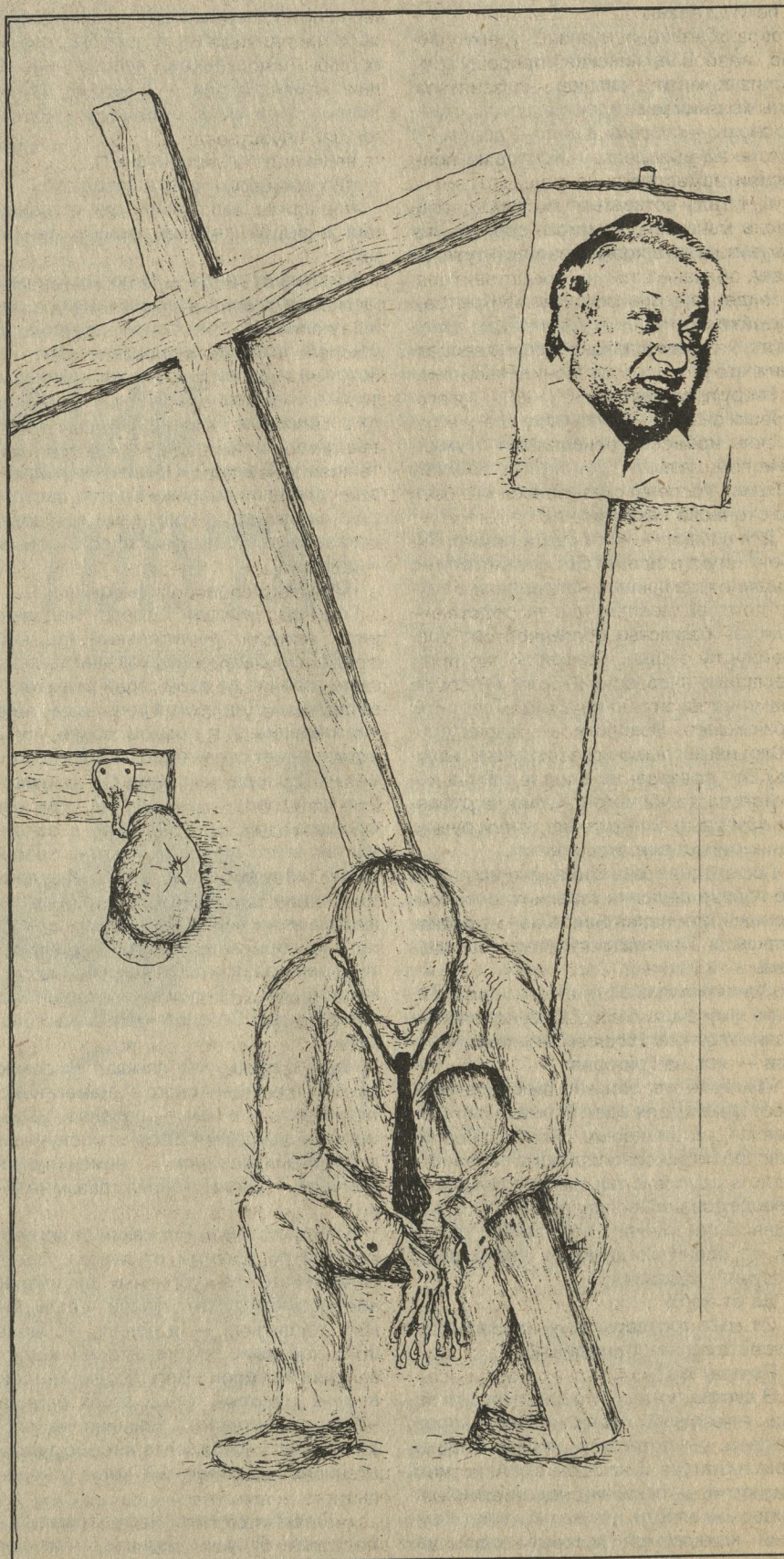
А чтобы обыватель знал, почему ему сегодня плохо. Не потому, что новая власть бестолкова, непрофессиональна, а из-за наследства, которое ей досталось, из-за скверного наследства.

И телекамеры делают свое дело. Голодных и злых от очередей граждан они уводят в «мир теней», где проживают осколки партийной империи и где есть еще чем поживиться и новым «подручным» вроде Гриши Белова и в буквальном смысле есть что экспроприировать.

Люмпенизированное общество легко переключается на «бывших», не сообщая и не желая сообщать, кто водит его за нос сегодня.

Вот и опять, в какой уж раз, на запрос Егорова из прокуратуры ответ: Кротова проверяли, нет оснований привлекать его к ответственности.

Не удовлетворяет ответ. Опять задание: проверяйте лучше!

Рисовал А. Заяц

А мне откровенно: «Я буду на этой неделе у Степанкова, генерального прокурора, я его хорошо знаю, ну, ему сейчас, наверное, некогда, попрошу ребят из Комитета специально заняться этим хозяйством».

Как это приватно звучит: «Ребята!»

Из академии сельхознаук тоже попросили наместника: не мешайте работать. Чуть ли не прямым текстом довели мысль: мы знаем сами, кого держать во главе опытного хозяйства института. И права-обязанности представителя президента тоже, мол, изучили, не завышайте их.

Так нет, не успокаивается. Уверяет меня, что уже дважды звонил Никонову, в ту пору президенту ВАСХНИЛ — «я его хорошо знаю», — чтобы тот все же из Москвы комиссию прислал.

Не понимаю!

То ли уровень сказывается — был предколхоза, секретарем райкома, им и остался. И новые — историей взваленные — задачи просто не по плечу. То ли сама идея ложная — иметь во главе территории единовластного «представителя» — без ясных обязанностей, но с неограниченными правами. «Я не призываю», — говорит Егоров. «Я советую!» — говорит, но с нажимом.

Сплошное «телефонное право»!

Станный, надо сказать, институт создал президент. Вполне большевистского толка. Что он вместе с ним приобретает, а чего теряет с помощью своих малют скуратовых?

И еще одна грань этой истории.

Вот обрушился журналист с такой хорошей фамилией Белов на человека с такой низменной, прямо «подземной» фамилией Кротов. И все как бы самим Его Величеством Случаем расставлено по местам. И роли распределены. И статья названа: «Хозяин». Понятно, не в положительном смысле — отрицательные чувства должно вызывать это слово у читателя. Ишь, мол, хозяин нашелся! Раскомандовался тут, в новой демократической жизни, где больше нет хозяев. Нечего нами руководить-командовать, мы — свободные люди.

Знакомый мотив.

А что, собственно, дурного в том, что Кротов — хозяин?

При старом режиме быть ему хозяином было не просто. Положение было двусмысленным. Большевики не любили хозяев. Руководитель, который серьезно воспринимал себя хозяином дела — получал по рукам, поскольку не должен был забывать, что он — всего лишь «передаточная шестеренка». А истинные хозяева жизни — они, «партийные жрецы».

Но душе-то, кротовской, не прикажешь!

И Кротов, вертя-крутя дело, ежедневно его ворочая с боку на бок, чтобы были миллионные прибыли, и сохраняя их любым способом, хотя бы и с помощью номенклатурной заградительной линии из «дачников», все-таки хозяином себя чувствовал. Он и был им. Иначе не нашел бы миллионов. Продул бы, пустил по ветру.

Или, может, наш воспеваемый народ, пахари-сеятели, те же ученые-кандидаты растили под спудом в себе хозяйскую жилу? Вскармливали ее, она их распирала, а они ее сдерживали?

Да полно!

Более иждивенчески настроенный люд, чем наш, трудно себе вообразить.

Но теперь мы клеймим бывшую номенклатуру — не щадя, не разбирая, не отличая в ней паразита от труженика. Оскорбляем — «хозяева»!

А почему бы и нет — почему не хозяева?

Ведь то были — в недрах пресловутого «развитого социализма» — наши купцы, промышленники, зарождавшиеся представители того общественного строя, который приходит у нас на глазах на смену прежнему. Люди, греховно носившие у себя за пазухой позорное — по Грише Белову — чувство хозяина.

Так и хочется воскликнуть, обращаясь к нему: проснитесь, коллега! Да не они ли сегодня выходят из подполья, на свет?

В столицах им — почет, они уж и в «союз» объединяются, и руки Западужмут, и дело в стране все больше прибирают к рукам. А в провинции все еще правит бал партмышление, каким-то неопикуемым образом перекочевавшее в головы демократов.

И, наконец, вопрос: думал ли Кротов о своих работниках?

Хозяин всегда думает. У каждого желающего — земля под сад-огород. Дома, построенные и строящиеся. Кирпич — при нынешнем-то дефиците — все равно для личных нужд людям доставал. А что находятся недовольные или иуды, чтобы кинуть камень? Так они всегда находятся, ведя род от того Иуды.

А брал ли Кротов, раз уж хозяин, еще и себе?

Вот, например, взял пилу шведскую. Кто-то из дружков, таких же хозяев, позвонил: «У меня пилы есть, но мне у себя неудобно их брать, я на тебя выпишу, а ты мне продай». Хорошо, говорит Кротов. Но что делает? Во-первых, выцеганивает за услугу пилу для своего опытного хозяйства — пригодится. И, разумеется, еще пилу для себя лично, для стройки будущей дачи. Но за личную платит не по оптовой цене, а по рознич-

ной, то есть в два раза дороже, как и положено.

А вы поступили бы иначе? Вы бы скачали — нет, я не такой и в такие игры не играю? Или, может, в хозяйство взяли бы, а себе — боже упаси?

Но следопыту, с пионерских времен возвращенному в бдительности, неведом здравый смысл. Следопыт выдал нагора информацию. И получалось, что директор — просто рвач, хапнул пилу с государственного двора, да еще не доплатил «почти тыщу».

И ахинея эта пошла гулять по разным адресам. Как козырь в расплату за то, что директор прищемляет следопыту хвост — так, может, прищемляет за дело?

Гуляла и везде получала «отлуп», но появилась демократическая — то есть новая, свежая — власть, и следопыт на стол ей то, что насобирал, что уже и протухло.

И что же власть?

Дала по рукам?

Нет. Решила воспользоваться.

Значит, стоп, господа! Приехали... и да здравствует неობольшеви́зм!

И «верный ленинец Кротов» теперь страдает от «христианина и демократа Егорова».

Почему?

А потому что Кротов-хозяин господину комиссару не нужен. Ибо если Кротов и далее сохранится как хозяин, то незачем будет и сам господин комиссар.

...Вот такой провинциальный сюжет.

Оттого и чувство обманутости, не покидающее меня.

Опять передо мной в очередной раз замаячила физиономия плута. И опять комиссарят!

Эти подмены, перевертыши — примета времени. Душа не принимает новых «красных», таких же не симпатичных, как те, что были семь десятилетий назад.

А ум бесстрастно фиксирует: вот опять юный полководец Гайдар хладнокровно проводит эксперимент над отечеством. И «комиссары» в провинции «рубят» шашкой головы на скаку.

Любая исправительная система, саморазвиваясь, ищет методы, с помощью которых можно получать информацию о скрытых процессах в уголовной среде и в конечном итоге управлять большими контингентами заключенных. Для 30—50-х годов вывести что-либо у обвиняемого или осужденного человека проще всего было при помощи примитивного насилия — обстановка в стране способствовала этому. В период «оттепели» 50-х смягчилась и система исправительная. Это привело к расширению в использовании другого метода получения информации — в камеру подсаживалась «утка», которая и добывала нужные сведения. Однако метод долго не проработал. «Уток» в скором времени стали узнавать в лицо. Тогда на смену пришел новый метод. В тюрьмах и колониях появились так называемые «пресс-камеры», управляемые оперативными службами: когда к нескольким крепким заключенным, сотрудничавшим с администрацией, подсаживали человека, которого необходимо было либо сломать, либо что-то у него выведать, — и эти несколько человек при помощи кулака и ног, а подчас и изнасилования, делали свое дело. Однако, по утверждениям экспертов, эта система оказалась невыгодна: в каждом исправительном учреждении приходилось содержать большое количество работающих на администрацию осужденных, а это, во-первых, лишние расходы на послабления и льготы, а во-вторых, где найти столько согласного на такое «сотрудничество» народу? И исправительный механизм выработал нечто уникальное. Так называемую систему «Белых Лебедей». Тюрьму в тюрьме. Единую «пресс-камеру» для всех лесных зон России... Что это такое, рассказывает руководитель общественного центра содействия гуманизации пенитенциарной системы, бывший диссидент ВАЛЕРИЙ АБРАМКИН.

БЕЛАЯ ПТИЦА, РОЖДАЮЩАЯ ЗВЕРЯ

Фото В.Вяткина

— Первая тюрьма подобного рода появилась в 1980 году в Соликамске на базе одного из транспортно-пересыльных пунктов.

Такие пункты есть при всех лесных управлениях по исправительным делам — сюда прибывают все этапы: как извне, то есть сразу после приговора суда, так и из других зон для отправки еще куда-то.

При соликамской «пересылке» за счет расширения тюрьмы создали единое помещение камерного типа (ПКТ). Так в одной тюрьме стало два блока: в одной половине — транспортно-пересыльный пункт, в другой — единое ПКТ для злостных нарушителей режима содержания. Отличаются эти половины друг от друга и сроком пребывания, и режимом содержания.

Правда, наш центр имеет сведения, что режимы содержания зачастую «смешиваются».

Из показаний осужденного А., прошедшего «Белый Лебедь» транзитом:

«50 минут, пока шел шмон, стояли на морозе. Отобрали все: кружки, ложки, нижнее белье, мыло, зубную пасту... В камерах — грязь, клопы, вши. Пайка урезается, сахар не выдается. Работа в ночь: от восьми вечера до девяти утра, мороз около тридцати градусов. В нарушение всех законов транзитников заставляют работать по двенадцать — шестнадцать часов в день, за изнурительный труд не платят ни гроша. Таким образом перевыполняется план...»

— Может ли администрация запросто перебросить осужденного из одной части тюрьмы (пересыльной) в другую (исправительную)?

— Да, сначала ему могут дать штрафной изолятор, а потом отправить в единое ПКТ.

— Чем официально обосновало

руководство ГУИДа создание «Белого Лебеда»?

— Необходимостью бороться с преступным миром — с ворами в законе. То есть официально это был профилактический центр для работы с заключенными, как говорится, из числа отрицательно настроенных.

Из показаний осужденного Б., прошедшего «Белый Лебедь»:

«... Бить могли раз десять на день, могли и ночью. Били просто так, ни за что, когда было за что, вообще забивали... Из людей делали послушное стадо. Работа грязная и тяжелая, делать ее надо было бегом, а иначе — получишь палкой по хребту... Зимой выгоняли в прогулочный дворик в одних трусах. Бывало и замерзали насмерть. Долгие нечеловеческие крики, от которых и мурашки, и волосы дыбом, слышать приходилось довольно часто...»

Из показаний осужденного В.:

«... Там существовала система пыток, от которой люди мерли как мухи. Жестоко избивали, морозили — на холоде обливая водой, вешали на петлю, морили голодом, подвергали самым жестоким издевательствам. Многие не выдерживали пыток и кончали жизнь самоубийством...»

— Вы сами были в соликамском «Белом Лебеде»?

— Да. Мне довелось побывать там дважды: в 1989 и 1991 годах. И я понял, что GUIDовцы лукавят, утверждая, что в «Белом Лебеде» только «воры в законе» и «авторитеты». Через тюрьму пропускаются самые разные контингенты заключенных. Только за восемь лет существования «Лебеда» через него прошло по меньшей мере 40 тысяч человек. Вместе с тем, по данным МВД, воров в законе на всей территории бывшей единой страны около 500 человек. По официальным же данным, в соликамском «профилактории» было за прошлые годы «развенчано» 119 воров в законе и приближенных к ним. Кто же остальные 39 с лишним тысяч?

Система «Белого Лебеда» работает на страхе: проходящие через нее осужденные «разлетаются» затем по всем колониям России. В массы осужденных идет информация об этом заведении. У заключенного возникает страх перед тем, что он может туда попасть. Таким образом, исправительной системе легче не исправлять заключенных, а управлять ими.

— Какие методы используются в «Белом Лебеде» для управления и слома личности?

— Как правило, это истязание. Или угроза понизить неформальный статус осужденного: был «мужиком», стал «опущенным».

Из показаний осужденного Г.:

«Работали по 16 часов в сутки, в обед давали миску баланды на троих. И

постоянно били. Били за то, что медленно бегаешь, за то, что закурил, не так посмотрел, за то, что здоров, за то, что хил, и просто так, чтобы бить... Забывали до потери сознания, ломали кости, отшибали не только жизненно важные органы, но и память, и желание жить...»

— Кто истязает осужденных?

— Как правило, этим занимаются те заключенные, которые имеют особое доверие администрации, — хозобслуга «Белого Лебеда». По крайней мере так в Соликамске.

Люди, которые дают начальству такое согласие, не имеют никаких моральных принципов и норм. Такой человек за буханку хлеба готов убить свою мать — в нем нет ничего святого. В то же время физически это сильный человек. А психологически он способен подавлять других, возможно даже, испытывает тягу к садизму и получает удовольствие от того, чем занимается.

— Видимо, эти люди тоже в свое время были «сломаны»?

— Обычно так и бывает. Сначала какую-то группу людей «ломают», а потом из этой группы подбирают тех, кто готов выполнять любые приказания администрации.

Из показаний осужденного Д.:

«Почти ни один молодой симпатичный парнишка из тех, кто проезжает «Белый Лебедь», не проскочит через этих зверей из obsługi. Выбирают они себе кого-нибудь в жертву и закрывают в одиночную камеру. Начинают ему создавать ломку, в неделю раз или два дают покушать, закурить, а сами тем временем уговаривают его, чтоб поддался. И конец — один, он, бедный, уже от бессилия сам отдается, и все — тихо, мирно. Вот так эту молодежь в расцвете лет готовят к свободе. Сам я слышал, как начальник «Белого Лебеда» говорил хозобслуге: бейте так, чтобы умер не здесь, а в больнице...»

— Кто руководит соликамским «Белым Лебедем»?

— До недавнего времени соликамское Управление возглавлял генерал-майор внутренней службы Сныцеров, который и являлся автором «лебединого проекта». У нас есть сведения, что многочисленными истязаниями он руководил лично. При нем происходили избивания, обливания людей на морозе водой. Когда приходило «новое пополнение», генерал любил использовать свою коронную фразу: «Помыть, побрить и отъе...». По его приказу людей и «опускали».

Сейчас генерала отправили на пенсию. Но наша цель — добиться расследования всех преступлений, совершенных в этом «профилактории» должностными лицами, в том числе и Сныцеровым.

— Что-нибудь изменилось после**«смены караула»?**

— Последние интервью у обитателей «Белого Лебеда» мы брали в октябре 1991 года. Люди рассказывали нам, что положение несколько изменилось: не стало таких зверских избиваний, прекратили поливать на морозе водой, не так часто насилуют заключенных.

— Сколько же таких «Лебедей» разбросано по стране?

— Лесные управления находятся в России, поэтому и «Лебеде» «летают» только в России. По тем данным, которые я получил в прокуратуре, таких заведений восемь. В Решетах (Красноярский край), в Ивделе (теперь уже Екатеринбургская область), Ерцево (Архангельская область), в республике Коми, в других местах.

— Ваша конечная цель — упразднение всех «Белых Лебедей»?

— Мы боремся за то, чтобы в исправительной системе вообще не использовались латентные (скрытые от общественных глаз) способы управления людьми. И я убежден, что такие пыточные тюрьмы надо закрывать немедленно.

Если начинать реформы, то «трогать» надо всю систему. Наша концепция реформы построена на том, чтобы провести децентрализацию ГУЛАГа и создать учреждения местного типа, подчиненные местной же власти, выведенные из-под власти МВД. Люди будут отбывать наказания недалеко от дома — в тех местах, где они родились, и в том климате, к которому привыкли. Это особенно важно для подростков и женщин, имеющих детей.

Те нормы, которые мы предлагаем ввести, предусматривают новые способы контроля. Во-первых, это судебный надзор за местами лишения свободы. Во-вторых, создание института инспекторов, которые имели бы право беспрепятственного доступа в исправительные учреждения, право бесед с заключенными наедине и право доступа к любым материалам.

Из показаний осужденного Е.:

«Рано или поздно вы поймете, что методы «воспитания» на «Белом Лебеде» приводят к самым невероятным, изощренным и страшным по жестокости и дерзости преступлениям. Через «Лебедь» прошли тысячи людей, вышли тысячи озлобленных, затаившихся зверей. Попав в руки к таким стратегам, как генерал Сныцеров, и «воспитатели», и «воспитуемые» становятся зверями, каковым я и себя считаю после «Белого Лебеда»...»

Владимир БУЕВ

Игорь МИХАЙЛОВ

ТРАГЕДИЯ ПРЕДАННЫХ

На снимке:
Носир Рустамов —
такими татуировками
приговорили его к
смерти
за побеги из плена
моджахеды

Их было трое седых, много повидавших на своем веку стариков. Из троих освобожденных пленных домой вернулся только один... Незнакомые ранее между собой, они встретились в прилетевшем из Москвы в Ташкент самолете, который из узбекской столицы взял курс на Исламабад. Объединили их и беда и радость одновременно. Радость оттого, что считавшиеся убитыми и пропавшими без вести в афганской войне их сыновья оказались живы. А беда потому, что

долгие годы находились они в плену у моджахедов, и кто знает, что пришлось пережить им в той тяжелой, несправедливой войне, на которой столько людей сложило головы. Но радости, конечно, было больше. Б.Раббани, один из лидеров афганских моджахедов, как это ранее было обусловлено во время недавних переговоров с вице-президентом России А.В.Руцким, освободил их сыновей, солдат бывшей СА, граждан Узбекистана.

— ...Я понимаю по-русски, но никогда

не хочу говорить по-русски. Хочу ислам, хочу фарси, араби...

Такой тирадой приветствовал нас Касим Эрматов на пресс-конференции в пакистанском МИДе. Демонстративно держа в руках японский двухкассетник, подчеркивая всем видом, что ему здесь хорошо живется, он, как зомби, повторял и повторял эту фразу.

Эрматов служил водителем грузовика. Их было 18 человек, принявших бой с моджахедами, 17 погибли, а он попал в плен.

— Я учился исламу и с именем аллаха вел борьбу с коммунистами, с русскими. Меня привезли в Афганистан убивать своих братьев-мусульман, но я не хотел их смерти. Не хочу возвращаться на Родину, я буду бороться вместе с моджахедами. Аллах превыше всего, — заявил он.

Глядя на растерянное лицо его отца, было горько смотреть на сына. Измученный ожиданиями, отец Эрматова уже однажды похоронил своего Касима, когда в село доставили цинковый гроб. Кто знает, чьи останки покоятся на кладбище вблизи их села?

Долгие месяцы отделяли отца от встречи с сыном. Он считал каждый день, но здесь, в далеком Исламабаде, пришлось ему пережить новую боль. И, украдкой вытирая слезы, он молил аллаха, чтобы вернулся его Касим домой.

А ночью сердечная судорога свела сердце Абдукаримова — его сын Рустам также решил остаться служить исламу на стороне моджахедов.

Единственным человеком, который рад был такому исходу, оказался, пожалуй, профессор Б.Раббани. Внешне интеллигентный, с приятной улыбкой и мягким голосом, лидер моджахедов тщательно готовил свой план: он заявляет об освобождении пленных, но они, уверовав в идеи ислама и правоту моджахедов, отказываются от возвращения на родину...

Но сценарий этого иезуитского замысла разрушил третий военнопленный, Носир Рустамов. На встрече с журналистами его заявление о желании вернуться с отцом домой прозвучало неожиданно для лидеров моджахедов.

Числившийся в списке пропавших без вести под номером 231, Носир вновь родился для своего отца. Мать не дождала до этого счастливого дня, и остались на свете два самых близких человека: отец и сын.

За день до отлета на родину в гостинице он рассказал мне о своих испытаниях. На вопрос, что было самым тяжелым в плену, он помолчал и невесело сказал:

— Самое страшное и тяжелое было, когда взяли в плен. Невыносимы были издевательства моджахедов, то, как накануне заставляли отказываться от возвращения домой.

Служил он гранатометчиком в Кабуле. В плен попал случайно. Кто знает, как сложилась бы его судьба, если бы не та злосчастная сигарета с анашой, которую ему подсунил кто-то из доброхотов его роты? А далее — отравление, и услужливый афганский солдат, пообещавший помочь и приведший в дом, где вместо обещанных лекарств его встретили моджахеда, приставив к виску пистолет и приказав молчать.

Так начался его плен, длившийся более шести лет. Четыре из них провел он в тюрьмах. А тюрьма у моджахедов — это зачастую лишь глубокая яма, холодная до пронизывающих колик зимой и нестерпимо душная летом.

Дважды Носир пытался бежать из плена, дважды его ловили, нещадно били, но в живых оставляли. Приказ Раббани был не убивать, учить исламу, чтобы после победы моджахедов в Афганистане Носир, вернувшись на родину, уже как правоверный мусульманин, продолжил борьбу за идеи ислама в Узбекистане.

От побегов у Носира осталась не только горечь воспоминаний, но и специальные татуировки на руках и груди, которыми моджахеда удостоивали каждого, кто пытался бежать. Это своего рода смертные приговоры, выведенные на человеческом теле: каждый, кто находил беглеца с такими отметками, должен был или убить его, или привезти в отряд моджахедов. У Рустамова было два таких приговора...

За побег заковывали Носира в кандалы, надевали на руки специальные наручники, в которых можно было есть и читать коран. Еду подавали скудную, если не очень прилежно заучивал мусульманские истины, лишали и ее.

На мой вопрос, что помогло ему выдержать испытания в тюрьме, он, неожиданно улыбнувшись, сказал:

— Когда было очень тяжело, я пел песни. Пел по-узбекски, по-русски. Вспоминал родной дом, отца, мать. У меня не было любимой девушки, но были любимые песни. И когда охранники кричали, чтобы я замолчал, я вновь начинал вслух заучивать суры из корана. Иначе могли донести командиру.

Спрашиваю Носира, почему решили остаться у моджахедов Эрматов и Абдукаримов?

— Они не видели тех страданий, которые пришлось пережить мне, — сказал он. — Их не заковывали в цепи, не били, они не знали, что такое сидеть одному в яме... По-узбекски мы говорим про таких, что они дети баев. Им было хорошо, и они стремились помогать моджахедам. Чтобы они не вернулись на Родину, моджахеда пообещали им много денег, женщин, но думаю, что Раббани в результате и их обманет. Мне тоже пришлось ему говорить, что я не хочу возвращаться домой. Иначе он никогда бы меня не отпустил. Раббани неоднократно выяснял, хочу я вернуться или нет, подсылал специально своих людей, говорил, что мои родители уже приехали, и ждал моей реакции. Но я сумел дождаться своего часа и сейчас уже никого не боюсь.

Переговоры в Исламабаде, которые вела объединенная делегация России и Узбекистана во главе с Ионой Андроновым, заместителем председателя Комитета Верховного Совета РФ по международным делам, были сложными. Делегация моджахедов во главе с Б.Раббани выдвинула ряд претензий. В частности, по их данным, нарушая договоренности, страны СНГ якобы продолжают поставки оружия Кабулу. Но Виктор Павлович, член делегации, представитель Генерального штаба ВС СНГ, конкретными фактами сумел доказать, что 15 декабря 1991 года поставки вооружения правительству Афганистана были полностью прекращены.

Уединиться и взять интервью у профессора Б.Раббани в пакистанском МИДе оказалось непросто. Однако на беседу с московским журналистом он согласился охотно. Отвечая на вопрос о возможности достижения мира на афганской земле, Б.Раббани заявил:

— Кровопролитие между афганцами мы рассматриваем как прямое следствие вооруженной агрессии бывшего Советского Союза против нашей родины. Мы убеждены, что, пока в Афганистане сохраняется власть, поддерживаемая советскими танками, мира в стране не будет. Чтобы разблокировать создавшуюся ситуацию, необходимо передать власть исламскому переходному правительству.

Глава делегации моджахедов особо отметил, что они выступают за переговоры с единой делегацией СНГ. Это необходимо для обсуждения вопросов ответственности за ущерб, нанесенный войной Афганистану. Говоря об отношениях со странами СНГ, Б.Раббани заявил: «Важнейшим делом для нас является развитие отношений с Узбекистаном, Таджикистаном, Кыргызстаном, Казахстаном и Азербайджаном».

Прощаясь, я спросил Б.Раббани, можно ли надеяться, что следующий освобожденный пленный будет из России. Утвердительно кивнув головой, он по-английски подтвердил: следующий будет русский.

...Когда наш самолет взлетел и взял курс на Ташкент, Носир, повернувшись ко мне, улыбнулся и, махнув рукой, крикнул: «Домой!»

Москва—Ташкент—Исламабад—
Ташкент—Москва

НИЩЕ ТЕЛОМ

«Московские красавицы»
Фирма «Подмосковье»,
реж. Н.Ардашников

Сюжет фильма прост, как «Правда». Очередная вариация на тему блеска и нищеты куртизанок, то бишь, прошу прощения, московских красавиц — участниц конкурса красоты. Нищета, естественно, здесь, а блеск, естественно, там, за бугром, где конкурсантки вынуждены приторговывать своим единственным достоянием — телом. Кстати, о конкурсантках и теле. Бог с ним, что на презентации в киноконцертном зале «Россия» барышни двигались с грацией роботов из «Звездных войн». В конце концов даже поголовное пристрастие к Бельмондо, борщу и Джеку Лондону («Они еще и читают?» — искренне удивился ведущий) — факт их личной биографии (к тому же, как метко заметила в фильме одна из героинь: «Ведь у вас здесь конкурс красоты, а не ума»). Но вот тело, тело, тело! Картошка и колбаса — эти основные продукты питания развитого социализма — наложили свой неизгладимый отпечаток на фигуры не только старшего поколения... Ну а о самом фильме? Тут вот какая штука. Вкус — он либо есть, либо его не купишь даже на конвертируемую валюту и не займешь у иностранных спонсоров. И хотя Марк Рудинштейн — глава «Подмосковья» и продюсер фильма — считает, что снял очень коммерческое кино, боюсь, он сильно заблуждается. Ибо если это — коммерческая продукция, то вполне понятно, почему киоски забиты импортными, а не нашими товарами, а в видеосалонах крутят американскую «Красивую женщину», а отнюдь не «Московских красавиц».

Петр СМЕРНОВ

ГЛЮК — ВНЕ ПОДОЗРЕНИЙ

«Орфей и Эвридика»
К.В.Глюка
Альбом Продюсерского
центра Единой
евангелическо-лютеранской
церкви России

О пластинках с подозрительным копирайтом Продюсерского центра из СПб ходят слухи и даже сами по себе возникают подозрения, что крестик духовности с якорем надежды освящают что-то сильно коммерческое и, возможно, не сильно правовое. Но правомочность копирайта — вопрос, как говорится, к компетентным органам. А вот вопрос к фирме «Мелодия», в чьем магазине с мелодичным названием и продаются эти пластинки: почему в условиях рынка «Мелодия» никому не желает составить конкуренции, чтобы совершенно уже деклассифицированные ценители классической музыки получали не только объедки со стола рок-фанов? Кстати, говорят, что «общество креста и полуаккорда» организовано одним из деятелей рок-движения. Если это так, то у него отличный вкус и неплохая производственная база: опера Глюка, почти не звучавшая в нашей стране, но до боли знакомая даже малым детям по изумительной грустной мелодии из второго действия, записана весьма качественно и с редким составом исполнителей.

И.Л.

СЕКСОТЕРАПИЯ И КЛЯКСОГРАФИЯ

«Групповая терапия»
Выставка на Малой
Грузинской, 28

Описать эту стегуну выставку так же трудно, как было сложно устроителям,

Одно из лекарств
«Групповой терапии»

собрав в афише все пришедшие в голову «феньки», согласовать их в осмысленный текст. Отталкиваясь от этих афишных обещаний, можно сказать вот что. «Не для всех» — это правда. Случайно забредшие «все» выразили свое отношение в книге отзывов сравнительными степенями слова «дерьмо» и его синонимов. «Черно-белое» — не совсем. Есть и цветное, хотя зал компьютерной графики действительно выдержан в этих двух классических цветах. «Незавершенный процесс» — без сомнения. Ведь этот хаос должен был бы завершиться полным распадом, а пока картинки еще аккуратненько висят по стенам, объекты громоздятся на полу и свисают с потолка. «Дико озираюсь» — самое точное определение, комментарии не требуют. Закончив озираюсь, можно вычленил нечто общее, объединяющее художников. Это же подтверждают акции,

прошедшие в дни работы выставки: «Порнография как (несобственная) граница станковых форм», «Зачем рисовать голых дамочек?», «Зрительно и наощупь НЮ», «Akt-fact», «Теоретическая и прикладная кляксография». Очень озабочены ребята на Грузинке проблемами секса — то «Обнаженная на все времена», то вот «Групповая терапия», в которой основным лекарством, очевидно, должна стать «Минетная». Ее проект, задуманный как смысловой центр экспозиции, возвышается посреди главного зала. Но даже здесь не додумали: СПИД не дремлет, а оральный секс с презервативом — это не серьезно.

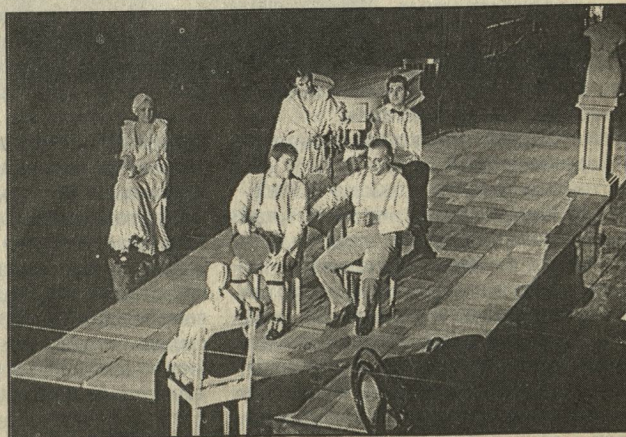
Марина КАМИНАРСКАЯ

НА ГРАФСКИХ РАЗВАЛИНАХ

«Красивая жизнь»
МХАТ им. А.П.Чехова,
реж. В.Ланской

Обещали «красивую жизнь» и в очередной раз обманули. На Новой сцене «чеховского» МХАТа — тюремный двор, затем — камера. Впрочем, комиссар не в кожанке, а, напротив, в треуголке и ботфортах, с накрашенными плотоядными глазами. Ну что ж, и это не ново. Недавно по ТВ рассказывали: матрос Железняк был кокаинистом. Правды ради скажем, что, приготовившись к «жестокому театру», зритель все же получает возможность развлечься

Сцена из спектакля
«Красивая жизнь»
Фото И.Кравченко

Дневник И.

сюжетом: семью графа Валенсей не расстреливают на месте, а заставляют играть роли экспонатов в Музее Народа. Они красиво едят, пьют хорошее вино, курят дорогие сигары и «разлагаются» за веревочкой, отделяющей их от зрителей (в данном случае не от нас с вами, а от победившего пролетариата). Директор Музея — бывший дворецкий Альберт — сперва откровенно измывается над прежними хозяевами, но потом смекает, что революцию сделали зазя: раньше было лучше. Мы, конечно, не жили раньше и от победившего пролетариата мало чем отличаемся, не только в зале, но и на сцене — там ведь не аристократы никакие, а обычные наши советские актеры, которые добросовестно стараются графскую жизнь нам изобразить. Чтобы быть честной до конца, скажу: сама пьеса Ж.Ануйя (на самом деле, телесценарий) мне тоже не понравилась. Кое-что придумав в начале и середине, знаменитый французский драматург свел всю историю к чистой и светлой любви графского сына к бывшей исполнительнице стриптиза, что вроде бы должно слегка оправдывать классовую борьбу, но ни в чем не убеждает.

Екатерина ДМИТРИЕВСКАЯ

КОНЕЦ СЛАДКОГО НЕВЕДЕНИЯ

Исаак Башевис Зингер
«Шоша. Роман.
Рассказы»
Издательство «Текст» и
РИК «Культура»

«Правды боимся больше
ножа, а неведение сладко...»

— пишет Зингер. Пророчески пишет. Долгие годы мы не знали не только о шедеврах еврейской культуры, но даже и о самом ее существовании. А теперь узнаем. И Зингер пришел к нам сразу как писатель мирового класса и Нобелевский лауреат. Он писал на идише — языке евреев Восточной Европы. Писал пронзительно, как Бунин, и смиренно, как Чехов. Писал о людях, нашедших свое счастье в вере (бесконечной и всепоглощающей) и смирении (искреннем и неральном). Есть такое определение — писатель-гуманист. К кому его только не применяли, и оно изрядно надоело. Но иначе как гуманиста Зингера не определить. Бедный, униженный, терзающийся в сомнениях человек — любимый его образ. Роман «Шоша», давший название всему сборнику, — о любви и о евреях, которые, возможно, тоньше и болезненнее других чувствуют все несуразности этой земной жизни. Впрочем, жизнь (или смерть), по учению Бога, имя которого все не произносят, не несуразна, а прекрасна потому, что она рано или поздно кончается и наступает смерть (или жизнь).

Эдуард ДОРОЖКИН

ОН МАЛ И МЕРЗОК НЕ КАК МЫ

«Триумфальная
площадь. Театральная
фантазия памяти
режиссера
Вс.Э.Мейерхольда»

Т/ст. «У Никитских
ворот», реж.
М.Розовский

Один из любимых сюжетов отечественной апокалиптики в этом спектакле, выражаясь языком кулинаров, «хорошо упрел». Рецепт: герой из пантеона «умирающих и воскресающих» помещается в «предлагаемые обстоятельства» собственной судьбы, куда вносится мотив поисков святого Грааля. Блюдо разогревается в тесной печурке наводящих умеренную зевоту рассуждений об искусстве, на ласковом огне ряда интересных реквизитно-сценографических трансформаций. Теперь зритель может отведа

С.Десняцкий в спектакле
«Триумфальная площадь»
Фото А.Иванишина

готовое кушанье. Чтобы между нами с читателем не осталось недомолвок, спектакль я хвалю. Более того, с долей старческой умудренности рискнул бы провидеть те времена, когда наша сволочная молодежь, которая не имеет в душе ни уважения к искусству, ни сострадания к художнику, ощутит вдруг свою малость и мерзость и введет в моду такое «ретро» — милую, уютную, студийную атмосферу. Ту, где из-за востроносой маски Мастера нет-нет да и глянет лукавый глазок Арины Родионовны. Ибо наши мифы суть нашей няни.

Михаил СМОЛЯНИЦКИЙ

ПОП-МЕХАНИКА УСПЕХА

«Лох — победитель
воды»
Студия «Троицкий мост»,
реж. А.Тигай

«Высокий» трагифарс с крутым уголовным сюжетом, который давно стремится снять любимый и уважаемый Сергей Александрович Соловьев, порой удается другим. Может быть, потому, что для таких «постмодернистских» игр с отечественным, на вид глуповатым, но с четко просчитанной сумасшедшиной, андерграундом требуется

человек чуть более тонкий (простите, С.А., за плохой каламбур) и чуть менее романтичный. На этот раз это удалось Аркадию Тигай, чье имя пока ни о чем не говорит, Сергею Курехину, чья механика популярности составит основу кассового и прочего успеха чего угодно, и оператору Юрию Векслеру, чье имя, к сожалению, больше не появится в титрах новых картин. Очередной рассказ о большой войне с большой мафией в большом городе, которую с большим успехом ведет благородный и бесстрашный, но хилый герой-одиночка, они выстроили, как это принято, из подручного материала, разбросанного по полям массовой культуры. И сделали это весело и очень жестко, без дежурной совковой «воды» в виде красивых проходов героев и политических аллюзий, музыкальных пауз и тотальных пророчеств. Поэтому их мозаика не рассыпается на осколки идеологем и не тонет в киселе рефлексии. А эклектичная музыка того же Курехина хороша в этом, да и в любом другом кино тем, что она, укладываясь в общий строй картины, не стремится стать выше нее. Короче говоря, это очень остроумный боевик, интеллигентно пугающий уважаемую публику. Если к слабенькому фундаменту рецензии прибавить глубокомысленное рассуждение о том, что, мол, вчера, под конец 80-х, «в дамки» выходили брутальные «урлаки» и всяческие «воры в законе», а сегодня, к началу 90-х, — обаятельные и интеллектуальные «лохи», то кто-нибудь да спросит: а что с нами-то при этом станется? Но, слава Богу, кино, в отличие от «Книги перемен» и сборников кроссвордов, не должно давать ответов. По моему глубокому убеждению, его снимают, чтобы возникали вопросы.

Ирина ЛЮБАРСКАЯ

Дневник И.

Валерий ТУРОВСКИЙ

БЕЛАЯ ОЛИМПИАДА — БЕЛЫЙ ЭКРАН

Если вам, телезритель, не очень-то в жизни повезло и вы не спортивный болельщик, не любитель сентиментального кино и чуть-чуть устали от политики, то вам в прошедшем месяце решительно нечего было делать у своего белоснежного телеэкрана. Вас там не ждали. На вас рассчитано не было.

Впрочем, на кого сейчас наш телеэкран рассчитан, я чем дальше, тем меньше понимаю. На широкие слои населения — но такими категориями мерять уже как-то и не модно. На тонкий слой интеллигенции — слой истончился до невидимости. На рок-девочек и рок-мальчиков из подворотни — попробуй-ка их из подворотни загнать к «ящику»...

Безадресное, ни к кому не обращенное и ни на что не направленное наше го-

ремычное телевидение только тем и живо, что оно — наше. На нашем, понятном нам еще языке, изредка рассуждающее о наших, не понятных нам уже проблемах. Слова вроде бы все известные, и «картинки» до боли знакомые, но все уже воспринимается усталыми мозгами нашими как необъявленный визит НЛО. Про другую жизнь и берег дальний.

Тогда только и встрепенешься, когда господин Жириновский В.В. начинает грозить войной Пакистану.

Не правда ли смешно? Обхохочешься. Особенно если учесть, что сей господин становится настоящим бенефициантом нашего ТВ. В иной день его можно было наблюдать по двум программам одновременно. И если Жириновский становится едва ли не главным персонажем телевидения, которому наш плюралистический экран дает возможность нести любую ахинею, то мне попросту жаль наше телевидение и наших телезрителей.

Нет в нашей жизни и таких проблем, про которые бы Жириновский не знал, как их решать. Всем — единую и неделимую Россию, всем — дешевую водку, всем — бесплатные презервативы. И порой мне становится страшно: что если бы родители господина Жириновского В.В. — чистокровная русская мать и чистопородный отец-юрист — умели пользоваться этим нехитрым бесплатным приспособлением? Какого оракула недосчиталась бы Россия?!

Спору нет — Жириновский нелеп, жалок и надут. Но нельзя сбрасывать со счетов его умение «надуть» доверчивых, но изверившихся соотечественни-

ков. Верхний слой его слов так доступен и понятен, что, когда доберешься до нижнего, поздно будет, господи избиратели, очень поздно...

Вообще-то я думаю, что Урмасу Отту уже давно пора брать интервью у Жириновского. У этого легкого тележурналиста и рука очень легкая. С Гамсахурдиа как славненько получилось: сначала дал интервью, а потом тут же дал деру. Большая творческая удача Урмаса Отта. Глядишь, и Жириновский окажется где-нибудь в окрестностях Зимбабве. Зимбабве вот только жалко до слез.

Желая дальнейших успехов этому талантливому журналисту, желаю отметить и то, что в его работе появилась какая-то усталость, механичность. Ему легко и непринужденно разговаривать с Гамсахурдиа или Кравчуком. Тележурналист чувствует телезрительские тылы и уверен в собственной неотражимости и красноречии.

Ему трудно и принужденно работать, когда его собеседником становится такой человек, как Геннадий Хазанов, который владеет разговорным жанром чуть лучше своего интервьюера. С Хазановым не могли пройти «популистские» вопросы типа: «Богаты ли вы?» С этим вопросом, пожалуйста, к Илье Глазунову. А Хазанов вывел «телезнакомство» с собой, таким, казалось бы, известным и понятным, на новый виток понимания судьбы и личности этого замечательного актера. Его горькие мысли о жизни, искусстве, России, Израиле приоткрыли в знакомом — незнакомом, в ожидаемом — неожиданном. И открытие это произошло поверх вопросов У.Отта, мимо них. Хазанов не любит позировать портретистам. Он предпочитает жанр автопортрета.

При всей скудости февральского телепайка, в антракте между слаломом, «Торговым рядом», бобслеем, «Бизнес-классом», хоккеем, Димой Маликовым, «Предпринимателем» и снова хоккеем и снова бобслеем, телевидению все же худо-бедно (очень худо и очень бедно) удавалось чем-то задобрить своего капризного зрителя. Я не стану злословить насчет так называемой гуманитарной кинопомощи, которую оказала нашему телевидению американская компания «Уорнер бразерс». Конечно, хорошо бы нам «Бонни и Клайд», «Вспышку», «Почтальон звонит дважды» посмотреть лет на 15—20 раньше, но не кино же компания «Уорнер бразерс» повинна в нашей кинозрительской полуграмотности. Хорошо, что хоть что-то удалось наверстать — пусть устаревшее, пусть во многом наивное, но до сих пор нам неизвестное.

И уж, во всяком случае, «Бонни и Клайд», процитированная всеми кинематографиями мира, во сто крат краше

каких-нибудь бесконечных сериалов вроде «Санта-Барбара» или «Богатые тоже плачут».

И уж, во всяком случае, гуманитарная кинопомощь лучше продуктовый тем, что первая хоть доходит до адресата.

Для сетки программ, доверху заполненной Олимпиадой, рекламой и эстрадой и политикой, приятную неожиданность составляют встречи с деятелями литературы, искусства, к которым зрители питают повышенный интерес. По-разному можно относиться к самим персонажам этих встреч, к тому, как сделаны эти встречи. Долгожданный Годар в передаче Константина Эрнста «Матадор» предстал самым обыкновенным человеком, поразившим только обилием снятых им фильмов. Но — каких фильмов, чем они снискали многолетнюю зрительскую благодарность? Передача не дает ответа на этот вопрос и даже не задается им. Незвестный Годар остался неизвестным Годаром.

Хотелось бы мне понять причины ажиотажа вокруг таланта Дмитрия Хворостовского, если уж не дано понять сам этот талант. Приятного тембра голос, неуправляемое дыхание, актерский зажим — и шквал аплодисментов. Зритель всегда прав — это уже не объяснение, это признание в бессилии объяснить, почему зритель в один день назначает себе в кумиры актеров, мимо которых еще вчера проходил с абсолютно равнодушным лицом.

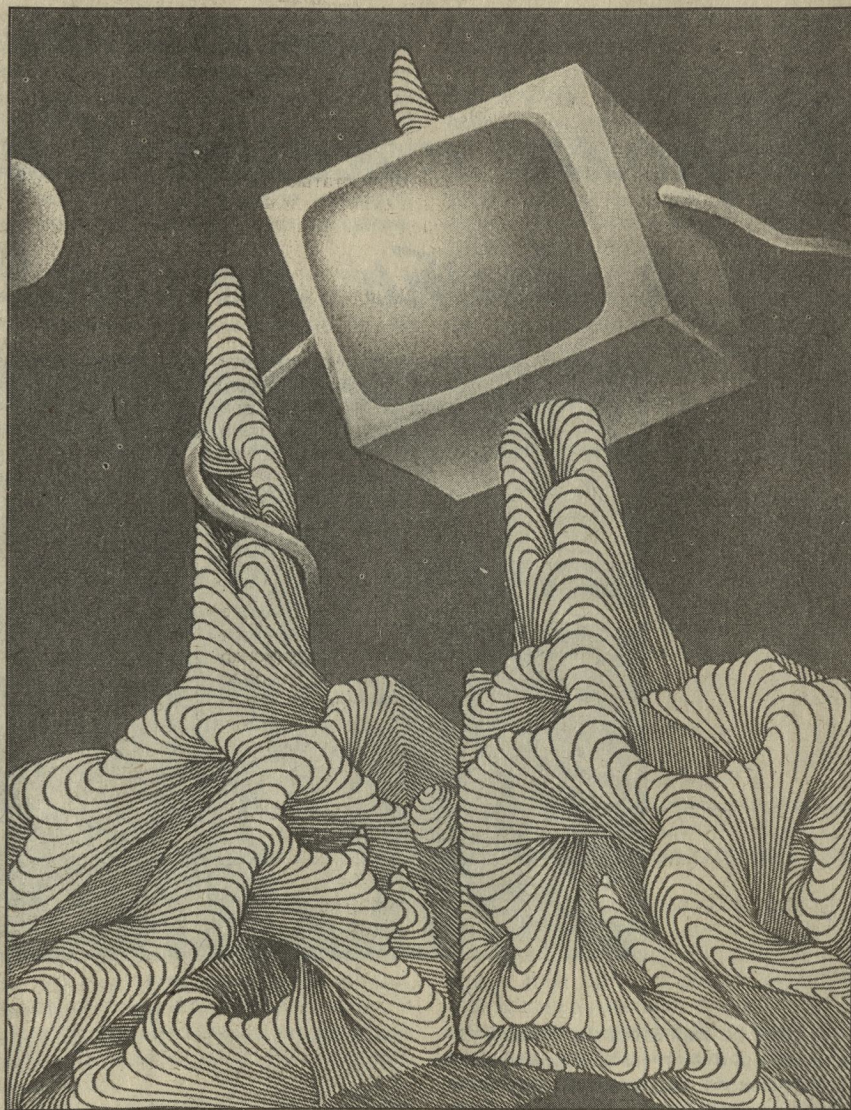
Но и мимо Олега Газманова, оказывается, проходили равнодушные зрители и менеджеры, а сейчас и дня не проходит без его явления народу. Как все же живучи сказки про золушек и принцесс, как любвеобильное телезрительское сердце готово принять в себя детские обиды сегодняшних властелинов консерваторских сцен и эстрадных подмостков!

Я специально выбрал столь разных, работающих в абсолютной разных направлениях певцов, чтобы попытаться понять случайность или закономерность их стремительных взлетов. Одними лишь вкусами «толпы» тут ничего не объяснишь и не поймешь. Одной лишь жалостью к трудному детству — «обижали», «зажимали», «не допускали» — тоже мало что прояснишь.

Вот и сгодился бы тут скольконибудь серьезный аналитический комментарий — не музыковеда даже, а социолога, культуролога, психолога о том, как, почему, когда и зачем рождаются или не рождаются звезды. Но телевидение, прекрасно зная и чувствуя страсть телезрителей к поклонению, к неистовству, осторожно и благоразумно старается обходить эти вопросы.

Вопросы заставляют думать, а думать нам по-прежнему больно и непривыч-

Рис. Р. Зонтикова

но. Зачем же думать, когда можно не думать?

Эту чеканную формулировку в бронзе и металле отчеканил рабочий Игорь, приглашенный «Командой-2» на обсуждение фильма «Бабник».

— Лично кино мне понравилось. Думать ни о чем не надо.

Бог с ним, с порядком слов: «лично кино мне понравилось». Куда хуже порядок мыслей: «думать ни о чем не надо».

Впрочем, хитрецы из «К-2» запросто могли сыграть игру в свои ворота, явив миру конгломерат нашей сегодняшней растерянности и боязни думать, решать, напрягаться.

Можно, конечно, взяв в руки телепрограмму, подумать, напрячься и решить, что тебе лучше посмотреть: по каналу «Останкино» очередную серию фильма «Моя семья и другие животные» или в это же время по каналу «Россия» встретиться с Владимиром Цветовым в передаче «От за от. Острова раздора». Выбрав последнее, я, наверное, в числе

многих был впервые наказан за такое предпочтение. Нет, передача Цветова, как всегда, была замечательной, но... Но кто мог подумать, что под псевдонимом «Моя семья и другие животные» будет скрываться встреча молодых журналистов с президентом Горбачевым?..

Действительно, уж что всегда находится в постоянном броуновском движении — так это программы ТВ и бесконечные к ним изменения, поправки, уточнения. И надо приковать себя к телевизору, как к галере, безнадежно махнуть рукой и смиренно глядеть подряд все, что дают. И ни о чем больше не надо будет думать.

Мария РОЗАНОВА:

В роли «жены Синявского» я быть не захотела

Мария Васильевна Розанова и Андрей Синявский в своей парижской типографии.
Фото В.Ахломова

Те, кому ее имя известно только понаслышке, считают, что она просто жена А.Д.Синявского. Кто знаком с деятельностью издательства «Синтаксис», знает, что состоит оно практически из нее одной.

— ...Не знаю, может быть, «Синтаксис» издается из самых дурных побуждений, из чистого тщеславия. За границей я попала в ситуацию, в которой раньше никогда не оказывалась, — превратилась в придаток Синявского. У меня всегда было свое имя, свое занятие, и в роли «жены Синявского» я быть не захотела. Поэтому решила завести свое дело, свой журнал. Поначалу согласилась поставить на обложку и имя Синявского — чтобы «под него» дали денег на первые номера. Думала, что сделаю номеров десять и — слава Богу — память обо мне останется...

— А почему типография находится прямо в вашем доме?

— Первые пять номеров журнала печатались в парижской типографии, что было очень дорого. Я захотела удешевить процесс издания. Знакомые направили меня в пригород. Когда я приехала туда, ворота открыл молодой алжирец в галошах, и я увидела маленький

**Ее многие не
любят, называют
злой
старухой.**

**Кое-что в ее
резких
высказываниях
заставляет
поверить в это.**

**Ее многие любят,
называют
замечательной
женщиной. Иные
ее поступки
заставляют не
сомневаться в
этом.**

домик, вдвое меньше моего. Галоши на босу ногу произвели на меня неизгладимое впечатление. Я подумала: если этот полуграмотный араб может печатать книги, то почему я, дама с высшим образованием, не смогу заниматься тем же самым? Заложил дом, взяла ссуду в банке, купила небольшую типографию и поставила ее себе в подвал.

— Каков тираж журнала?

— 1400 экземпляров. Расходится он не весь, но я очень много просто раздаю. Такая же ситуация и с книгами.

— Как же издательство сводит концы с концами?

— «Синтаксис» очень долго был безгонорарным журналом, печатался исключительно на зарплату и гонорары Синявского. Но часть книг я теперь издаю по заказам, на этот доход издательство и существует.

«Синтаксис» с самого начала задумывался как журнал не для массового читателя, поэтому прибыльным делом он быть не может. Я не люблю массовых вкусов, массового сознания — моего демократизма, по-видимому, на массу не хватает. Мне в жизни очень помогает одна из многих моих профессий — юве-

лирное дело. Долгие годы я работала ювелиром и, пока Синявский сидел в лагере, зарабатывала этим, ко мне даже стояла очередь. У меня тогда была теория, которой я придерживаюсь и по сей день: изделие не должно быть рассчитано только на сегодняшний день. То же самое с журналом — он должен быть вещью для длительного пользования. Когда я начинала его делать, то буквально обнюхивала каждый материал со всех сторон. Во-первых, мне нужно было, чтобы он был интересен трем людям: мне, моему другу Даниэлю в Москве и моему другу-слависту в Париже. Потом я старалась представить, как будет выглядеть этот материал через десять лет, не устареет ли он. И вообще — набор плохой статьи стоит ровно столько же, сколько и набор хорошей. Зачем же я буду печатать всякое дерьмо?

— И вы ни разу не изменили этому правилу?

— Только трижды. Один раз, когда напечатала московского автора, который находился «под обстрелом» и которого надо было как-то поддержать. В другой — когда напечатала материал «по дружбе»: это был человек, которому я многим была обязана, и язык не повернулся ему отказать. А в третий опубликовала дурной материал просто «по злобе», потому что он был направлен против моего недруга.

— Другие эмигрантские издания столь же строги и последовательны?

— Большинство из них пользуется той или иной финансовой поддержкой и, естественно, зависит от того, кто платит. Я уверена, что и «Посев», и «Континент» Максимова финансировались ЦРУ. Сейчас это, по-видимому, прекратилось, и стало заметно, как Максимов осмелел. Раньше и представить себе нельзя было, чтобы он стал «задирать» Исаича, поскольку того очень уважало и не давало в обиду ЦРУ. Как только Солженицын приехал на Запад, так сразу заявил: вся третья эмиграция — это трусы и подлецы, и только он один — настоящий изгнанник, а все остальные бежали сами и потому не имеют права высказываться о положении в России. Синявский не выдержал и написал Исаичу открытое письмо. Чтобы посоветоваться, мы показали его Максиму. Он стал нас уговаривать повременить с публикацией. «Я ведь сам его ненавижу», — говорил он мне страстно. — Погодите, вот встанем на ноги, так мы по нему вдарим!» После перестройки он «встал на ноги». Поэтому позволил себе несколько нелестных слов в адрес Солженицына в «Литературке»...

— Похоже, у вас с Максимовым принципиальных расхождений.

— У Максимова нет принципов, поэ-

тому и принципиальных расхождений с ним быть не может. Вот с Солженицыным у меня принципиальные расхождения. Я, к примеру, не считаю, что надо бить жидов, чтобы спасти Россию. Я всегда считала, что в тех странах, где жидов не бьют, а, наоборот, наблюдают известное «жидовское засилье», рано или поздно наступает процветание.

Вообще-то, Солженицын — трус и большой обманщик, символично, что в его фамилии зафиксировано слово «ложь». Когда Синявского и Даниэля посадили, инкриминировав выход на Западе их книг, мы организовали письмо с просьбой отдать их на поруки обществу. Синявскому грозило семь лет, Даниэлю, участнику войны, — пять. Солженицын подписать это письмо отказался, сказав, что нежего русскому писателю искать славы за границей. Хотя к тому времени его собственные рукописи были переправлены на Запад.

— Вы не очень-то жалуете «вермонтского отшельника»...

— Да я с ним даже не слишком хорошо знакома. Куда лучше знаю его красавицу жену, тем более, что я выкормила двух солженицынских детей.

— ?

— Когда я родила сына, то оказалось, что у меня нет молока. И у Натальи Солженицыной была та же проблема. А я к тому времени уже протоптала дорожку во французское посольство, через которое доставала детское сухое молоко. Наталья попросила меня помочь. Последние коробки сухого молока я отвозила Солженицыным на дачу буквально за неделю до нашего отъезда в эмиграцию...

Интересная деталь: у них был невероятной красоты щенок сенбернара, которого звали Кингир, по названию лагеря, где было большое восстание заключенных. Меня это поразило — все равно что назвать щенка Освенцимом. А ведь Александра Исаевича всегда возмущает, что какие-то вонючие интеллигенты (читай — евреи) называют своих животных христианскими именами... Конечно, у него свои представления о русском народе, православии, о том, как «жить не по лжи», но статья «Как нам обустроить Россию» — полнейший бред. А больше всего меня возмущает язык этого произведения. Если писатель обращается к своему народу таким языком, значит, он свой народ совершенно не понимает.

— Но какая-то часть народа видит в нем своего лидера.

— Что меня бесконечно угнетает в русских, так это желание во что бы то ни стало найти лидера и тупо следовать за ним. Я предпочитаю иметь дело с людьми самостоятельно мыслящими — и в политике, и в жизни, и в творчестве.

— Это, в частности, и ваш принцип отбора авторов?

— Да, я люблю писателей, идущих против течения. Настоящая литература, на мой взгляд, обязательно должна заходить в недозволённые области жизни. Сейчас я очень сожалею, что в свое время не выпустила «Дневник неудачника» Лимонова, но зато я издала его своеобразную харьковскую дилогию — «Подорожник Савенко» и «Молодой негодяй».

Многие авторы, начинавшие печататься в «Синтаксисе», получали отказ во всех других изданиях. Сейчас их книги выходят везде, и в России тоже, но я по-прежнему считаю их своими авторами. Иные из них, как Игорь Померанцев, например, все, что пишут, в первую очередь присылают мне.

— Может ли эмиграция оказать благотворное влияние на писателя?

— Я убеждена, что в эмиграции не может родиться серьезный писатель. За пределами России не существует живого русского языка. К примеру, язык Никиты Струве — омертвевший, а язык его детей — просто мертвый, слушать их невозможно... Писатель должен получать заряд культуры, языка, нравственности только в отечестве.

— В Прибалтике, кажется, выходит дайджест «Синтаксиса». Почему бы не выпускать журнал сразу и во Франции, и в России?

— Когда я с этим прицелом стала пролистывать свой журнал, то убедилась, что его первые номера не устарели и сегодня. Мне бы хотелось, чтобы материалы этих номеров тоже дошли до отечественного читателя. Поэтому я предполагаю издавать в России не просто новые номера, как это сделал «Континент», а переиздать частично и старые, так, чтобы для читателя не прошли незамеченными наши победы и поражения.

— Какие российские издания вы читаете?

— Прежде всего, конечно же, «Наш современник» и «Молодую гвардию», в которых идиотизм советской жизни доведен до полного абсурда и в мыслях, и в языке.

— Ну а на собственное творчество время остается?

— Как сказать... Кусочками пишу книгу воспоминаний. В ближайшем номере «Синтаксиса» хочу опубликовать ее фрагмент, касающийся того же Солженицына.

Вообще-то все, что я делаю, мне очень интересно. Ведь в жизни главное — не деньги, а постыдная жажда удовольствий. А выполнять неинтересную тебе работу просто опасно для здоровья. Я себе такого не позволяю.

Александр ШАТАЛОВ
Ярослав МОГУТИН

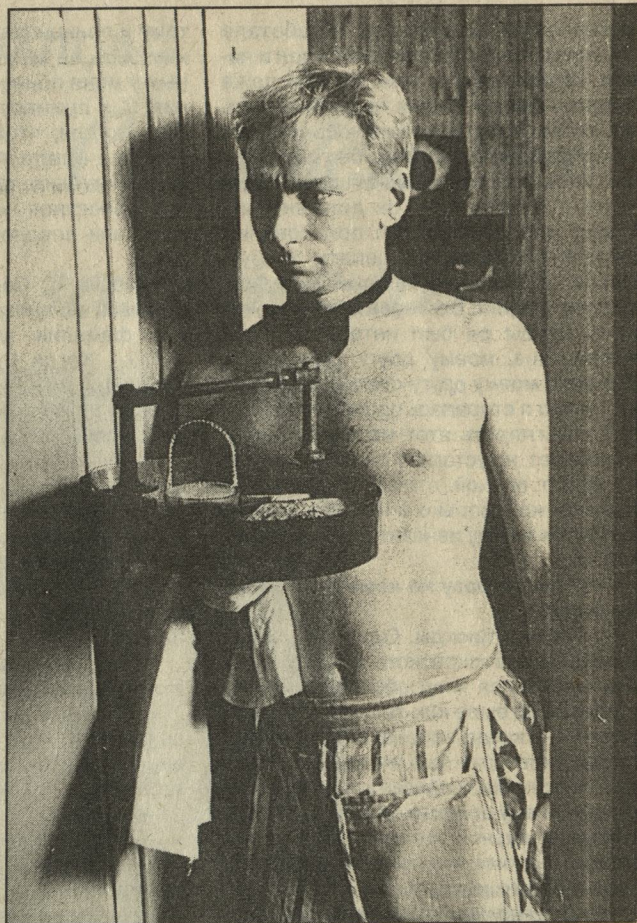
Александр
ТИМОФЕЕВСКИЙ

ЧАС ВПЕРЕД, ДВА ЧАСА НАЗАД

Премьера фильма
Валентина Мишаткина
«Встретимся на Таити»
в Московском Доме
кино
совпала с показом по
телевидению
классической
американской ленты
Артура Пенна «Бонни и
Клайд». Сравнение,
случившееся само
собой, весьма
поучительно.

В обеих картинах действие происходит в обществе тяжелой социальной нестабильности: у Пенна — это Америка преодоленного прошлого, времен великой депрессии, у Мишаткина — Россия нашего непреодолимого настоящего. В обеих картинах сюжет «уголовного романа» строится вокруг четырех-пяти человек, объединившихся в банду. В обеих картинах банды грабят награбленное, щадя кошелек обывателя — последнее обстоятельство (в числе прочего) обеспечивает героям зрительские симпатии. В обеих картинах эти симпатии гарантированы еще и тем, что на экране молодые (или сравнительно молодые) люди, влюбленные пары и, соответственно, веселые банды. В обеих картинах веселье отягощено некоторым надрывом: происходящее — как ни крути — вступает в конфликт с законом, божеским и человеческим. Тут, впрочем, заканчивается сходство и начинаются различия.

В американской картине закон многообразно персонифицирован. Не толь-

Кадр из фильма
«Встретимся на Таити»
Клайд — Игорь Угольников

ко и не столько теми его стражами, с которыми ловкие Бонни и Клайд до поры до времени ведут успешную борьбу. Закон прежде всего олицетворяют два персонажа среднего возраста, средних добродетелей и средних умственных достоинств, с одинаковым среднетиповым лицом, redneck (букв. красная шея, деревенщина), как таких называют, — идеальные представители среднего класса срединной Америки: фермер и полицейский. Они слишком похожи, чтобы не дублировать друг друга. Но это не режиссерский просчет. Поодиночке каждый из них не смог бы наказать преступников: была бы личная месть, а не суд общества, игра обстоятельств, а не фатальность возмездия. Схожие во многом, полицейский и фермер разведены в главном: в своих отношениях с Бонни и Клайдом. Полицейский был не вполне справедливо и уж чересчур жестоко наказан ими и чуть не убит, фермер, наоборот, их выходил и спас от верной смерти. То, что фермер поначалу выступает спасителем, чрезвычайно важно. Это, несмотря на ко-

рысть, меняет смысл его предательства, если угодно, даже грамматически: он предает вымышленных им Бонни и Клайда суду полицейского, который расстреливает преступников. Совершившийся суд, разумеется, весьма далек от юридических правил, но он соответствует общественному требованию. Фермер плюс полицейский и есть то общество, чьи законы нарушили Бонни и Клайд. Общество, которое их породило, воспитало и выплунуло, восстановило против себя, долго терпело надругательства, наконец, уничтожило, а потом сложило песню о романтических любовниках с большой дороги. Общество — непреложная данность фильма Артура Пенна. И чем эта данность непреложнее, тем драматичнее, пронзительнее и безысходнее судьба Бонни и Клайда, тем большее она вызывает сочувствие.

Ситуация, в которой действуют персонажи фильма «Встретимся на Таити», отличается от описанной, в сущности, одним — отсутствием общества. Все остальное — следствия, но именно они возмутили критиков и милиционеров, в трогательном единении осудивших на пресс-конференции картину за безнравственность. Как так — герои весь фильм обманывают и грабят, грабят и обманывают и никак за это не расплачиваются, а благополучно отбывают на Таити, о чем и мечтали, то есть вместо полагающегося наказания получают награду? Где же мораль, где законы жанра? И впрямь, где?

Веселой банде из фильма «Встретимся на Таити» противостоит только другая банда, угрюмая. Нет здесь полицейско-милиции, она остается где-то на периферии сюжета, нужна больше для того, чтобы вовремя вручить героям утерянную визу. Нет и никаких добродетельных реднеков, вершащих свой праведный нравственный суд. Но и в жизни их что-то не видать. Дело, впрочем, не в жизни. Картина Мишаткина от нее далека, чем и замечательна. Она показывает счастливых, красивых, свободных людей, занятых исключительно собой. Личные ценности здесь не то что выше общественных, они — единственные, ибо общества нет. Просто нет ни правых, ни левых, ни центристов, ни Кравчука, ни Собчака, ни параноидальных патриотов, ни демшизы, ни марша голых ног, ни бунта пустых кастрюль. Все это вроде бы где-то имеется как некая совокупность, которую надо поскорее забыть, очутившись на Таити, но никак не влияет на веселую банду и никак с нею не взаимодействует.

Продолжив сравнение с американским фильмом, заметим, что Бонни и Клайд — жертвы, веселая банда — герои. Жертвенность Клайда делает его неспособным к любви, весь фильм он

страдает половым бессилием, от которого избавляется только перед развязкой. Веселая банда, напротив, все время занята любовью — в ней радостный смысл и цель ее существования. Бонни и Клайд недаром наказаны обществом, они от него зависимы и к нему стремятся. Мечта Бонни — вернуться под материнский кров, примирившись с окружающей действительностью, — напрасно раздражает Клайда. Его собственная мечта мало чем отличается от этой. Он хочет жить в одном штате и воровать в другом, иными словами, достичь еще более эфемерного, но опять-таки согласия все с той же окружающей действительностью. Герои фильма «Встретимся на Таити» никакого согласия ни с кем не ищут, они абсолютно самодостаточны и хотят лишь одного — сменить окружающую действительность. «Бонни и Клайд» — фильм о невозможности разрыва с обществом, о призрачности свободы, «Встретимся на Таити» — гимн во славу этого разрыва, во славу свободы, совсем не призрачной, а очень даже осязаемой, с конкретным адресом — Таити. Налицо очевидный парадокс. В фильме левого интеллектуала Артура Пенна консервативные общественные ценности куда значимее, чем в картине советского режиссера.

Фильм «Встретимся на Таити» ожидает несомненный успех. Не потому лишь, что он очень прилично сделан, и не только благодаря буфонному таланту Игоря Угольников, который в роли киноактера оказался гораздо раскованнее и изобретательнее, чем в роли телеведущего. Фильм Валентина Мишаткина отвечает самому сокровенному общественному или, точнее, антиобщественному устремлению сегодняшней аудитории. Устремлению на Таити. Можно, конечно, вслед за милиционером повторить, что нехорошо пропагандировать отъезд и тем более грабеж и обман, или вслед за кинокритиком посетовать на нарушение жанра, на преступление, оставшееся без наказания. Но ведь это все пустое. Если у общества возникла потребность любой ценой от самого себя сбежать, значит, на то есть причины, ни от какого режиссера не зависящие.

Воровать и обманывать, конечно, грех — см. соответствующие места в Писании. Но помимо заповедей имеется много других убеждений и реднеков любого подданства и вероисповедания, у среднего класса, который повсюду в мире хранит общественный очаг. Ну, например, — солнце встает на Западе, а заходит на Востоке. Или — в Северном полушарии зимой бывает холодно, а летом жарко. Или — младенца полагают пеленать, а покойника — хоронить. В неотменяемых, точнее, в неосуждаемых этого — залог под-

держания очага. Однако наша гражданская мифология и — что значительно хуже — общественная практика подвергают постоянному сомнению в аккурат все выше перечисленное. Как тут сохранить очаг? Как не податься на Таити?

О сталинской мифологии, враждебной устройству мироздания, уже достаточно сказано. Но и перестройка подарила по-своему не менее красочные образцы. Набрав в грудь воздуха и замеров от страха, покусившись на святое, на то, с чего все начиналось. Вспомним грузинский фильм, в котором сын выкидывал многострадальный труп папы на помойку под бурные и продолжительные аплодисменты либеральной интеллигенции, вдруг заговорившей о гуманистических ценностях. Не вдаваясь в обсуждение достоинств картины Тенгиза Абуладзе, заметим, что его поэтическая метафора живо реализовалась в прозаической повседневности, в бесконечных перезахоронениях, коим нет конца. Дежурная отечественная анти-Антигона стала привычной обыденностью, почти нормой, перестроенным кукишем простодушной Антигоне Софокла, как известно, все пытавшейся похоронить брата — зачем? чего ради? Это, конечно, выразительный пример, но уже старый, с которым все свыклись. Есть, однако, примеры посвежее.

Среди бурных событий последнего времени одно осталось, по-моему, незамеченным и уж, во всяком случае, по достоинству не оцененным. 19 января московское время перевели на час вперед. Дикторша в телевизоре пояснила: это не летнее расписание, это просьба трудящихся, измученных темнотой, — пусть отныне будет светло. Пусть. Отличная идея. Но почему так робко? Почему только на час, а не на три, на пять, на семь вперед — было бы еще светлее. Почему только время? Хорошо бы поменять климат. Восток с Западом — тоже недурно. Чтоб был у нас отныне Запад и всегда только лето — я так хочу, чтобы лето не кончалось... Три месяца за минувших семьдесят четыре года прожили при пояском времени, согласно устройству мироздания, в ладу с географией, всего лишь три месяца — и снова возглаждали света. А ведь многое можно стерпеть — очередное содружество или отсутствие оно, Крым туда, Крым сюда. Попова, который то уходит в отставку, то снова воцаряется, то опять уходит, один, второй, третий, четвертый план приватизации и отмену каждого. Многое можно стерпеть, любую дурную новость, все, пожалуй, кроме новости хорошей, блаженной улыбки дикторши, спешащей нас осчастливить: завтра будет на час светлее.

Встретимся на Таити?

Побывал в Германии. В западной, конечно, — никакой другой ведь больше нет. Встречался с немцами. Западные (их на востоке называют «вест-никами») охотно говорят о проблемах, о сложностях — и их, даже на беглый взгляд, действительно хватает, — но глаза веселы, беспечны, движения свободны и уверенны, уровень работы и жизнеспособности фантастичен. «Ост-ники», то есть бывшие граждане бывшей ГДР, совсем наоборот: говорят, что все у них теперь хорошо, что жизнь постепенно налаживается, уже почти наладилась, зато в глазах, на самом-самом доньшке, — озабоченность, растерянность и тоска, тоска столь глубокая, столь коренная, что ее впору бы назвать славянской, не знай ты точно, что она отнюдь не национальной, а социальной, социалистической природы.

Ай, досадуешь сгоряча, нам бы ваши печали, господа ост-ники! Да будь у нас, в России, столько колбас, сыров, автомобилей, колготок, пивных и «макдоналдсов» — а всего этого добра в постсоциалистическом Лейпциге или Дрездене уже сейчас не меньше, чем в традиционно капиталистическом Мюнхене, — мы бы гоголем ходили, мы бы соколом поглядывали!

Призрак безработицы бродит, конечно, по восточным землям — но социальные пособия столь высоки, что на сосиски и на джинсы хватает, и многие у нас, предполагаю, вполне удовлетворились бы такой — с точки зрения вест-ников, разумеется, нищенской — степенью обеспеченности.

Платят государственным служащим и рабочим на территории бывшей ГДР пока, конечно, меньше — сорок пять, шестьдесят процентов от уровня западной «зарплаты», но клички — и сотни тысяч, может быть, миллионы наших соотечественников с благодарностью взяли бы за свой труд и четвертую, и пятую часть причитающихся вест-никам твердых бундесмарок.

Чего жаловаться?

Ост-ники и не жалуются. Все, с кем случилось говорить в Лейпциге, убеждены, что платят им по справедливости и на улице выставляют тоже по справедливости: не та, мол, у нас пока производительность труда и не тот уровень квалификации, что в западных землях. Будешь, говорят, больше работать, больше знать и уметь — сравняешься с вест-никами; не будешь, не сможешь — твои заботы и твои печали... Государство, в которое они влились с падением Берлинской стены, уже выполнило все свои перед

Сергей ЧУПРИНИН

ДРАНГ НАХ ВЕСТЕН!

ними обязательства — дав прочные гарантии социальной защищенности увечным и слабым, обеспечив изобильный, безупречно функционирующий рынок товаров и услуг, широко распахнув двери бесчисленных университетов, училищ, школ, курсов переквалификации и т.д. и т.п.

Пенять поэтому, если хочется пенять, остается только на самих себя — больше не на кого.

Это знают действительно все. И это знание — главное, может быть, что отличает бывших подданных Хонеккера от бывших подданных Брежнева и Черненко.

У нас ведь как? Последними словами кроме государство — и за дело: оно и в тысячной доле не выполняет своих обязательств ни по отношению к обществу, ни по отношению к одному, отдельно взятому гражданину. Костерим начальство — и по большей части тоже за дело: не умеет организовать производство, не способно защитить своих работников от произвола внешних обстоятельств.

Но — на минуточку — представим себе непредставимое: все у нас, в России, каким-то чудом вдруг образовалось и вдруг сладилось: колбасы полно, от услуг отбою нет, верховная власть на высоте, и ближе

начальство свое дело понимает туго. Что будем делать?

Либо по-быстрому, по-иждивенчески проедем все то, что досталось чудом.

Либо — как и бывшие восточные немцы — погрузимся в состояние глубокой озабоченности, растерянности и глубокого недовольства самими собою, ибо опыт встраивания ГДР в мировую цивилизацию как раз тому и учит, что высоким стандартам общественного производства и высоким стандартам бытового процветания каждый должен еще и соответствовать — непривычным для нас, пасынков социализма, уровнем личной работоспособности и почти неподъемным для нас уровнем личной квалификации.

Вот пример.

При конкурсном — обязательно конкурсном! — зачислении на должность университетского преподавателя и уж тем более профессора предпочтение отдается не узким, пусть даже и глубоким, специалистам, а универсалам, которые наряду, скажем, со славистикой смогут преподавать еще и, допустим, норвежскую литературу, владеют основами информатики, менеджмента, художественного перевода, мало ли чего еще. Там нельзя, как это было

в СССР, безбедно прожить век, будучи знатоком только Гоголя или только лапландской фонетики. Поэтому и студенты, хоть сколько-нибудь озабоченные своим будущим, занимаются одновременно как минимум на двух факультетах (изучая, предположим, русскую филологию и страноведение), поэтому и встреча с человеком, не знающим ни одного языка, кроме родного, вызывает там замешательство: как, мол, такое может быть?..

При этом: никакой потогонной системы, никакой загнанности и взмысленности, то есть никакого трудового героизма. Работают, в общем-то, не больше нашего — зато работают и плотнее, и легче, с несравненно меньшей натугой, чем мы. Что тоже понятно: высокий уровень квалификации (а я лишь о нем и толкую) не только позволяет обходиться меньшим числом работников, но и дает сохранившим свои рабочие места возможность справляться с делом легко, как бы играючи. То, что у неумехи отняло бы массу времени и энергии, то, что для него создало бы бездну проблем, для высококвалифицированного специалиста-универсала пара пустанков; что называется — ноу проблемс...

Мы — против обыкновения — не говорили

пока ни слова о литературе? Что ж, поговорим и о литературе.

Например, о писателях. Их, по приблизительным подсчетам, у нас что-то около десяти тысяч.

Много это или мало? Безумно много, если учесть, что по крайней мере половина из них — так называемые «профессиональные литераторы», то есть люди, умеющие лишь водить перышком по бумаге — и ничего кроме, и если принять во внимание, что и они-то у нас, во-первых, пишут мало и туго, как бы даже бравируя собственной «неписучестью», а во-вторых, работают, как правило, в предельно суженном жанровом, тематическом, ином-прочем диапазоне: только, допустим, стихи о Родине или только, предположим, романы о Советской Армии.

И безумно мало, если в пропорциональном отношении сопоставить число авторов (не «профессиональных литераторов», а именно авторов) у нас и у них. Там «профессионалов», живущих исключительно на гонорары, раз-два и обчелся, зато уж они умеют все и за все берутся: от романов до радиопьес, от стихов до журналистики. И плюс к «профессионалам» — не поддающееся статистике число просто авторов — тех, кто пишет и печатает книги параллельно со своей основной работой (и основным заработком): в издательстве ли, в университете ли, на телевидении ли — да где угодно...

Вот и итог: писателей-профессионалов в стране полно, а новинок на книжном лотке с гулькиным нос, и журнальные портфели не так чтоб уж очень были переполнены качественными рукописями.

В чем причина? Обидно прозвучит, но скажу: в низкой профессиональной квалификации наших писателей, одним из которых давно пора бы переучиться в управдомов, а другим — заработать наконец по-настоящему, так, как во всем мире работают.

Чудовищное, катастрофическое положение с бумагой, с полиграфией, с деньгами пока что маскирует этот плачевный вывод. Сейчас и хорошую новую книгу издать чрезвычайно трудно. Сейчас и «по-западному» работающему автору на гонорары не прокормиться. Сейчас, словом, русским писателям есть пока что на кого пенять. Но ведь рано ли, поздно ли положение изменится, не может не измениться — и что мы тогда будем выпускать в свет, что читать? Переводы да переиздания, переиздания да переводы?

Очень надеюсь, что пауза, наступившая в нашей книгоиздательской практике, оттолкнет от занятий литературным творчеством всех тех, кому лучше было бы заниматься чем-либо иным.

Еще больше надеюсь на то, что подлинные писатели используют эту тягостную паузу для того, чтобы расширить свой литературный диапазон, приобрести необходимый творческий универсализм, обучиться всему тому, до чего раньше руки не доходили, — то есть, иными словами, для того, чтобы привести свою профессиональную квалификацию в соответствие с цивилизованными нормами.

Только тогда призыв: «Дранг нах вестен!» — не будет звучать так комично для русских писателей, как звучит он нынче.

ПУШКИН — ЭТО ВАШЕ ВСЕ

Все наши литературные юбилеи вызывают в порядочных людях одно желание. Вернее, два. Послать президиум к чьей-нибудь бабушке и срочно остаться тет-а-тет с юбиляром, перечитывая, так сказать, заново.

Отправляясь на Ассамблею Пушкинского общества в Фонд культуры, я надеялся, что «те» юбилеи и остались в далеком прошлом.

Не в том, конечно, прошлом, о котором профессор богословия Антон Карташев писал: «Обычное юбилейное торжество вдруг переходит в какую-то духовную раскачку, переливающуюся через края всякой официальности. Умы пробуждаются, сердца окрыляются. Говорятся слова чрезвычайные».

Такое было. И в 1880-м, и потом. Но уже Василий Розанов гневался: «О Пушкине вообще» — нечего более говорить и не нужно более говорить: «Пушкин вообще» — так исчерпан, так выговорен, обдуман, что на этих путях даже очень остроумный критик будет впадать только в болтовню».

Следуя заветам Розанова, говорили о частностях.

Жалобно ассамблеяли о том, что Пушкина обижали. О том, что поэта нужно защитить от посягательств «АиФ», который пишет: «Октябрь уж наступил!». А мне припоминались слова Сергея Булгакова про то, что «Пушкин не нуждается в такой защите. Он достоин того, чтобы самому отвечать перед Богом и людьми за свои дела». Ну, написал и написал, от интерпретаций Пушкина не убудет. А то смешно ведь, что поэта Пушкина защищает поэт Костров!

Да, времена переменялись. Если раньше в юбилей имя Пушкина давали, теперь — отнимают. Ассамблея проратовала за возвращение исторических названий Царскому Селу (г. Пушкин) и Святым Горам (соответственно — Пушкинским). Выяснилось, что и памятники Пушкину кое-где стали лишними. Например, в Казахстане поэт записали в «зарубежную литературу». А что касается московского Пушкина, то в планах Пушкинского общества значится «переход поэта через Тверскую улицу».

Владимир Муравьев предложил объявить Лефортово заповедной пушкинской зоной. Лев Заверин высказался за то, чтобы Пушкин снова родился на Немецкой (старая официальная версия). А один драматург сначала говорил о том, как нужен пушкинский театр для школьников, а потом стал возмущаться книжкой Абрама Терца...

Говорятся слова... чрезвычайные.

Телевизионщики проспали вручение диплома — пришлось председателю дважды руку жать. Тому самому меценату, который пообещал «финансировать наши проблемы». Пушкинисты и бизнесмены пританцовывали друг перед другом, как боксеры на

ринге: «Ах, нам неловко в таком высоком обществе! — Да полно! Что бы мы без вас, наших мамонтовых-морозовых, делали!»

В программе Ассамблеи пять раз повторилось слово «презентация». Боюсь, что Пушкин такого не знал. Но дело вовсе не в этом, а в том, что никаких презентаций и не было. Презентация сорокатомной «Пушкинской библиотеки» издательства «Книга» (трехтомник пушкинских писем, отличный сборник «Пушкин в русской философской критике» — лучшее из того, что вышло) началась (и окончилась) тем, что директор издательства встал и сказал:

— Издав шесть томов, мы вынуждены прекратить «Библиотеку». Денег — нет.

Под вопросом оказались и запланированный к двухсотлетию академический 35-томник, и факсимиле тетрадей, и десяти-томник, и семитомник той же «Книги» (предполагаемая цена, кстати, 51 рубль за том).

Гвоздем же программы было сопоставление тиражей за 1990 год. Пушкин — два миллиона, Агата Кристи — двадцать. Зал дружно фухал. И вообще всю дорогу шикал, рдел, трепетно прикасался губами к любимому имени и наставительно проповедовал: «любите!». И казалось, что не в тиражах дело (Пушкин-то в любой семье есть!), а в том — кто, кому и как...

Дело дошло до того, что Пушкинское общество решило потребовать у правительства «исключительных прав на издания художественной продукции, относящейся к жизни и творчеству Пушкина» — «учитывая возросшее число печатной продукции, зачастую вульгаризирующей пушкинскую тему!» Еще немного, и если вам захочется пропечатать где-нибудь «пышное природы увяданье» — вам придется обращаться за лицензией к тов. Карпухину О.И.

Единственно полезным итогом Ассамблеи можно считать обращение к правительству с предложением изменить систему налогообложения с тем, чтобы спокойно издавать приличную литературу. Но и тут сомнения гложут. Ибо еще три месяца назад председатель Пушкинского общества Д.С.Лихачев обратился к Б.Н.Ельцину с идеей оформить программу подготовки к юбилею, разработанную обществом, как государственную. И, как и со многими другими начинаниями общества, — безрезультатно.

Приходит в мысль: что, если это проза? Да и дурная?

Николай МАЛИНИН

— Действительно, некоторые очень удивятся, узнав о появлении новой биржи, но, поверьте, предпринимателю, имеющему возможности, гораздо легче создать собственную биржу, чем участвовать в неразберихе, которая творится на других биржах, и принимать их условия. Даже если будет великое множество бирж — это не аргумент, чтобы не создать новую.

— Обычно на специализированных биржах можно купить что угодно — несмотря на то, что, судя по названию, на них должны продаваться только определенные товары...

— Если смотреть с этой стороны, то у нас тоже «биржа всего»; быть специализированной биржей в полном смысле слова в наших условиях невозможно. Мы организуем

шие Мособлмясомолпром, Мосглавснаб, Главное управление торговли.

Второй учредитель — научно-производственное объединение МФТИ, созданное в свое время Минвузом. Оно имеет коммерческие магазины в Москве и области, занимается научной, внедренческой, производственной деятельностью, продает оргтехнику, товары народного потребления.

— Так вот откуда у вас такое количество хороших компьютеров, телефонов и кофеварок!

— Совершенно верно. И, наконец, среди наших учредителей компания «АПИКО», специализирующаяся на банковской, биржевой и брокерской деятельности. «АПИКО» владеет акциями РТСБ, Всероссийского биржевого банка, Всероссийской

«...Вы обретаете Надежду»

Бог ты мой, еще одна биржа! Российская продовольственная! Зачем она, если есть уже и Агропромышленная, и Международная продовольственная, и сокофруктовая, и даже плодоовощная. В общем, бирж, связанных с едой, много, но сама еда при этом не дешевет и больше ее не становится. Как выяснилось, одно с другим связано слабо. Мы беседуем о новой бирже с председателем ее правления Сергеем Демидовым и его коллегой.

торговлю сельскохозяйственным сырьем, полуфабрикатами, продуктами питания — это то, что касается непосредственно продовольствия. У нас можно будет торговать сельскохозяйственной техникой, транспортом, перерабатывающими комплексами, технологиями по производству продуктов питания и другими товарами, разрешенными для хождения на биржах законом.

— К тому же у вас огромный уставной фонд — 500 миллионов рублей. Скажите, кто были вашими учредителями?

— Во-первых, государственно-акционерный производственный комплекс-корпорация «ТОНАР». Это название почти неизвестно, зато все прекрасно знают организации, которые в нее входят. «ТОНАР» объединяет 27 государственных и коммерческих предприятий, банков Москвы и области. Ну, из крупнейших — Промстройбанк, Агропромбанк, Жилсоцбанк, НПО «Гелиос», быв-

биржи недвижимости...

— В общем, «АПИКО» помогла решить вам финансовые проблемы, МФТИ снабдил оргтехникой, а при помощи «ТОНАРА» вы арендовали прекрасное помещение на Ильинке, 13, — в здании, где раньше располагался банк Саввы Морозова.

— Да, сейчас мы занимаем здесь только четвертый и пятый этажи. Первые торги будем проводить в зале на 1000 мест, а на первом этаже откроем банк. Будем, конечно, расширяться — и в этом здании, и в других.

— У каждой биржи есть большая серьезная цель. Да и вы заявляете, что ваша задача — «создание финансово-инвестиционной продовольственной компании, транспортной компании, страховой компании, специализированного банка, биржевых складов как дочерних компаний биржи — для формирования в стране рынка продовольствия и стабильных

цен на нем». А что вы к этому можете добавить?

— То, что вы перечисляли, — не цель. Это всего лишь средство. Это лишь очень общая схема развития. Причем сейчас, с принятием Закона России «О товарных биржах и биржевой торговле», эта схема уже устарела и требует корректировки.

До выхода закона все вышеперечисленные организации планировалось создавать как дочерние компании биржи. В настоящее время придется идти по пути создания промышленно-финансовой группы, осуществляющей инвестиции в производство, транспорт, торговлю, банковскую, страховую и биржевую деятельность. Биржа будет одной из этих организаций. В эту группу будет входить банк, инвестиционная компания, транспортная компания и другие организации, о создании которых мы говорили выше. Более того, у акционеров биржи будет возможность по своему желанию конвертировать акции биржи в акции других предприятий промышленно-финансовой группы.

Теперь о целях нашей деятельности. Благодаря большому уставному фонду учредители оплачивают только его четверть, а у акционеров есть реальная возможность участвовать в управлении акционерным обществом, вырабатывать его политику. В конечном счете именно акционеры определяют направление деятельности АО.

Любой инвестор прежде всего заинтересован в получении высокой прибыли от вложенных денег. Это надо ясно понимать. Мы же привлекаем и вкладываем деньги в сельское хозяйство, продовольствие — чтобы вложенные деньги приносили пользу не только акционерам, но и обществу в целом!

— Кстати, какие вы гарантируете дивиденды?

— 200% годовых. Сейчас открыта подписка на акции биржи по номинальной стоимости 50 тысяч рублей. Это позволит сделать их доступными для наибольшего числа заинтересованных организаций и граждан.

Акционер, купивший пакет из пяти акций, получает право на бесплатное открытие брокерской конторы.

— Значит, не даром вы говорите о том, что покупая вашу акцию, акционер обретает надежду.

В последнее время почти все биржевики жалуются, что отечественные биржи очень уж отличаются от западных в худшую сторону. В частности, многих беспокоит тот факт, что если заключена сделка,

то это вовсе не значит, что одна из сторон не «продинамит» вторую. Вы что-нибудь предприняли в этом плане?

— Да, это действительно проблема. В ближайшем будущем сделки на нашей бирже будут страховаться. До создания собственной страховой организации этим будет заниматься страховая компания «АСКО».

— Сейчас очень модно создавать альтернативы государству. Вы тоже создали такую альтернативу?

— Нам кажется, не следует противопоставлять государственные и коммерческие организации. Во-первых, большинство коммерческих организаций учреждены государственными структурами и не могут считаться независимыми от государства. Во-вторых, у государства в руках гораздо больше средств и ресурсов, чем у частных организаций. Для нас важно не то, насколько организация независима, а то, как эффективно она работает. Мы не собираемся противопоставлять себя государству. И как не обойтись без поддержки государства хотя бы на уровне законов, налогов.

И все-таки, несмотря на огромную мощь, наше государство сейчас не в силах помочь всем. И мы хотим создать систему, в которой каждый участник смог бы помочь себе сам.

Акционером будет признана любая организация или частное лицо, подавшее заявку с указанием количества приобретаемых акций, своих полных реквизитов и оплатившее в течение срока подписки на акции 50% стоимости приобретаемых акций.

Заявки направлять в письменном виде по адресу:

**103070, г.Москва, ул.Ильинка
(Куйбышева), д.13, ком.406,**

**Российская продовольственная
биржа**

**телефоны для справок: 206-90-73,
206-90-78**

факс: 206-90-60

КАННИБАЛ — ЭТО ЗВУЧИТ ГОРДО

«Молчание ягнят», США, реж. Джонатан Демм

Классный триллер. С интригой, «сапиенсом» и леденящими душу подробностями. Очаровательная фэбээровка (Джоди Фостер) разыскивает маньяка-женоненавистника (шьющего себе платье из кожи девушек) с помощью

ДЖОДИ ФОСТЕР

другого маньяка-психиатра и... каннибала по совместительству. Из этой троицы, как ни странно, больше всего понравился людоед (великолепная работа Энтони Хопкинса). Он настолько обворожителен, что так и хочется пожелать ему при встрече приятного аппетита. Кстати, поскольку в финале он остается в живых и на свободе, а также зная о любви американского кино к «продолжению следует», надеюсь, эта встреча не за горами.

КОЛДУЙ, БАБА, КОЛДУЙ, ДЕД

«Колдун», США, реж. Стив Майнер

Сказка для взрослых, хотя и дети будут смотреть не

вздрагивая. Колдун из прошлого, приговоренный к сожжению на костре, бежит (не спрашивайте как) к нам, в настоящее. Его преследует отважный охотник на колдунов (оттуда же). Сюжет, скажем прямо, та же булгаковская «осетрина второй свежести». Фильм — тоже. Единственное, что привлекает, так это наглядная демонстрация способов борьбы с нечистой силой (как-то прибавление следов гвоздями, в результате чего оказывается прибит к полу сам колдун, и тому подобные штучки). Так что после просмотра и взрослые, и дети, чей арсенал борьбы с колдовством ограничивался раньше заклятием типа «чур меня, чур», изрядно повысят свой, как говорят иные политики, уровень вооруженности.

Фильмы представляет Петр Смирнов

ЕЩЕ НЕ ВЕЧЕР

«Закат», США, реж. Блейк Эдвардс

В жанре «ретро». Время действия — Голливуд конца 20-х. Звезда вестернов (в этой роли «крепкий орешек» Брюс Уиллис), играющий легендарного шерифа, вместе с прототипом расследует загадочное убийство проститутки высшего класса. Их противника — киномагната и акробата — играет бывший Калигула и цареубийца Малколм Макдауэлл. Роковая любовь, мафия, быт и нравы «звезд», перестрелки, кулачные бои, погони на лошадях и аэропланах и... нет, легче перечислить, чего нет в этом фильме. Авторы сделали ставку на трех китов «фабрики грез» того времени

БРЮС УИЛЛИС

— детектив, мелодраму, а ироническое отношение к героям и сюжету подразумевает и комедию. И не проиграли. Фильм получился зрелищным и ненавистным. А развязка, происходящая на вручении первого «Оскара», просто

блеск. Одним словом, «Закат» по-голливудски — это не закат, а совсем наоборот.

НЕ СТАРЕЮТ НОГОЙ ВЕТЕРАНЫ

«Подразделение «Дельта» II ч.», США, реж. Аарон Норрис

Совпадение фамилий режиссера и исполнителя главной роли — прославленной и непобедимой ноги Голливуда — Чака Норриса может навести на мысль о семейственности, но, думаю, что они просто однофамильцы. Ну что еще сказать о фильме? Чак Норрис по-прежнему при бороде и по-прежнему активно работает ногой при освобождении очередных американских заложников. Подростки, вероятно, будут довольны, но уверен, что «Дельту» под номером 3, если таковая появится, вряд ли выдержат даже они.

И ФРАНЦУЗЫ НА ДЕСЕРТ

«Нефтедобытчицы», Франция, реж. Кристиан Жак
«Человек за гранью», Франция, реж. Жак Дер

Предупреждаю сразу — не новинки. Но дуэт Брижит Бардо и Клаудиа Кардинале в комическом вестерне «Нефтедобытчицы» и монолог Жан-Поля Бельмондо — вечного комиссара-одиночки — в боевике «Человек за гранью» настоятельно рекомендую. Особенно, если вы «переели» американского кино. Их французское изящество и легкость действуют как бокал игристого шампанского после сытного, но тяжеловатого обеда.

Эдуард ЛИМОНОВ

ИСТОРИЯ ЕГО СЛУГИ

Публикуемый сегодня отрывок взят из второго (первый «Это я — Эдичка») «американского» романа Э.Лимонова «История его слуги», изданного во многих странах, однако на русском языке пока еще не опубликованного. Герой книги после нищей жизни в дешевых нью-йоркских отелях волею случая становится хаускипером (если проще — слугой) в доме одного из самых богатых людей Америки. Показав в романе «Это я — Эдичка» жизнь городских низов, здесь он, по мнению французской газеты «Монд», исследует американскую «верхушку», глядя на нее глазами бывшего харьковского подростка, честолобивого писателя, а

пока — добросовестного слуги «Великого Гэтсби» (прозвище, данное им его хозяину).

В романах Лимонова часто действуют реальные люди, скрытые под «прозрачными» псевдонимами, — М.Шемякин, Г.Сапгир, Саша Соколов, Юлиан Семенов... Думается, и в публикуемом отрывке легко узнать, кто выведен под именем известного русского поэта Евгения Ефименкова.

Полностью книга выходит в этом году в издательстве «Глагол», предоставившем «Столице» отрывок из романа и фотографию автора в имидже своего героя.

Александр ШАТАЛОВ

В марте месяце, как-то после одного из своих обычно длинных телефонных разговоров, Гэтсби в хорошем настроении, подпрыгивая, выскочил ко мне в кухню.

— Эдвард, — сказал он, — на той неделе у нас будет очень необычный гость. Догадайся, кто?

— Иранский шах, — сказал я наудачу. Дело тут не в том, что у меня такое прекрасное чувство юмора. Изгнанный тогда из своей страны, шах вполне мог оказаться нашим гостем, ибо мистер Грэй действительно был знаком с шахом и в свое время вложил большие деньги в подъем иранской агрокультуры, в какие-то фермы, кажется, куриные или кроликовые, не помню точно. Замечу, что он был достаточно умен и забрал свои деньги из Ирана задолго до того, как «это», я имею в виду революцию, началось.

— Нет, — сказал босс серьезно, — это не шах. Это твой соотечественник, русский, я ему уже сказал, что ты здесь работаешь. Это... и он назвал фамилию известнейшего советского писателя, с которым я коротко был знаком в бытность мою в Москве, однажды даже был у него дома, — Ефименков.

Как все в этом мире перемешалось, подумал я. Вот уж не ожидал, что опять увижу Ефименкова на этой земле и к тому же в моем (простите, Гэтсби принадлежащем) доме. Впрочем, особого удивления известие во мне не вызвало, я давно забыл, что Ефименков существует, у меня хватало своих забот.

Однако я чувствовал, что босс хотел, чтобы я удивился, даже был бы потрясен, поэтому как хороший хаускипер я сказал волнующимся голосом:

— Не может быть! Ефименков! Это так удивительно! Это так странно!

Хозяина, по-видимому, удовлетворили мои восклицания, ему многого было не нужно от слуги.

— Я знаком с Ефименковым уже много лет, — сказал Стивен. — Мы познакомились впервые на международном фестивале в Хельсинки.

Я знал, что Гэтсби знает Ефименкова, фестиваль же в Хельсинки был для меня темным лесом, я в то время тихо и мирно грабил маленькие окраинные магазины в моем милом и провинциальном Харькове. (...)

— Он будет здесь месяц, — сказал мистер Грэй, мой хозяин. — Не все время он будет здесь, он будет ездить по Америке, но здесь будет как бы его основная база.

Чувствовалось, что multimиллионер Стивен Грэй гордился тем, что всемирно известный советский писатель Ефименков будет у него жить.

Я начинал понимать, что для мистера Грэя весь мир — одна большая деревня, что для него селебрити* есть селебрити и советский селебрити даже, может быть, выше рангом для Гэтсби, ибо коммунистический селебрити еще и экзотичен. Принимая Ефименкова у себя, Стивен Грэй чувствовал себя интернациональной фигурой, человеком, принимающим участие в мировых событиях, не только в экономической, но и в культурной жизни мира. Ефименков был еще одним подтверждением значительности самого Стивена Грэя в мире.

Да пошлет Бог Ефименкову долгих лет жизни, потому как он сумел сделать для меня жизнь в миллионерском доме более выносимой, сумел поднять меня в глазах босса до такой степени, что он больше не орет мне в лицо: «God damn you! God damn you!»** — и если злитесь, то уж все-таки думает перед тем, как показаться в сумасшедшем виде с закусенной губой и сопя, как циклоп, пред зеленые близорукие очкастые очи своего слуги Эдуарда Лимонова.

Почему? Эдуард Лимонов написал книгу. Множество людей в мире пишет книги, множество русских людей пишет книги, сам Ефименков написал и опубликовал, если не ошибаюсь, тридцать три книги, но Эдуард Лимонов, «мой новый батлер», как называл его Стивен Грэй, написал пару лет назад книгу, которая потрясла Евгения Ефименкова и удивила его.

Ефименков слышал о книге, но ее не читал. Слухи о книге этой хо-

дили и в России, куда «новый батлер» передал ее через одну маленькую американскую девочку, рукопись я имею в виду, а перед самым приездом Ефименкова в мою страну — Соединенные Штаты Америки — книга Лимонова была опубликована в сокращенном варианте в одном из русских парижских журналов и всколыхнула всех русских. Одни русские любили книгу, другие ее ненавидели.

Едва ли не первое, о чем спросил Ефименков слугу господина Грэя, выбравшись из желтого нью-йоркского такси при помощи Джона Барта — седовласого профессора русской литературы и вполне безобидного осведомителя CIA, как я предполагаю, недаром он вечно трется со всеми приезжающими советскими литературными знаменитостями, не отходит от них ни на шаг: первое, о чем спросил Ефименков слугу, было: «Эдик! Я слышал, ты написал роман, дай мне его прочесть, а?»

Если вы учтете, что Ефименков никогда не был приятелем Лимонова, что Ефименков — это советский человек, выходящий из такси, приехавший в Америку по поводу издания своей книги и остановившийся в доме multimиллионера только благодаря ефименковской относительной независимости, его статусу одного из самых известных в мире писателей, а Лимонов — хаускипер этого же multimиллионера, эмигрант и, предполагается, антисоветчик, то только тогда вы поймете, какой интерес был у Ефименкова к книге, что он сразу же с порога так вот спросил. Для вас, может, и ничего особенного, а на советском языке это значит раскрытие объятий.

Я дал ему прочесть. Я ему дал. И он о...л.

Было от чего. Там говорилось и о гомосексуализме, и о других сексуальных приключениях героя, говорилось открыто, без оговорок, и любовь приобретала ясные очертания, никаких сиюсекундных и сластей. Кроме того, было ясно, что герой не был счастлив с советским строем, несчастлив он и с этим, в котором повелевают Гэтсби (Стивена, впрочем, я тогда еще не знал), в общем, было много острого и кровавого в той книге. Герой не разыгрывал из себя мачо: когда ему некого было... и он мастурбировал, то так и было написано, что мастурбировал. Герой не побоялся открыть самого себя, вот это-то и потрясло Ефименкова. И самое «ужасное» — у героя было мое имя. Его тоже звали Эдуард Лимонов.

Я дал ему книгу не в первый же день, как он просил, а, кажется, на третий, в тот вечер он был дома, Стивен находился где-то в Европе, и Ефименков никуда не пошел в тот вечер и стал читать книгу. Наутро он улетал в Колорадо вместе с Бартом, потому, забирая у меня рукопись, он вежливо испросил разрешения взять ее с собой в Колорадо. Я разрешил ему взять рукопись: у меня были еще копии — одна у переводчика и еще несколько в разных местах земного шара, так что я благородно разрешил.

Когда он вернулся через несколько дней, Гэтсби был в доме, и Ефименков это знал. Тем не менее первое, что он проорал прямо от входа, задржав голову вверх и вначале заглянув было на кухню, было: «Эдик! Эдик!» Он знал, что если я не на кухне, то у себя на четвертом этаже. Тут на его крики из своего офиса на втором этаже появился босс и ринулся к Ефименкову, но тот отмахнулся от Гэтсби и устремился ко мне наверх. Это был мой полный триумф. Мой — над моим хозяином. Слуга победил. Искусство хоть на минутку вспрыгнуло выше его миллионы.

Я вышел из своей комнаты на площадку лестницы.

— Ну убил ты меня своей книгой, — сказал Ефименков, шумно выдохнув воздух. — Я целую ночь не спал. Это крик! Книга написана в жанре крика.

— Женя всю поездку только и говорил со мной о твоей книге, Эдвард, — сказал взбравшийся ко мне вслед за Ефименковым Джон Барт.

В тот вечер позже Нэнси устроила ужин, она специально приехала из своей деревни увидеть Ефименкова — видите, каким важным гостем он был. Сервировал, естественно, я: копченый салмон, селедка, водка и всякие другие прелести из магазина «Забарс» были положены мною на стерлинговское серебро и выставлены на стол в дайнинг-рум. Пришли еще несколько приглашенных, некоторых я знал, они должны были все идти в балет смотреть на другую русскую суперзвезду — Рудольфа Нуриева, потому они подкреплялись перед балетом. После балета они должны были все идти в ресторан: Линда, я знал, зарезервировала стол, она тоже была приглашена

* знаменитость

** черт тебя побери!

самим Гэтсби как «пара» Джону Барту, чтобы нейтрализовать его. Барта мистер Стивен Грэй терпеть не мог. Он так и сказал Линде с присущей ему баронской прямоотой: «Ты будешь сидеть рядом с этим остолопом Бартом и отвлекать его разговором, чтобы он не говорил глупостей и не мешал общей беседе».

Нэнси, по-моему, опасаясь, что ей будет скучно, пригласила еще незнакомую мне молодую женатую пару, а также присутствовала приятельница Ефименкова, уродливая верзила — женщина по имени Лидия, каковая так же, как и Джон Барт, почему-то оказывалась непременной участницей всех визитов советских литераторов в Соединенные Штаты. Она русская по происхождению, но родилась в Америке и говорит по-русски с акцентом.

Они сидели в дайнинг-руме и пили обо всем понемногу, нецеленаправленно — светская беседа, знаете, мне с моей кухни было противно слышать, — Ефименков что-то говорил о внутренних советских литературных делах, а Гэтсби о своих бизнесменских, и время от времени хозяева что-нибудь меня просили принести: Гэтсби — необычайно ласковым тоном, рассчитанным только на Ефименкова, Нэнси — вполне обычным, нужно отдать ей должное, она в своем поведении не очень-то лгала.

Вы, наверное, думаете, что я в своей кухне возмущался и мучился от оскорбленной гордости в этой ситуации, что вот я прислуживаю Гэтсби и моему соотечественнику Ефименкову, в то время как я писатель, да еще какой, раз литературная суперзвезда Ефименков только что в самых возбужденных выражениях выразил свой восторг перед моим творчеством? Нет. Ни ... подобного, я, напротив, опасался, что они меня пригласят к столу, и я вынужден буду выслушивать весь их вздор, деревянный акцент Ефименкова, его наивные попытки объяснить моему хозяину то, что его совсем не интересовало. Все упоминаемые Ефименковым имена советских деятелей были скушны даже мне, местные знаменитости, кому они на ... были нужны, но Ефименков же не знал этого. Если вы думаете, что я мучился самолюбием и мне было стыдно «прислуживать», стыдно перед Ефименковым, то это неправда. Я имел здоровое понятие о работе и о том, что за работу полагается вознаграждение, и то, что мне платил за мою работу Гэтсби, вкупе с жильем моим и всеми привилегиями, которые я имел, проживая в его доме, меня вполне устраивало.

Если я противился эксплуатации Гэтсби, то речь шла о его подсознательном желании заставить мою душу участвовать в его бизнесе и истериках, а такого подарка я ему не мог сделать. На эксплуатацию же части моего времени и физических сил я был согласен, и сам его о такой эксплуатации просил в обмен на его деньги. Мне нужны были его деньги, чтобы жить и писать другие книги, и заплатить за перевод уже написанных, и умудриться продать их, книги, и тогда уйти от Гэтсби и эксплуатировать себя самому.

Когда они наконец ушли в балет, я чуть не задохнулся от радости и взялся убирать со стола. И хотя они съели все копченые и соленые прелести магазина «Забарс», даже красной ниточки не осталось от копченого шотландского салмона на серебряном блюде, я с воодушевлением носился с грязной посудой — последняя операция дня. Конец.

Убрав посуду в dishwasher* и удостоверившись, что дети (а Нэнси привезла двоих самых младших своих детей из деревни), вдоволь насмотревшись ТВ, ушли, наконец, спать, пошел спать и я.

Разбудил меня отвратительный звук — нечто вроде домашней полицейской сирены, им мы все вызываем друг друга в доме — звук внутреннего домашнего телефона. Я взглянул на часы — было три часа ночи.

— Ес! — сказал я как можно более бодрым и энергичным голосом в телефон. Неутомимый русский, готовый ко всему в любое время дня и ночи. Супермен.

Ответил мне пьяный голос Ефименкова. «Эдик! — сказал он. — Спускайся вниз, мы сидим на кухне, и мы хотим с тобой выпить. Стивен хочет, — поправился он. — Я ему рассказал о твоей книге, он очень заинтересовался, спускайся».

Я разозлился. «Если «босс» хочет, я спущусь, — сказал я. — Но ес-

Рис. Р. Зонтикова

* посудомоечная машина

литы хочешь, Женя, мы можем выпить и завтра, и в любой другой день, сейчас, между прочим, три часа ночи».

— И он хочет, и я хочу, — сказал упрямый Ефименков, спокойно проглотив мое неудовольствие.

Тихо поругиваясь, я натянул на себя тишотку цвета хаки с орлом и надписью «U.S. Army», черные «служебные» брюки и спустился вниз. Они сидели на кухне вдвоем, Ефименков — положила локти на стол, и разговаривали.

— Женя сказал мне, что ты написал great book*, — обратился ко мне Стивен.

Я только улыбнулся в ответ: что я мог сказать? Скромный Лимонов. Но Гэтсби и не ждал ответа. Он продолжал:

— Я переспросил Женю, имеет ли он в виду, что ты написал good book*, но он настаивает на своем знании английского языка и утверждает, что ты написал именно great book.

— Стивен, давай выпьем за его книгу, — перебил его Ефименков.

— Давай выпьем очень хорошего вина.

— Сейчас я угощу тебя чем-то особенным, — сказал Гэтсби обрадованно, встал и ушел вниз по лестнице, ведущей из кухни в бейсмент и в винный погреб.

— Я ему все рассказал о твоей книге, — сказал Ефименков, усталодоверительно наклоняясь ко мне. — Я хотел, чтобы мы выпили все вместе, может быть, ты перестанешь его ненавидеть, а он лучше поймет тебя.

Простое лицо Ефименкова горело от выпитого, но пьяным он не был, и никакой игры в нем в этот момент не было. Я решил ему довериться. Только я не помнил, чтобы я ему говорил о том, что ненавижу Стивена. Я писал об этом в своем дневнике, он открыто валялся по всему дому, никто же не знал русского языка, может быть, любопытный Ефименков — советский писатель — заглянул в мой дневник, откуда я знаю.

Вернулся Гэтсби с бутылкой уникального немецкого белого вина, на бутылке была наклейка, удостоверяющая, что это вино не для продажи, а только для коллекции. Я встал, чтобы принести бокалы, и хотя Гэтсби пытался сделать это сам, я удержал его, сказав: «Извините, Стивен, я все-таки хаукипер здесь». Получилась шутка.

Гэтсби открыл бутылку, вино было восхитительное. Мы сидели и пили. После нескольких глотков Гэтсби радостно и простоудушно вернулся к своей излюбленной теме — к самому себе. Он быстро и судорожно рассказывал, как он устает от своих бесчисленных должностей и обязанностей, как мало спит и как много путешествует. Ефименков слушал его внимательно и, как мне показалось, восторженно.

Гэтсби уже увлеченно говорил о том, что на прошлой неделе ему предложили купить искусственный спутник, «свой сателлит», восторженно говорил Гэтсби, и что стоит списанный государством сателлит не очень дорого, он назвал сумму, которую я тотчас забыл, так она была от меня далека и потому нереальна. Гэтсби, оказывается, раздумывал, покупать или не покупать. Увлеченный Гэтсби выглядел, как ребенок. «Сателлит» звучало в его устах, как новая игрушка. Так, наверное, и было.

Остановить Гэтсби трудно. С сателлита он перескочил на свою борьбу с японскими фирмами в области компьютеров и столь же быстро переключился на историю с «его» фильмом: очевидно, Ефименков этой истории не знал.

Гэтсби вещал, а я думал, какого черта я здесь сижу, зачем они меня разбудили и вызвали среди ночи, если он не дает мне слова сказать. Ох, эти мне барские прихоти! Ефименков, тот был очень наглый, и потому, когда имел что сказать, говорил, не стесняясь своего деревенского акцента, и говорил упрямо и громко, недаром он читал всю свою жизнь перед многотысячными аудиториями, перед массами.

Перерыв образовался, когда Гэтсби вышел в туалет, отлить.

— Он действительно заработался, бедняга, плохо выглядит, нездоровая краснота на лице, ему нужно отдохнуть, он убивает себя работой, — сказал с восхищенным состраданием Ефименков. — И говорит, видишь как, захлебываясь, — продолжал Ефименков, — у него, видимо, нервное истощение.

Ясно, восхищается энергичным капиталистом. На мой взгляд, толку от Гэтсби было не так много. При всех внешних, казалось бы, проявлениях его энергии делалось куда меньше, чем Ефименков себе представлял. Больше времени тратилось на перелеты из Коннектикута в Колорадо и Техас, в Нью-Йорк и обратно, на Восток и в Европу, на ланчи и динеры, каждый часа по два-три и обязательно с французским вином, чем собственно на работу, на бизнес. Французским вином и ланчами и объяснялась нездоровая краснота лица Гэтсби, в его сорок лет у него нависал животик над ремешком, не-большой, но живот, да и у самого Ефименкова был уже виден живот, хотя в предыдущие годы был он всегда тонок, как спичка. Я не мог объяснить это все Ефименкову за то короткое время, пока капиталист находился в туалете. Не мог объяснить, что Гэтсби не так эффективен, как Ефименкову кажется, что, может быть, производство автомобилей и другие принадлежащие ему бизнесы вполне могут обойтись и без него, без его суесть, ланчей и динеров, что, может быть, Гэтсби больше тешит свое «я», чем работает. Я решил, что объясню это Ефименкову как-нибудь потом, но так и не объяснил, не успел, а потом он уехал обратно в Советский Союз.

Я давно догадывался, но тогда, глядя на них, мне стало совсем ясно, что Гэтсби и Ефименков принадлежат к одному классу — к хозяевам этой жизни, хотя один — мультимиллионер, а другой — писатель-коммунист; или, если хотите, к одной интернациональной банде — к старшим братьям этого мира, к элите. Недавно в одном нью-йоркском журнале была заметка о моем хозяине со сногшибательным заголовком «Сегодняшний рабочий класс», а под заголовком фотография Стивена Грэя в очках, со слегка отпущенным галстуком, с умным и проницательным взглядом — это так он сам себя представлял, и таким его представил Америке журнал. Но я-то таким его не видел. Для меня, с моей кухни глядя, он был капризным, избалованным богачом, который, не оставь ему отец и дед миллионов, не смог бы, пожалуй, и доллара заработать в этой жизни. Я знал, что при столкновении с простейшими жизненными проблемами он становится беспомощным, как дитя.

Ефименков, тот утверждал и утверждает в своих книгах, что он рабочей кости человек, простой сибиряк, и, вообще, щеголяет как бы своей простотой и открытостью. Это его наивная ложь, в которую он сам верит. И из Сибири он уехал, когда был еще мальчиком, и рабочим он едва ли был с полгода, ведь уже с шестнадцати его стали печатать газеты и журналы, а в восемнадцать лет он уже был известным писателем. С тех самых пор он и удален был навсегда и навечно от простых людей и как писатель, очень известный писатель, жил элитарной жизнью. Ему дарили картины Дали, Пикассо и Шагал, а рабочего в нем была только его, опереточного рабочего, кепка и кожаное тонкое пальто, которое стоит денег, господин товарищ Ефименков, хоть он в общем и вполне хороший мужик.

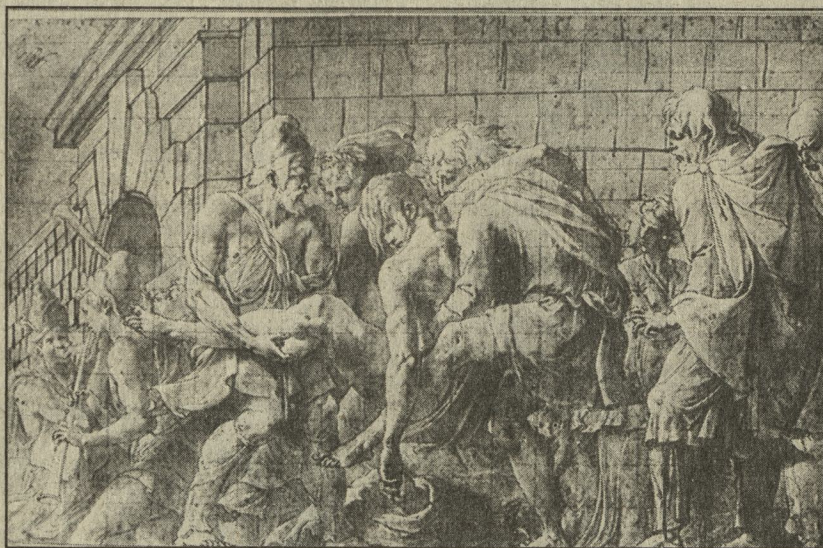
Они прекрасно друг друга понимали и нуждались друг в друге, а я сидел и грустно думал, что хотел бы быть с ними, а вот не могу, увы. Мне тридцать пять лет, и с семнадцати лет я добываю себе пропитание физическим трудом, потому их псевдорбочие лозунги меня не на...т. Да мы все работаем, но господин Гэтсби работает очень от-лично от нашей черной Ольги или от меня. Ну хорошо, Ольга, она, может быть, не может тягаться с Гэтсби, не то образование, скажем, но, если сравнить меня и Гэтсби, кто же лучше, талантливее, кто нужнее миру? Это роковой вопрос, я решаю его всякий день, я борюсь и соревнуюсь со своим хозяином, он хоть и зверь, черт, но обаятельный черт современной цивилизации, блестящий черт в блестящих автомобилях. Эдуард Лимонов и Гэтсби. Кто кого?

* великая книга

Аркадий ИППОЛИТОВ

ПАРИС И ЕЛЕНА

(Гомеровский эпос)

Ф.Приматиччо
Раненый Парис

В нашем сознании образ троянца Париса ассоциируется прежде всего с юным пастухом, выбирающим Афродиту из трех богинь, рассорившихся из-за золотого яблока. Но эта легенда, относящаяся к предыстории Троянской войны и необычайно популярная в изобразительном искусстве, остается за пределами «Илиады».

В самой поэме мы сталкиваемся с Парисом, когда греки и троянцы предпринимают последнюю отчаянную попытку окончить изнурительную войну. Враждующие стороны решают, что проблему может устранить единоборство Париса и Менелая, как наиболее заинтересованных в самом предмете войны — Елене.

Но Троянская война была развязана не людьми, а богами. И греки, и их враги покорялись высшей воле, и изменить свой жребий было не в их власти. Когда оба войска смотрят с надеждой на схватку Париса и Менелая, желая, чтобы война хоть как-то кончилась, Афродита вмешивается в бой и уносит почти побежденного Париса в его дворец.

Парис, или Александр, как его часто называет Гомер, предстает в поэме не совсем таким, каким его привыкли изображать европейские художники. В «Илиаде» Парис, хотя и противопоставлен добродетельному Гектору, все же остается героем, равным самым доблестным воинам. Даже Менелай, ненавидящий

своего счастливого соперника, называет его «божественным» (характерно, что в переводе Гнедича этот эпитет в отношении Париса пропущен). Имя Парис, означающее борец, и второе его имя, Александр — отражающий мужей, — свидетельствуют о том, что Парис в древней трактовке мифа был мощным и сильным мужем, непохожим на вероломного и незадачливого юношу, каким он предстает перед нами в многочисленных изображениях со времен Ренессанса.

Рисунок итальянского художника XVI века Франческо Приматиччо «Раненый Парис» — один из немногих примеров обращения к тексту «Илиады» до конца XVIII века. Ранее «Илиада» была известна в пе-

А. Канова. Елена Прекрасная

реложениях и наибольшей популярностью пользовалась «Троянская история», объединившая многие источники в одно стройное повествование. Даже раненный, Парис Прима-тиччо кокетливо смотрит через плечо на зрителя сквозь экстравагантную челку, соответствующую, наверное, гомеровскому эпитету «Прекраснокудрый».

Такое же восприятие Париса передает скульптура Кановы: гордый обнаженный юный красавец в кокетливой фригийской шапочке, избалованный успехами у женщин и покровительством богинь. Он редко изображается с оружием, как другие герои Троянской войны, его атрибут — пастуший посох. В Парисе всегда подчеркивалась изнеженность и женственность. Канова изображает его с яблоком, которое он прячет за спиной, рассчитывая на ассоциацию, мгновенно возникающую при виде этого символа: яблоко грехопадения. Греческий кра-

савец у Кановы приобретает черты дьявола-искусителя.

Как и Парис, Елена стала одной из самых любимых героинь неоклассицизма. Дочь Зевса и смертной Леды, самая прекрасная женщина всех времен и народов, она в то же время одна из самых несчастных. Среди ненавидящих ее троянцев она глядит с крепостной стены на бесполезную попытку Менелая и Париса прекратить страшную войну. Ее судьба вызывает жалость даже у царя Трои Приама, хотя его сыновья гибнут из-за ее красоты. Если бы она что-нибудь могла, Елена прекратила бы войну. Но она во власти Афродиты. Любая попытка противиться воле богини тут же грозит наказанием. Когда Елена, взволнованная зрелищем поединка, требует у Афродиты, чтобы ее, «ненавистную», как она себя называет, возвратили Менелая, Афродита отвечает:

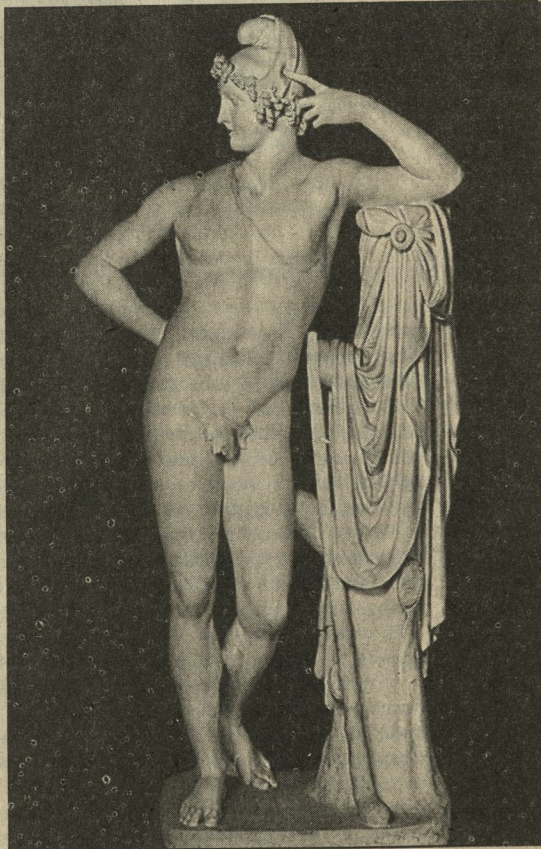
*Смолкни, несчастная! Или,
во гневе тебя я оставив,*

*Так же могу ненавидеть,
как прежде безмерно любила.
Вместе обоих народов,
тroyя и ахейя, свирепство,
Я на тебя обращаю,
и погибнешь ты бедственной
смертью!*

Прекрасная и несчастная — два эпитета Елены. С постоянным оттенком грусти предстает Елена в живописи и скульптуре неоклассицизма. На картине отца неоклассицизма Ж.-Л. Давида Елена печально вглядывается в свою судьбу, выслушивая жизнерадостного и несколько глуповатого в своем гедонизме Париса. Образ невинной скорбящей преступницы противопоставлен румяной беззаботности ее нового мужа. Даже в картине Анжелики Кауфман, модной и поверхностной художницы конца XVIII века, Елена отнюдь не рада Парису, навязанному Афродитой.

Неоклассицизм постоянно пытался обрести идеальный мир античности, олицетво-

ривший абсолютную красоту. Поискам этой эпохи был свойствен отпечаток грусти: идеал недостижим, время не-возвратно, античные боги давно покинули землю. Прекрасная Елена со своей красотой и печалью становится символом времени: недаром во второй, мифологической, части «Фауста» Гете Елена окажется супругой героя. Получив самую прекрасную жену в мире, Фауст не может наслаждаться счастьем. Непонятно, реальна Елена или она только призрак, фантом, наваждение, как призрак сама абсолютная красота, всегда остающаяся недостижимой.

А. Канова. Парис

Ж. Л. ДАВИД. Парис и Елена

А. КАУФМАН. Афродита уговаривает Елену любить Париса

КВ 704

индекс 73746

103 070, г. Москва,
ул. Ильинка (Куйбышева),
д. 13, к. 406

Телефоны: 206-90-73
206-90-78

FAX: 206-90-60

